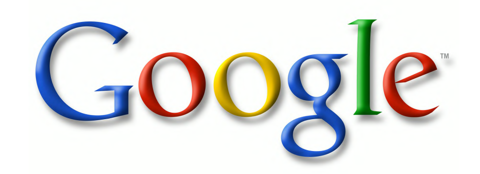

ПѢСНИ

ДЛЯ

РУССКАГО НАРОДА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КУПЛЕТОВЪ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ПОМѢЩЕНО 478 ПѢСЕНЪ И 382 КУПЛЕТА.

Собранныя

МИХАИЛОМЪ СМИРДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1859.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 11 Ноября 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

1.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.

Тамъ громкою славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань:

Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!

А. Пушкинъ.

2.

Боже, Царя храни;
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже, Царя храни.

В. Жуковскій.

3.

Боже, Царя храни;
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.

В. Жуковскій.

4.

Слава на небѣ солнцу высокому,
На земли Государю Великому.
Слава на небѣ утру прекрасному,
На землѣ Государынѣ ласковой.
Слава на небѣ ясному мѣсяцу,
На землѣ Государю Наслѣднику.
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи,
Сыновьямъ, Дочерямъ Государевымъ;
И Великому Князю съ Княгинею.
Слава громамъ, играющимъ на небѣ,
Слава храброму Русскому воинству.
Слава небу всему лучезарному,
Слава Русскому царству великому.
Веселися ты солнце небесное,
Многія лѣта Царю благовѣрному.

В. Жуковскій.

5.

Боже, зри мое смиренье,
Зри мои плачевны дни,
Зри мое ты огорченье,
И меня не обвини! 2.

Что я смертна тварь дерзаю
Говорить съ моимъ творцемъ,

И что, грѣшный, называю
Безпорочнаго отцемъ. 2.

Покажи мнѣ путь къ спасенью,
Въ сердцѣ утверди законъ,
Ухо приклони къ моленью
И услышь мой тяжкій стонъ! 2.

Я къ тебѣ молитву слезну,
Мой создатель, приношу;
Даждь мнѣ тишину любезну,
Со смиреніемъ прошу. 2.

Будь мнѣ, Боже, покровитель
И заступникъ Ты мнѣ будь,
Буди мнѣ, Боже, Спаситель,
И моихъ слезъ не забудь! 2.

Боже, Ты мя не остави,
Коль оставилъ человѣкъ;
Ты отъ бѣдъ меня избави
И храни меня во вѣкъ! 2.

6.

О щедрый Богъ! не вовсе-жъ я
Тобою позабытъ!

Источникъ милости твоей
Для всѣхъ равно открытъ.
Въ селеньи каждомъ есть твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ твоимъ
Доступнымъ олтаремъ!
Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ тобой,
Создатель, говорю.
И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ!
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ!

7.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души, какъ бремя, скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачится,
И такъ легко, легко . . .

Лермонтовъ.

8.

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!

То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ . . .

Дастъ желаньямъ ли свободу —
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ ли волю —
Подъ нимъ море закипитъ.

Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ.
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ . . .

Кольцовъ.

9.

Мой другъ, молися за меня!
Тебѣ доступно упованье;
Ты такъ чиста, душа твоя
Не омрачилася страданьемъ:
Такъ помолися за меня. 3.

Мой другъ, молися за меня!
Быть можетъ грустныя страданья
Въ душѣ замолкнутъ; снова я
Сдружусь съ отраднымъ упованьемъ,—
Такъ помолися за меня. 3.

Князь Козловскій.

10.

Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка блеститъ;
Не люби ее такъ страстно!
Для тебя-ль она горитъ!

Для меня-ль! того не знаю;
Но при ней мнѣ такъ свѣтло!
Но при ней я не страдаю,
Безъ нее мнѣ тяжело.

Сладко съ звѣздочкой сродниться —
Ею красенъ міръ земной;
Стоитъ звѣздочкѣ затмиться —
И померкну я душой.

Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка горитъ,
Не люби ее такъ страстно!
Для тебя-ль она блеститъ!

11.

Засвѣтилась звѣзда самоцвѣтная
Надъ Невой рѣкой, во поднебесьи.
Чуетъ вѣщее радость дивную —
Прилетѣла къ намъ золотая вѣсть:
Воротился нашъ Православный Царь!
Радость — солнце нашъ отецъ,
Золотой на немъ вѣнецъ!
Съ нимъ и матушка-царица,
Словно свѣтлая зарница!
Заплетися, плетень, заплетися,
Православный народъ веселися!
Ты завейся, труба золотая,
Веселись, веселись, Русь святая!
Развернися, камка хрущатая,
Загреми наша пѣсня родная!

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю на сей землѣ слава!
Государь нашъ, надежда не старится, слава!
Его цвѣтное платье не носится, слава!
Его добрые кони не ѣздятся, слава!
Золотой казнѣ его счета нѣтъ, слава!
Его воинство — громы небесные, слава!
А любовь къ нему — океанъ море, слава!

Н. Полевой.

12.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится Русское ура
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы Шведу
Русскій путь загородилъ,

И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Сла̀венъ сталъ нашъ Русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми-жъ до граней свѣта
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

В. Жуковскій.

13.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

Строемъ станьте, пѣсню гряньте
Про Царя и про народъ.
Царь державный, Русью славной,
Правь на славу въ родъ и родъ.

Были годы, непогоды
Поднимались и на насъ;
Съ громомъ брани въ наши грани
Темный врагъ вбѣгалъ не разъ.

Но проснулся, развернулся
Нашъ орелъ вождемъ полковъ;
Свѣтъ дивится, Русь гордится
Славой дѣдовъ и сыновъ.

День Полтавы — праздникъ славы;
Измаилъ, Кагулъ, Рымникъ;
Бой Московскій; взрывъ Кремлевскій,
И въ Парижѣ Русскій штыкъ.

За Балканомъ русскимъ станомъ
Устрашенный старый врагъ,
И въ ограду царю-граду
На Босфорѣ Русскій флагъ.

Величайся-жъ, Русь святая;
Славься доблестный народъ!
Отъ Камчатки до Дуная
Наше все и все поетъ:

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

В. Жуковскій.

14.

ПѢСНЬ РУССКИХЪ СОЛДАТЪ ЗА БАЛКАНОМЪ.

Перешли крутой Балканъ,
За Балканомъ русскій станъ,
Къ намъ Царьградъ теперь поближе;
Мы бывали и въ Парижѣ.

Силенъ былъ Наполеонъ,
И ему дали трезвонъ!
И Султанъ удалъ, да хилой,
Не подъ силу съ русской силой.

Славно Дибичь воевалъ,
При Кулевчи пировалъ;
Много званныхъ, — только гости
Тамъ свои сложили кости.

Забалканскій Графъ! иди!
И побѣда впереди —
Знаменами Николая
За Балканомъ развѣвая.

Въ честь ему греми ура!
Грекамъ праздновать пара!
Недалекъ Адріанополь —
И дрожитъ Константинополь!

15.

КНЯЗЮ ПАСКЕВИЧУ-ЭРИВАНСКОМУ.

Ура! Паскевичь-Эриванскій!
Ты Русскій громъ, страхъ оттоманскій.
Ты обломилъ лунѣ рога!
Грозой войны смирилъ врага.
Ура! ура! ура!

Съ мечемъ Суворовскимъ во длани,
Ты быстръ, какъ вихрь на полѣ брани;
И въ Карсъ, могучій нашъ орелъ,
Ты на плечахъ враговъ влетѣлъ!
Ура! ура! ура!

Покорнымъ міръ, упорнымъ горе;
И Ахалцыхъ въ огнѣ, какъ въ морѣ,
Волнами пламени объятъ, —
И съ разу на штыки онъ взятъ!
Ура! ура! ура!

Твоя рука неутомима,
Твоя душа неколебима,
И мысль твоя, какъ мечь страшна!
Побѣда ей — всегда вѣрна.
Ура! ура! ура!

Твои неодолимы строи,
Съ тобой солдаты — всѣ герои,
Чрезъ неприступный Сагавлукъ
Перешагнулъ Паскевичь вдругъ.
Ура! ура! ура!

Ужъ не коверъ-ли самолётъ
Тебя по воздуху несётъ?
Иль невидимку надѣваешь?
Вездѣ поспѣлъ — и побѣждаешь!
Ура! ура! ура!

Пускай Гачки-паша грозится,
И въ помощь Сераскиръ стремится,
Ты силы турокъ разорвалъ,
Пашу и Сераскира взялъ.
Ура! ура! ура!

На полѣ битвы, въ вихряхъ дыма,
Тебѣ предстала слава Рима;
Она звала тебя: герой!
Палъ Эрзерумъ передъ тобой!
Ура! ура! ура!

Не уставалъ ты побѣждать,
Не уставалъ Царь награждать.
Хвала Царю—отцу народа!
Хвала, нашъ чудо воевода!
Ура! ура! ура!

16.

Ѣздилъ Русскій бѣлый Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далеко
Злобу поражать.

Грозно онъ каралъ враговъ,
Много побралъ городовъ;
Отъ Москвы и до Парижа
Лавры пожиналъ.

Крови тамъ лились моря,
Смерть летала вкругъ Царя;
Но среди военной бури
Богъ его хранилъ.

Онъ за зло платилъ добромъ,
Воскресилъ бурбоновъ домъ,
Имя Русское прославилъ,
Міръ вселенной далъ.

Гдѣ ты свѣтлый Царь царей,
Ангелъ міра, другъ людей?
Гдѣ ты, солнце наше красно?
Гдѣ ты, гдѣ теперь?

Или въ царствѣ ты лилей,
Иль средь радостныхъ людей?
Или, свѣта ставъ любовью,
Позабылъ дѣтей?

Полно радовать чужихъ,
Намъ завидно счастье ихъ;
Возвратись изъ странъ далекихъ
На родимый край!

Безъ тебя веселья нѣтъ,
И постылъ намъ бѣлый свѣтъ;
Грустно безъ отца роднаго —
Возвратись скорѣй!

Ждетъ тебя Царица-мать,
Жаждетъ сына лобызать;
Ждетъ прекрасная царевна,
Ждетъ святая Русь.

О зефиры на крылахъ,
Или рѣки на волнахъ,
Принесите намъ скорѣе
Нашего Царя.

17.

Темнѣетъ, бурна ночь, темнѣетъ,
И вѣтръ шумитъ, и громъ реветъ,
Москва въ пожарахъ пламенѣетъ,
И Русскій воинъ плѣнъ поетъ:

Горитъ, горитъ царей столица;
Надъ ней въ кровавыхъ тучахъ громъ
И гнѣва Божьяго десница....
И бури огненны кругомъ.

О Кремль! твои святыя стѣны,
И башни горды на стѣнахъ,
Дворцы и храмы позлащенны
Падутъ, униженныя, въ прахъ!

И все, что древность освятила,
По вѣтрамъ съ дымомъ улетитъ!
И градъ обширный — какъ могила,
Иль дебрь пустынна, замолчитъ!

А гордый врагъ, оставя степи
И груды пепла вкругъ Москвы,
Возвыситъ гордо, мечь и цѣпи
И двинетъ рать къ брегамъ Невы....

Нѣтъ, нѣтъ! не будетъ пить онъ воды
Изъ славныхъ Невскихъ береговъ:
Возстали рати и народы,
И тронъ Царя стрежетъ любовь!

Друзья, бодрѣй! ужъ близко мщенье!
Ужъ вождь, любимецъ нашъ сѣдой,
Устроилъ мудро войскъ движенье
И въ тылъ врагамъ грозитъ бѣдой.

А мы друзья — къ Творцу молитвы:
О, дай всесильный намъ Творецъ!
Чтобъ дивной сей народовъ битвы
Вѣнчали славой мы конецъ! . . . »

Вѣщалъ — и очи всѣхъ подъяты,
Съ оружьемъ длани къ небесамъ:
Блескъ молній пробѣжалъ трикраты
По свѣтлымъ саблямъ и штыкамъ.

Ѳ. Глинка.

18.

Ахъ ты Бендеръ, Бендеръ крѣпкій градъ,
Ты разумный храбрый Панинъ графъ!
Ждетъ Европа чуда славнаго!
Ждетъ Россія славы новыя!

Царь Турецкій и не думаетъ,
Чтобы Бендеръ была взятая!
Говоритъ онъ графу Панину:
Небылъ городъ Бендоръ взятъ никѣмъ;
Вижу града стѣны крѣпкія,
Вижу множество Турецкихъ войскъ.
Здѣсь число войскъ Русскихъ малое,
Да въ тебѣ душа великая.
На разсвѣтѣ было въ середу,
Войско двинулося къ Бендеру,
Загремѣли громы страшные,
Заблистали молньи свѣтлыя,
Загарается селеніе,
Упадаетъ и всё зданіе,
Стонутъ, стонутъ побѣжденные,
Торжествуютъ побѣдители,
Славься, славься Государыня!
Славься Панинъ графъ и воинство!

19.

ВОСПОМИНАНІЯ РУССКАГО ВОИНА.

Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный!
Такъ капитанъ солдату говорилъ,
Ты помнишь-ли, какъ громъ грозы военной
Святую Русь внезапно возмутилъ!
Ты помнишь-ли, какъ мы подъ знаменами
Отечества сражались со врагомъ,

Какъ онъ бѣжалъ съ несмѣтными полками . . .
Скажи, солдатъ, ты помнишь-ли о томъ!

Ты помнишь-ли походъ тотъ незабвенный,
Когда мы шли побѣды дань стяжать,
Когда повелъ насъ Царь-Благословенный
Расторгнуть плѣнъ и миръ народамъ дать!
Ты помнишь-ли, какъ нашъ орелъ двуглавый,
На высотахъ Монмарта бросивъ громъ,
Далъ міру миръ, во имя Русской славы . . .
Скажи, солдатъ, ты помнишь-ли о томъ!

Ты помнишь-ли, когда Парижъ надмѣнный
Намъ отворилъ завѣтныя врата
И отдалъ лавръ, колѣнопреклоненный,
И ждалъ отъ насъ съ покорностью суда!
Ты помнишь-ли, какъ Русскія знамена
Воздвиглись въ немъ съ побѣднымъ торжествомъ,
И міръ сложилъ ярмо Наполеона . . .
Скажи, солдатъ, ты помнишь-ли о томъ!

Ты помнишь-ли, какъ съ громомъ Николая
Мы перешли заоблачный Кавказъ —
Когда пути чрезъ бездны пролагая,
Къ побѣдамъ велъ герой — Паскевичь насъ!
Ты помнишь-ли, когда надъ Эриванью
Раздался нашъ побѣдносный громъ —
И намъ Иранъ предсталъ съ покорной данью . . .
Скажи, солдатъ, ты помнишь-ли о томъ! —

Ты помнишь-ли, какъ Русскій за Балканы
Перешагнулъ! — ни мечь, ни тяжкій зной
Не заградилъ пути во вражьи страны,
И мусульманъ бѣжалъ гонимъ грозой!
Ты помнишь-ли, какъ мы въ Адріанополь
Явились вдругъ съ губительнымъ штыкомъ —
И намъ открытъ былъ путь въ Константинополь . . .
Скажи солдатъ, ты помнишь-ли о томъ! —

Ты помнинь-ли, какъ древней нашей славы
Не признавать дерзнулъ мятежный Ляхъ,
Ты помнишь-ли, какъ онъ въ стѣнахъ Варшавы
Раскаялся и палъ попранный въ прахъ! . .
Ты помнишь все, товарищъ славы бранной!
Дай руку мнѣ; войди въ мой мирный домъ!
Живъ Русскій Богъ, живъ Царь Боговѣнчанный!
И Русь славна, да помнятъ вѣкъ о томъ!

М. Максимовъ.

20.

РОМАНСЪ.

Тяжело, не стало силы,
Ноетъ грудь моя,
Злое горе до могилы
До тащу ли я?

На покой пора печали,
Время спать костямъ.
Душу страсти разорвали,
Время спать страстямъ.

А далеко ли до гроба —
Отдохнулъ бы я.
Отдохнули бы мы оба
Я да грусть моя.

Э. Губеръ.

21.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О другъ! я все земное совершила!
Я на землѣ любила и жила!

Нашла ли ихъ? сбылись-ли ожиданья?...
Безъ страха вѣрь! обмана сердцу нѣтъ!
Сбылося все! я въ сторонѣ свиданья!
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.

Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ!
О милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто! ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ!

Не унывай! минувшее съ тобою!
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ!
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою,
Сверши одинъ начатое вдвоемъ!

22.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки —
Разлуки нѣтъ.
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.

. . . .
. . . .

Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю плачу и ревную,
Какъ въ старину.

Коснется-ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ —
Моя душа въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случится-ль, шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ,
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другова,
Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья —
Къ-чему онѣ?
Покоя міра и забвенья
Не надо мнѣ!

Лермонтовъ.

23.

Сладко пѣлъ душа-соловушка
Въ зеленомъ моемъ саду:
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ;
Слаще не было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная;
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося,
Не разсталась бы ввѣкъ съ ней. 2.

Вдругъ подула со полуночи,
Будто на сердце легла,
Снѣговая непогодушка,
И мой садикъ занесла.

Со того-ли со безвременья
Опустѣлъ зеленый садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхать. 2.

Слышите-ль мои подруженьки?
Въ зеленомъ моемъ саду
Не поетъ-ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

«Гдѣ ужъ помнить перелетному
«— Мнѣ подружки говорятъ —
«Пѣсню, можетъ быть, постылую
«Для него въ чужомъ краю?» 2.

Нѣтъ! — запѣлъ душа-соловушка —
Въ чужедальной сторонѣ.
Онъ все горькій сиротинушка,
Онъ все тотъ же, что и былъ.

Не забылъ онъ пѣснь завѣтную;
Все про край родной поетъ,
Все поетъ въ тоскѣ про милую;
Съ этой пѣснью и умретъ. 2.

Лажечниковъ.

24.

Скоро-ли, буйные вѣтры уйметеся!
Скоро-ли, тучи, вы разнесетеся!—
Скоро-ли стихнутъ удары громовые,—
Скоро-ль потухнутъ стрѣлы огневыя?...

Долго-ли ждать мнѣ солнышка краснаго!
Долго-ли ждать мнѣ денечка яснаго!
Али со мною солнце простилося, —
Али на вѣкъ отъ меня закотилася!

Не унять мнѣ васъ — вѣтры буйные!
Не прогнать мнѣ васъ — тучи черныя!
Не заглушить удары громовые, —
Не потушить васъ, стрѣлы огневыя!

Скучно, страшно подъ грозою быть!
Скучно, грустно одинокимъ жить!
Скучно, темно и при солнышкѣ!
Скучно въ ясный день сиротинушкѣ.

Ужъ давнымъ-давно, — не помню я,
Старики съ селѣ сказали мнѣ, —
Какъ отца и мать сырой землѣ
Назадъ отдали съ молитвою.

На чужихъ рукахъ пришлося мнѣ
Подрастать къ горю безъ радости; —
Ни родимыхъ, и ни родныхъ мнѣ,
Никого по сердцу не было.

Хлѣбъ чужой я заработывалъ,
Со слезой, да съ горькой думою;
Скоро-ль, думалъ, отъ чужихъ людей,
Я хоть въ лѣсъ уйду — въ лѣсу умру!

Скоро-ль, думалъ, отдохну вдали, —
Отъ людей, что мнѣ не по-сердцу;
Скоро-ль, скоро-ль красно солнышко,
Мнѣ проглянетъ сиротинушкѣ!

Вдругъ!.... Ахъ, Господи! Ахъ, Боже мой! —
Сотворю-же крестъ! — благодать со мной —
Повстрѣчалась со мной ненаглядная —
И манила къ себѣ привѣтная.

Пусть бушуютъ вѣтры буйные!
Пусть нахлынутъ тучи черныя!
Пускай громъ гремитъ по поднебесью, —
Пускай стрѣлы летаютъ огневыя!

Коли вмѣстѣ мы — пусть гроза грозитъ!
Мы другъ-друга сбережемъ въ злой часъ!
Мы другъ-другу не въ сырой землѣ, —
На груди могилу выроемъ....

П. Мочаловъ.

25.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь, мою дорогу
Пылью покрываетъ.

Выходи-жъ ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.

Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ.

Что ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя!

Что ему на свѣтѣ
Доля нелюдская,
Когда его любитъ
Она, молодая!

А. Кольцовъ.

26.

Не въ лазури солнце ясное
Золотымъ огнемъ горитъ,
У воротъ дѣвица красная
Пригорюнившись стоитъ.

Что, красавица, повѣсила
Ты головушку на грудь?
Иль на сердцѣ что не весело,
Иль лежитъ далекій путь?

Для чего все въ даль туманную
Очи карія глядятъ?
Эти слезы — гости-ль званые,
Что на нихъ какъ жаръ горятъ?

Молви-жъ слово, ненаглядная,
Солнце ясное мое!
Ты повѣдай, безталанная,
Горе черное свое!

«Ахъ!» промолвила красавица:
«Какъ не быть печальной мнѣ?
«Тотъ, кто дорогъ мнѣ, кто нравится,
«Скрылся въ дальней сторонѣ!

«Онъ не молодецъ-ли милый мой?
«Русыхъ кудрей водометъ
«Упадаетъ золотой волной,
«Взглянетъ — сердце обожжетъ.

«Безъ него мнѣ жизнь несладостна:
«То и дѣло слезы льешь;
«Хочешь пѣсню спѣть порадостнѣй....
«Нѣтъ, той жальче запоешь.

«Долго-ль, скоро-ль онъ воротится,
«Это знаетъ только Богъ!
«Только сердцу вѣрить хочется,
«Онъ вернулся-бъ, если могъ.

«Для чего-жъ надеждой сладкою
«Онъ лелѣялъ жизнь мою?
«Для чего-жъ, порой украдкою
«Онъ шепталъ мнѣ: я люблю?

«Нѣтъ, не льстива рѣчь была его!
«Не измѣны я боюсь;
«Если живъ онъ, — буду ждать его,
«И навѣрное дождусь.

«Но быть можетъ, гостья ранняя—
«Смерть сразила молодца,
«И горитъ зарница дальняя
«Надъ могилой пришлеца.

«Можетъ статься, одинокая
«Жизнь наскучила дружку,
«И тоска — тоска глубокая
«Пала на сердце ему.

«Вотъ за чѣмъ на грудь повѣсила
«Я головушку свою,
«И смотрю на всѣхъ не весело
«И тихонько слезы лью!»

А. Вердеревскій.

27.

ЦВѢТОКЪ.

Не жемчугъ дорогой на цвѣточкѣ блеститъ
А росинка;
Не веселье въ глазахъ у дѣвицы горитъ,
А слезинка;
Пересаженъ цвѣтокъ изъ поляны родной
Въ злую стужу!
Продана красота за мѣшокъ золотой
Злому мужу.
И цвѣточку въ глуши эта Божья роса
Полюбилась,
И съ тоской и слезой на чужбинѣ краса
Подружилась.
Пригорюнясь, цвѣтокъ тяжело на листки
Опустился,
Блескъ алмазныхъ очей у красотки съ тоски
Помрачился.
И цвѣточекъ больной только острой косы
Поджидаетъ;
И румянецъ живой у дѣвицы красы
Увядаетъ.
Знать погибнуть тебѣ мой цвѣтокъ по веснѣ
Въ чуждомъ полѣ.
Не любить красотѣ на чужой сторонѣ
И въ неволѣ.

Кони.

28.

Нѣтъ, мнѣ счастья не видать
Въ жизни сей унылой!
Нѣтъ, люблю мнѣ не сказать
При свиданьи съ милой!

Мнѣ молчаніемъ уста
Оковалъ рокъ лютый,
И любовь моя мечта
Горестной минуты!

Дѣва милая цвѣтетъ,
Мукъ моихъ не зная;
А меня печаль грызетъ,
Безнадежность злая!

Но не долго мнѣ съ тоской
Дни влачить унылы;
Скоро я найду покой
Въ тишинѣ могилы!

29.

РОМАНСЪ.

Закрылись прекрасныя очи,
Поблекли ланиты ея,
И сумракомъ вѣчныя ночи
Покрылось младое чело.

Ты счастья земнаго незнала,
Однимъ ожиданьемъ жила,
Любила — любя, ты страдала,
Страдая — въ могилу сошла!

Зачѣмъ же, краса молодая,
Такъ кратокъ печальный твой путь?
Зачѣмъ? — и тоска неземная
Невольно тѣснится мнѣ въ грудь.

Лобзаю холодныя руки
И плачу, надъ гробомъ склонясь...
И пѣсни, сливаясь съ торжественнымъ звономъ,
Звучатъ упованьемъ святымъ.

И я примиряюсь съ предвѣчнымъ закономъ,
И тихо молюся надъ прахомъ твоимъ.
Не все здѣсь кончается въ жизни —
Могила лишь въ землю беретъ.

Не все, — тамъ, въ небесной отчизнѣ,
И жизнь, и блаженство насъ ждетъ.
Я въ вѣчности встрѣчусь съ тобою —
Здѣсь жизнь и страданье на часъ...

30.

РОМАНСЪ.

Когда разстался ты со мною,
Меня забылъ,
Остаться въ мірѣ семъ одною
Во мнѣ нѣтъ силъ.
И я любви узнала сладость;
Когда-жъ пройдетъ,
Погибнутъ жизни цвѣтъ и радость —
И все умретъ!

Сей свѣтъ прекраснымъ мнѣ казался
Тобой однимъ;
Во всемъ твой образъ отражался —
Ты былъ моимъ!
Любить, тобою восхищаться —
Былъ жребій мой;
И съ чѣмъ же могъ сравняться
Мой рай земной?

Ищи въ другой любви толь страстной,
И будь вѣрнѣй;
Пусть вспоминанье о несчастной
Погибнетъ вмѣстѣ съ ней;
Ничѣмъ тебя я не плѣняла,
Что-жъ дѣлать мнѣ?
Но счастье, быть твоей, цѣнила
Душа вполнѣ.

31.

ПРОЩАНІЕ.

Вотъ часъ, мой другъ любезный,
Часъ грознаго прости!
Мой ангелъ, въ домъ надзвѣздный
Тебѣ одной итти!

Часъ смерти, часъ свободы
Земныя цѣпи въ прахъ,
На вѣки всѣ не взгоды
Забудь на небесахъ.

Прости! — я скоро буду
Съ тобою: — жди меня.
Я въ мірѣ не забуду,
Небесный другъ, тебя.

Прости, до дня святаго
До дня, когда съ тобой
Въ нетлѣнномъ мірѣ снова
Сольемся мы душой.

32.

Вотъ денница скрылась,
Плещется струя,
На небѣ явилась
Звѣздочка моя.

Гдѣ моя прекрасная,
У какихъ морей?
Здѣсь звѣзда лишь ясная
Съ грустію моей.

Даль вся помрачилася,
Пѣной бьетъ волна....
Ты же чуть затмилася
Звѣздочка одна.

Вѣрно мнѣ прекрасную
Дома не сыскать?
Вѣрно жизнь несчастную
Мнѣ безъ ней скончать.

Туча разразилася,
Пѣной бьетъ волна!
Ахъ! совсѣмъ затмилася
Мракомъ даль полна —

Сердцемъ мнѣ унылая
Вѣсть передана,
Что подруга милая
Стала не вѣрна.

Снова прояснилася...
Тихо бьетъ волна;
Звѣздочка явилася,
Какъ была ясна.

Нѣтъ, прощай блестящая,
Звѣздочка моя,
Твой, волна шумящая,
Твой отнынѣ я...

33.

Подруга лучезарна Феба
Царица блѣдная ночей,
Явись въ красѣ своей средь неба,
На грудь мою лучи пролей.

Пространство дальне разлучаетъ
Со мною друга моего.
Онъ, можетъ быть, еще незнаетъ,
Какъ страстно я люблю его.

Скажи ему луна прелестна,
Коль съ милымъ встрѣтишься ты гдѣ,
Что я въ слезахъ и безутѣшна,
Что стонъ мой носится вездѣ.

Скажи ему, что повсечасно,
Предъ самымъ даже олтаремъ,
Мое страдаетъ сердце страстно
И горьки слезы лью по немъ.

Скажи ему, что я молюся
Не за себя, но за него.
Его несчастья я страшуся
На свѣтѣ больше я всего.

Клянусь тебѣ я всѣмъ священнымъ,
Доколѣ буду жизнь влачить,
Моимъ онъ сердцемъ вѣрнымъ
По-гробъ будетъ любимъ.

34.

О чемъ, скажи, твое стенанье
И безутѣшная печаль?
Твой умеръ другъ, или изгнанье
Его умчало въ синю даль?

Когда-бъ онъ былъ въ странѣ далекой,
Я друга-бы назадъ ждала,
И въ скорби жизни одинокой
Надежда-бы еще цвѣла.

Когда-бъ онъ былъ въ могилѣ хладной,
Мои-бы плакали глаза:
А слезы грусти безотрадной
Небесъ вечерняя роса.

Но онъ преступникъ, онъ убійца,
О немъ и плакать мнѣ нельзя.
Ахъ! разступись, моя могила,
Раскройся тихая земля!

35.

Я счастливъ, коль съ тобой бываю:
Ты улыбаешься, какъ май;
Въ твоихъ глазахъ я вижу рай;
Смотрю на нихъ, и я вздыхаю:
Я счастливъ, коль съ тобой бываю!

Твой поцѣлуй.... прелестный даръ!
Когда, краснѣя, ты лобзаешь,
О Лиза, Лиза, ты не знаешь,
Какой въ груди питаю жаръ!
Твой поцѣлуй.... прелестный даръ!

Сколь тягостна съ тобой разлука;
Не зря плѣнительной красы,
Считаю скорбные часы.
Лежитъ на сердцѣ злая мука!
Столь тягостна съ тобой разлука.

36.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что другъ твой на войнѣ,
Что носится онъ по-полю
На ворономъ конѣ.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что другъ въ чужой землѣ,
Что мчится милый по морю
На быстромъ кораблѣ.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что другъ твой подъ землей,
Что за-живо идетъ во гробъ
За сребряной струей.

Не плачь, не плачь, красавица,
Что другъ въ могилѣ твой;
До гроба онъ любилъ тебя,
Дышалъ одной тобой.

Ты слезы лей, красавица!
Другъ въ теремѣ чужомъ
Забылъ тебя! съ невѣстой онъ
За княжескимъ столомъ.

П. Ободовскій.

37.

Грустно скукою своею
Добрымъ людямъ докучать;
Что-же дѣлать! не умѣю
Я печаль мою скрывать.

Людямъ счастье, — людямъ радость;
Мнѣ же грусть одна дана.
Пронеслася жизни младость
Будто шумная волна.

Много знала я, видала
Въ горѣ сердца моего;
Не видала, не знавала
Только счастья одного.

Безотрадная съ тоскою
Часто спрашивала я:
Гдѣ пріютъ мой, кто родною
Въ мірѣ назвалъ бы́ меня?

Люди холодно смотрѣли,
Даже ласкою своей
Не умѣли, не хотѣли
Оживить души моей.

Богъ судья имъ, безъ роптанья
Буду вѣкъ мой горевать,
И отъ тяжкаго страданья
Безотрадно изнывать.

38.

За чѣмъ въ душѣ моей волненье,
И страхъ, и радость, и мечты?
Я видѣлъ милое творенье,
Я видѣлъ дивныя черты!
Ихъ упоительной красою
Горжусь, любуюсь, мучусь я....
Хранитель Ангелъ, будь со мною!
Спаси меня! Спаси меня!

Мнѣ-ль душу воздержать младую
Отъ нѣжныхъ умысловъ любви!
Я-ль хладомъ думъ восторжествую
Надъ жаркой бурею крови!
Спаси меня! — Надеждой страстной
Я, какъ недугомъ, воспаленъ,
И предъ могуществомъ прекрасной
Моя душа безъ оборонъ!

Она — звѣзда! ей нѣтъ подобья!
Неуловима въ ней краса!
Какъ мило смотрятъ изъ-подлобья
Ея прелестные глаза!
Какъ живо грудь ея трепещетъ!
Какія розы на устахъ!
И розъ алей, какъ нѣжно блещетъ
Стыдливость на ея щекахъ!

И весь я полонъ дѣвы милой....
Ей мысли дня и память сна,
И лиры звукъ и вздохъ унылый —
Досугъ и трудъ — вездѣ она!
Я увлеченъ ея звѣздою....
Стою надъ бездной.... гибну я!..
Хранитель Ангелъ, будь со мною!
Спаси меня! спаси меня!

39.

Лейтесь слезы вы ручьями,
Дайте сердцу отдохнуть;
Мнѣ назначено судьбами
Вѣкъ въ несчастіи тонуть.

Но почто вооружился
Ты, злой рокъ, противъ меня?
Я давно-ль отца лишился —
Ужъ въ землѣ и мать моя.

Нѣтъ родителей со мною,
Парка ихъ пресѣкла дни;
Я остался сиротою —
Горести со мной одни!

О, любовь, ты подкрѣпляешь
Духъ измученный тоской;

Сердце ты еще питаешь,
Облегчая жребій мой!

А теперь меня лишаешь
И послѣднихъ ты утѣхъ;
Къ горю горе прибавляешь —
Ты несчастій злѣе всѣхъ!

Ты, кѣмъ я горю, пылаю,
Кѣмъ привязанъ къ жизни сей;
Ты, кого я почитаю
Торжествомъ души моей:

Страсть мою ты презираешь!...
Нѣтъ ужъ болѣ силъ терпѣть;
Знать ты смерти мнѣ желаешь:
Мнѣ не трудно умереть.

Кто, какъ я тобою страстенъ,
Чья вся жизнь лишь бѣдъ полна;
Ахъ! тому, кто столь несчастенъ,
Смерть не можетъ быть страшна!

Жизнь, тебя я покидаю,
Къ вамъ, родители иду;
Смерть съ веселіемъ встрѣчаю,
Въ ней все счастіе найду.

40.

Что отуманилась зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мнѣ покинуть тебя черноокую!
Пѣтелъ ударилъ крыломъ
Крикнулъ! . ужъ полночь... дай чару глубокую,
Вспѣнь поскорѣе виномъ.

Время!.. вели ты коня мнѣ любимаго,
Крѣпче держи подъ уздцы!
Ѣдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ купцы!

Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шуба на лисьемъ мѣху;
Будешь ходить ты вся златомъ облитая,
Спать на лебяжьемъ пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядовъ куплю!
Я-ль виноватъ, что тебя, черноокую,
Больше чѣмъ душу люблю.

А. Вельтманъ.

41.

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

Кольцовъ.

42.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души дѣвицы...
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по-сердцу?

Что-жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

Кольцовъ.

43.

Пѣла, пѣла пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что пѣвунья пташечка
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?

Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пташечкѣ
К синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги, —
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Баронъ Дельвигъ.

44.

РОМАНСЪ.

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньи,
Вздохнувъ, остановила ихъ....
Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!

Откроешь очи и, тоскуя,
Ты не прильнешь къ груди моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ вина моя!
Меня на-вѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кленя,
Услышишь ты упрекъ жестокій.....
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... Позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Проступокъ мой, твой рокъ ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,

Спи, милый! горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!

Но вдругъ за рощей освѣтила —
Вблизи ей — хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой;
Со страхомъ очи отвратила —
И скрылась въ темнотѣ ночной.

А. Пушкинъ.

45.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ, —
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.

От недуга, от могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ, чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ....

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста въ мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:
Милый другъ, отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ!»

А. Пушкинъ.

46.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу — въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю;
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается;
Проснусь — и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣ-ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь — мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце твой пріемлю гласъ;
Я пью любовь въ твоемъ дыханьи....
Восторги, кто постигнетъ васъ,
Тебя души очарованье?

Тобой, и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
Въ тебѣ природѣ удивляюсь.
И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я любить
Еще стократъ желалъ-бы болѣ

В. Жуковскій.

47.

Тамъ, на небѣ высоко
Свѣтитъ солнце безъ лучей:
Тамъ безъ друга далеко
Гаснетъ свѣтъ моихъ очей!
У косящета окна
Разкрасавица сидитъ,

Призадумавшись она
Буйну вѣтру говоритъ:
Не шуми, ты не шуми,
Буйный вѣтеръ подъ окномъ.
Не буди ты, не буди
Грусти въ сердцѣ ретивомъ;
Не тверди мнѣ, не тверди
Объ измѣнникѣ моемъ!
Измѣнилъ мнѣ, измѣнилъ
Мой губитель роковой,
Насмѣялся, пошутилъ
Надъ моею простотой,
Надъ моею простотой,
Надъ дѣвичьей красотой!
Я погибла бы, душа
Красна дѣвка отъ ножа,
Я погибла-бъ отъ руки,
А не съ горя и тоски.
Ты убей меня, убей,
Ненавистный мой злодѣй!
Я сказала бы ему, —
Милу другу своему, —
Не жалѣю я себя,
Не навижу я тебя!
Лей и пей ты мою кровь.
Утуши мою любовь!
Не шуми-жъ ты, не шуми,
Буйный вѣтеръ надо мной;
Полети ты, полети

Вдоль дороги столбовой!
По дорогѣ столбовой
Скачетъ воинъ молодой:
На лети ты на него, —
На тирана моего;
Просвищи, какъ жалкій стонъ,
Прошепчи ему поклонъ
Отъ высокихъ отъ грудей,
Отъ заплаканныхъ очей;
Что-бъ онъ помнилъ обо мнѣ
Въ чужедальней сторонѣ;
Что-бы съ лютою тоской
Вспоминая, воздохнулъ
И съ горючею слезой
На кольцо мое взглянулъ,
Чтобъ глядѣлъ онъ на кольцо,
Какъ на друга прежнихъ дней,
Какъ на бѣлое лицо
Бѣдной дѣвицы своей!....

А. Полежаевъ.

48.

Нѣтъ, красавица, напрасно
Твой языкъ лепечетъ мнѣ,
Что родилась ты въ ненастной
Въ нашей хладной сторонѣ!
Нѣтъ, не вѣрю: издалека

Бурный вѣтръ тебя увлекъ:
Ты — жемчужина востока,
Поля жаркаго цвѣтокъ!
Черный глазъ и черный волосъ —
Все не нашихъ русыхъ дѣвъ,
И томительный твой голосъ
Сыплетъ рѣчь не на-распѣвъ.
Нѣтъ въ лицѣ твоемъ тумана,
Грудь не сжата у тебя,
И извивъ живаго стана —
Азіятская змѣя.
Ты глядишь, очей не жмуря,
И въ очахъ кипитъ смола,
И тропическая буря
Дышетъ пламенемъ съ чела.
Фосфоръ въ бѣшеномъ блистаньи —
Взоры быстрые твои,
И сладчайшее дыханье
Вѣетъ мускусомъ любви.

В. Бенедиктовъ.

49.

Я люблю тебя — безъ ума люблю!
О тебѣ одной думы думаю;
При тебѣ одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка!

Ты взгляни, молю, на тоску мою —
И улыбкою, взглядомъ ласковымъ
Успокой меня, безпокойнаго,
Осчастливь меня, несчастливаго!

Если жребій мой — умереть тоской,
Я умру, любовь проклинаючи;
Но и въ смертный часъ воздыхаючи,
О тебѣ, мой другъ, моя душечка!

Д. Давыдовъ.

50.

НЕЗАБУДОЧКА.

Милый незабудка цвѣтикъ,
Видишь, другъ мой, я, стеня,
Ѣду отъ тебя, мой свѣтикъ,
Не забудь меня.

Встрѣтишься-ль гдѣ съ розой нѣжной,
Иль лилеей взоръ плѣня,
Въ самой страсти неизбѣжной
Не забудь меня!

Ручейкомъ-ли гдѣ журчащимъ
Зной омоешь лѣтняя дня.
И въ жемчугѣ водъ шумящихъ
Не забудь меня.

Вѣтерокъ-ли гдѣ порханьемъ
Кликнетъ, въ тѣнь тебя маня:
И подъ устъ его дыханьемъ
Не забудь меня!

Г. Державинъ.

51.

Нѣту броду, нѣту броду,
Нѣтъ и переходу;
Коли милый меня любишь,
Плыви черезъ воду.

«Переплылъ я двѣ рѣченьки,
Третьей не боюся, —
А все-таки, моя душка,
Къ тебѣ доберуся.

«Пережилъ я два годика,
Третій вотъ наступитъ;
А все-таки, моя душка,
Сердце тебя любитъ.»

Л. Якуковичъ.

52.

Не люби, подруженька,
Чародѣйный свѣтъ,
Мой послушай, милая,
Искренній совѣтъ:

Свѣтскія веселости
Душу не плѣнятъ,
Радости семейныя
Съ небомъ ихъ дружатъ.

Не хвались ловитвами
Суетныхъ сердецъ,
Предпочти лавровому
Миртовой вѣнецъ.

Жизнь тебѣ не надолго,
Вольная дана,
Для чужаго счастія
Жить ты создана.

Для привѣтствій суетныхъ,
Искры чувствъ не трать,
Берегись священное
Прахомъ разсыпать!

Мало встрѣтитъ радостей,
Кто полюбитъ свѣтъ;
Ты-же будешь счастлива,
Помня мой совѣтъ.

Елизавета Шахова.

53.

КЪ ПОЛЕВОЙ МАРГАРИТКѢ.

Цвѣтокъ пунцовый, полевой!
Ты, бѣдный, встрѣтился со мной
Не въ добрый часъ; тебя въ красѣ
Подрѣзалъ я.
Жемчугъ долинъ, не можно мнѣ
Спасти тебя!

Не пестрый, рѣзвый мотылекъ
Теперь твой нѣжный стебелекъ
На дернъ, увлаженный росой,
Порхая гнетъ;
Къ тебѣ румяною зарей
Онъ не прильнетъ.

Въ холодномъ полѣ вѣтръ шумѣлъ,
И дождикъ лилъ, и громъ гремѣлъ;
Но туча мрачная прошла,
Межъ тѣмъ въ глуши

Ты нѣжно тихо расцвѣла,
Цвѣтокъ любви.

Сады даютъ цвѣтамъ своимъ
Пріютъ и тѣнь — и любо имъ;
Но сироту, красу полянъ,
Кто сбережетъ?
Отъ зноя тучи, иль кургáнъ
Отъ непогодъ.

Изъ-подъ травы едва видна,
Цвѣла ты прелести полна,
И солнца лучь съ тобой игралъ;
Но тайный рокъ
Желѣзо острое послалъ —
Погибъ цвѣтокъ....

Таковъ удѣлъ, мальвина, твой,
Когда невинною душой
Ты ловишь нѣжныя мечты;
Любовь страшна:
Какъ мой цвѣтокъ увянешь ты
Въ тоскѣ одна.

Пѣвцу удѣлъ такой же данъ:
Бушуетъ жизни океанъ,
Не видно звѣздъ, а онъ плыветъ,
Надежда мчитъ;
Онъ простъ душой, онъ счастья ждетъ....
Челнокъ разбитъ.

И добрый, злыми утѣсненъ,
Тому-жъ удѣлу обреченъ:
Никто ничѣмъ не упрекнетъ,
А жилъ въ слезахъ;
Пріюта нѣтъ; онъ отдохнетъ
На небесахъ!

И я горюю о цвѣткѣ,
А, можетъ быть, не вдалекѣ
Мой черный день — и какъ узнать,
Что Богъ велѣлъ?
Не о себѣ-ли горевать
И мой удѣлъ?...

И. Козловъ.

54.

КОГДА-БЪ ОНЪ ЗНАЛЪ.

Когда-бъ онъ зналъ, что пламенной душою
Съ его душой сливаюсь тайно я!
Когда-бъ онъ зналъ, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда-бъ онъ зналъ, какъ страстно и какъ нѣжно
Онъ, мой кумиръ, рабой своей любимъ...
Когда-бъ онъ зналъ, что въ грусти безнадежной
Увяну я, непонятая имъ!..
Когда-бъ онъ зналъ!

Когда-бъ онъ зналъ, какъ дорого мнѣ стоитъ,
Какъ тяжело мнѣ съ нимъ притворной быть!
Когда-бъ онъ зналъ, какъ томно сердце ноетъ,
Когда велитъ мнѣ гордость страсть таить!..
Когда-бъ онъ зналъ, какое испытанье
Спокойный взоръ его приноситъ мнѣ,
Когда, въ замѣнъ нѣмаго обожанья,
Обидный хладъ я зрю въ его душѣ!..
Когда-бъ онъ зналъ!..

Когда-бъ онъ зналъ!.. въ немъ смутно пробужденный
Языкъ страстей еще-бъ заговорилъ,
И пылкихъ чувствъ восторгъ полузабвенный
Его-бы вновь согрѣлъ, воспламенилъ...
И я тогда, счастливица!... любима...
Любима имъ, была-бы, можетъ быть!
Надежда льститъ тоскѣ неутомимой;
Не любитъ онъ... а могъ-бы полюбить!
Когда-бъ онъ зналъ!..

Графиня Е. Ростопчина.

55.

Дайте крылья мнѣ перелетныя,
Дайте волю мнѣ... волю сладкую!
Полечу въ страну чужеземную,
Къ другу милому я украдкою!

Не страшитъ меня путь томительный,
Я помчусь къ нему гдѣ-бы ни былъ онъ,
Чутьемъ сердца я доберусь къ нему,
И найду его, гдѣ-бъ ни крылся онъ!

Въ воду кану я, въ пламя брошусь я!
Одолѣю все, чтобъ узрѣть его,
Отдохну при немъ отъ кручины злой,
Разцвѣту душой отъ любви его!..

Графиня Е. Ростопчина.

56.

Что мой свѣтикъ луна,
Что-жъ ты все такъ одна,
Одинешинька?
Подъ парчою, въ вѣнцѣ,
Но съ раздумьемъ въ лицѣ
И блѣднешенька?

Ты невѣстой глядишь,
Но подъ блескомъ таишь
Скорбь завѣтную,
Словно строгій отецъ
Снарядилъ подъ вѣнецъ
Безотвѣтную.

Грустенъ путь предъ тобой,
Путь въ степи голубой
Безъ сердечнаго,
Столько ходишь ты лѣтъ,
А попутчика нѣтъ
И нѣтъ встрѣчнаго!

Мнѣ тебя сердцемъ жаль,
Что зашла въ эту даль,
Свѣтикъ-душечка,
Для сердецъ и для глазъ,
Несравненный алмазъ,
Жаръ-игрушечка!

Для чего по пути
Къ намъ тебѣ не сойти
Звѣздной лѣстницей,
Погулять по росѣ,
Показаться въ красѣ
Райской вѣстницей?

Мы-бы горе твое,
Бѣдовое житье
Поразсѣяли;

Мы-бъ тебя всей душой
Съ сладострастной тоской
Прилелѣяли!

Въ нашу зыбь — зеркала
Посмотрись какъ мила,
Ненаглядная!
Въ темный лѣсъ заверни:
Улыбнется въ тѣни
Мгла прохладная.

Слушай: въ чащѣ вѣтвей,
Молодой соловей
Въ тишь полночную,
Кроткій свѣтъ твой любя,
Все поетъ про тебя
Пѣснь роскошную.

Князь П. Вяземскій.

57.

ВЫЗОВЪ.

За окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка. —
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи-жъ ко мнѣ, не медли!
Выходи на встрѣчу —
Я-ли сердцу молодому
Сердцемъ не отвѣчу!

Ты не бойся, если звѣзды
Слишкомъ ярко свѣтятъ,
Я плащемъ тебя олѣну,
Такъ что не замѣтятъ.

Если сторожъ насъ окликнетъ,
Назовись солдатомъ;
Если спросятъ — съ кѣмъ была ты?
Отвѣчай, что съ братомъ.

Подъ надзоромъ богомолки
Вѣдь тюрьма наскучитъ,
А неволя по неволѣ
Хитрости научитъ.

Я. Полонскій.

58.

Какъ цвѣточекъ отъ засухи
Увядаетъ,
Такъ и сердце безъ подруги
Унываетъ.

На часочекъ нѣтъ отрады —
Лишь страданье;
Жизнь безъ милой, безъ услады —
Наказанье!

Межъ людьми живу — скучаю,
Какъ въ неволѣ!.....
Дай пойду, я погуляю
Въ чистомъ полѣ?....

Птичка съ птичкой тамъ порхаютъ
Межъ кустами;
Мушки хорами летаютъ
Надъ цвѣтами.....

Всѣ находятъ, всѣ вкушаютъ
Въ жизни радость; —
Сердце съ сердцемъ раздѣляютъ
Счастья сладость! —

Не съ кѣмъ лишь душею страстной
Мнѣ дѣлиться:
Вѣрно буду я несчастной
Вѣкъ крушиться.

П. Кудряшевъ.

59.

Прости меня, прости, прелестное созданье!
Упрекомъ я тебя, быть можетъ, оскорбилъ;
Я выслушалъ твое съ восторгомъ оправданье,
Я ввѣрился тебѣ! я снова полюбилъ!

Ты мнѣ сулишь опять минуты наслажденій,
Ты мнѣ даришь опять надежду и покой,
И бурю ревности упрековъ и сомнѣній
Отводишь отъ меня спасительной рукой!

Въ твоихъ глазахъ свое блаженство снова вижу;
Но если счастіе меня обманетъ вновь,
Я цѣлый свѣтъ тогда, я жизнь возненавижу,
Не стану вѣрить я ни въ дружбу, ни въ любовь.

А. Булгаковъ.

60.

То не вѣтеръ вѣтку клонитъ,
Не дубравушка шумитъ,
То мое сердечко стонетъ
Какъ осенній листъ дрожитъ.

Извела меня кручина;
Подколодная змѣя...
Догарай моя лучина!
Догорю съ тобой и я!

Не житье мнѣ здѣсь безъ милой,
Съ кѣмъ теперь пойду къ вѣнцу?
Знать судили мнѣ съ могилой
Обвѣнчаться молодцу.

Разступись, земля сырая!
Дай ты молодцу покой,
Пріюти его, родная,
Въ тихой кельѣ гробовой!...

С. Стромиловъ.

61.

ЛАМПАДА. (Романсъ).

Когда, приникнувъ къ изголовью,
Сомкну усталыя глаза,
Когда, отверженный любовью,
Блеснетъ послѣдняя слеза.
Гори, гори моя лампада,
И блѣднымъ свѣтомъ освѣщай
Ночной мой другъ, моя отрада,
До утра сонъ мой осѣняй!

Когда мечты очарованья
Меня къ прошедшему влекутъ,
Когда любви воспоминанья
Тоску на сердцѣ нанесутъ.
Гори, гори моя лампада
И блѣднымъ свѣтомъ освѣщай
Ночной мой другъ, моя отрада,
До утра сонъ мой осѣняй.

Но если лучь надежды тайной
Минутно въ душу залетитъ
И рокъ ошибкою случайной
Блаженство счастья посулитъ.
Затмись, затмись моя лампада
И уголъ мой не освѣщай,
Въ душѣ моей зажглась отрада —
Потухни свѣтъ, не озаряй.

Н. Титовъ.

62.

РОМАНСЪ.

Тебя забыть! и ты сказала,
Что сердце можетъ разлюбить —
Ты-ль сердца моего не знала?
Тебя забыть? тебя забыть!...

Тебя забыть! но кто-же будетъ
Мнѣ въ жизни радости дарить?
Нѣтъ, прежде Богъ меня забудетъ ...
Тебя забыть? тебя забыть!...

Тебя забыть, и свѣтъ могилой
Назвавъ, какъ буду жизнь влачить,
Нельзя, нельзя, о другъ мой милый!
Тебя забыть? тебя забыть!...

Тебя забыть — искать свободы,
Но цѣпи я рожденъ носить,
И мнѣ-ль возстать противъ природы,
Тебя забыть? тебя забыть!...

Тебя забыть, плѣнясь другою,
И для другой хоть день прожить:
Тому, кто дышетъ лишь тобою;
Тебя забыть? тебя забыть!...

Тебя забыть! нѣтъ, адска злоба
Одна могла ту мысль внушить.
Могу-ли за порогомъ гроба,
Тебя забыть? тебя забыть.

Н. Иванч. Писаревъ.

63.

ВЫБОРЪ ЖЕНЫ.

Не женись на умницѣ,
На лихой бѣдѣ;
Не женись на вдовушкѣ,
На чужой женѣ.

Женишься на вдовушкѣ,
Старый мужъ придетъ;
Женишься на умницѣ,
Голову свернетъ.

Не женись на золотѣ,
Тестевомъ добрѣ;
Не женись на почестяхъ,
Женниной роднѣ!

Женишься на золотѣ,
Самъ продашь себя;
Женишься на почестяхъ,
Пропадай жена!

Много пѣвчихъ пташечекъ
Въ Божіихъ лѣсахъ,
Много красныхъ дѣвушекъ
Въ царскихъ городахъ.

Загоняй соловушку
    Въ клѣточку твою,
Выбирай изъ дѣвушекъ
    Пташечку жену!,..

Тимофеевъ.

64.

Красна дѣвица сидѣла подъ окномъ,
Утирала слезы бѣлымъ рукавомъ:
Пришла вѣсточка не радостная къ ней,
Что сердечный другъ не вѣренъ больше ей,
Что задумалъ онъ иную за-мужъ взять.
Какъ тутъ дѣвицѣ не плакать, не вздыхать?
Стали дѣвушку подруги утѣшать:
« Полно сердцемъ о невѣрномъ тосковать?
Ты въ селѣ у насъ всѣхъ лучше красотой,
Наши молодцы любуются тобой:
Всякой дѣвицѣ желаетъ угодить,
Ты властна изъ нихъ любова полюбить.
—« Пусть ихъ много »—красна дѣвица въ отвѣтъ:
Сердце милаго другаго не найдетъ.

М. Сухановъ.

65.

Что это за сердце,
Что это такое —
Что ни днемъ, ни ночью
Не даетъ покоя?..

То забьется пташкой,
Запертою въ клѣткѣ;
То замретъ цвѣточкомъ
На скошенной вѣткѣ!..

Быть-бы сердцу пташкой —
Чего-бъ захотѣло?..
Дать-бы ему крылья —
Куда-бъ полетѣло? —

Знаю я сторонку,
Гдѣ его зазноба...
Ахъ, туда-бы летомъ
Полетѣли оба!..

На той на сторонкѣ
Теплѣй солнце грѣетъ, —
Тамъ дѣвица красна,
Какъ маковъ цвѣтъ зрѣетъ!...

Тамъ въ темныя ночи,
Не звѣзды лишь свѣтятъ, —
Тамъ ясныя очи,
Привѣтливо встрѣтятъ!

Привѣтливо встрѣтятъ,
Ласково проводятъ...
Любезныя рѣчи
Тоски не наводятъ.

Н. Цыгановъ.

66.

Ночь осенняя — хоть глазъ коли — темна!..
Дѣвка красная — хоть прочь бѣги — скучна!
Какъ на гибель, на бѣду обречена,
Или съ свѣтомъ разстается она —
Не промолвитъ ни единаго словца;
Не румянитъ — радость — бѣлаго лица!
Бровью черною нахмурившись, сидитъ —
Голубымъ глазкомъ въ сыру землю глядитъ!..
Хоть горючія не льются, не текутъ —
Только грусть у ней волнуетъ бѣлу грудь...
Горе тяжкое ей на сердце легло —
Безотрадная всю внутренну сожгло:

«Ахъ, прощай, моя дѣвичья красота!
«Ты пришла ко мнѣ, злодѣйка, сухота?..
«Ретиву сердцу отъ ревности сгорѣть —
«Мнѣ не живши — для веселья — умереть!
«Все погибло невозвратно для меня —
«Если, миленькій, не любишь ты меня!
«Ни съ какимъ ужъ въ цѣломъ свѣтѣ молодцомъ
«Не мѣняться обручальнымъ мнѣ кольцомъ;
«Ни когда золотъ вѣнецъ не надѣвать —
«Мнѣ сердечнымъ никого не называть!
«Всѣ забавушки, всѣ игры, смѣхи прочь, —
«Дни веселые замѣнитъ темна ночь...
«Ни на чей ужъ я призывъ не отзовусь,
«Ни на чей млада привѣтъ не улыбнусь!
«Нѣтъ! нельзя такой бѣды перенести, —
«Что съ тобою мнѣ, что съ жизнію прости!
«Нѣтъ, нельзя зимой муравушкѣ рости,
«По муравкѣ цвѣту алому цвѣсти, —
«Красну солнышку по лѣтнему не грѣть!...
«Бѣлой груди съ воздыханья не болѣть —
«Я ножемъ ее булатнымъ разпорю,
«И любовь въ сердцѣ и ревность уморю!» —

Н. Цыгановъ.

67.

ТАЛИСМАНЪ.

Завѣтный, дивный талисманъ,
Безцѣнный даръ былова счастья!
Ты разогналъ густой туманъ
Души печальнаго несчастья;

Подулъ ты свѣжестью весны,
Повѣялъ сладкимъ ароматомъ,
Для сердца милой старины
Предъ тусклымъ дней моихъ закатомъ;

Ты развернулъ передо-мной;
Волшебный міръ воспоминаній,
И окружилъ меня толпой
Знакомыхъ радужныхъ мечтаній;

Ты ярко мнѣ нарисовалъ
Картину вѣрнаго сравненья
И съ настоящаго сорвалъ
Покровъ тревожнаго сомнѣнья.

Ты тайной силою своей,
Личину снялъ съ коварной ласки,
Разоблачилъ моихъ друзей
И показалъ мнѣ ихъ безъ маски...

Упалъ развѣнчанный кумиръ
И ложный блескъ его затмился,
Въ мечтахъ создалъ я новый міръ
И въ этотъ міръ переселился.

Безумной страсти ураганъ,
Не возбудитъ во мнѣ страданья,
Со мною дивный талисманъ,
Со мной мои воспоминанья.

В. Честноковъ.

68.

Красавица рыбачка
Правь къ берегу ладью,
И выдь и сядь со мною
Дай руку мнѣ свою!

Головку мнѣ на сердце
Безъ страха положи,
Морскимъ волнамъ безпечно
Ввѣряешься-же ты.

А сердце схоже съ моремъ —
То буря въ немъ, то тишь,
И много перловъ чудныхъ
Сокрыто въ глубинѣ.

69.

Скажи, зачѣмъ ты искушаешь
Меня любовію своей?
Зачѣмъ ты мнѣ напоминаешь
Про обольщенья прежнихъ дней?

Тѣ дни блаженства и отрады,
Когда я пламенно любилъ,
Прошли, исчезли безъ возврата:
И я объ нихъ совсѣмъ забылъ!

Съ тѣхъ поръ ужъ время утишило
Весь прежній пылъ души моей:
Оно во мнѣ охолодило
Порывъ бунтующихъ страстей,

Такъ, милый другъ, любовью нѣжной
Теперь меня не искушай,
И обольщеній жизни прежней
Напрасно мнѣ не вспоминай!

Тебѣ любви съ ея мечтами
Во мнѣ ужъ вновь непробудить.
Разочарованный съ лѣтами,
Я не могу тебя любить.

А. Кононовъ.

70.

ЛУЧЬ НАДЕЖДЫ. (Романсъ).

Мѣсяцъ свѣтелъ, серебрится!
Тише добрый другъ плыви,
Сердце жаждетъ перелиться
Въ звуки грусти и любви.

Мой свидѣтель одинокой,
Не отринь мольбы моей,
И на сердце свѣтлоокой
Мои слезы перелей!

Я увяну, я изною,
Жизнь поблекнетъ, опадетъ,
Пусть скорѣе надо мною
Свѣтлый взоръ ея взойдетъ!

Что лучи сребристой ночи,
Что лучи златаго дня,
Когда бросатъ ея очи,
Лучь надежды на меня!

Вельтманъ.

71.

Какъ пойду-ль сидѣть
За ворота я,
Буду въ даль смотрѣть
Безъ заботы я.
Ужъ какъ сяду я
Тамъ украдкою,
Но съ отрадою;
Сердце радуя
Думой сладкою:
Ожиданіемъ
Друга милаго,
Провожаніемъ
Дня постылаго.
Наряжуся я:
Обовью кругомъ
Шеи бусы я,
Косы русыя
Заплету вѣнцомъ;
И надѣну свой
Сарафанъ къ лицу,
Съ золотой каймой;
Хоть сейчасъ къ вѣнцу;
Шелкомъ онъ обшитъ,
Снизу сборчатый;

Онъ какъ жаръ горитъ,
Весь узорчатый.
Въ немъ-то буду я
Друга сердца ждать,
Съ кѣмъ забуду я
Горевать, страдать!

В. Зотовъ.

72.

ЦВѢТОКЪ СЪ МОГИЛЫ.

Цвѣтокъ, мной сорванный съ могилы!
Я не разстануся съ тобой!
Ты будешь памятникъ унылый
Тоски безумной, но живой!...

Ты мнѣ напомнишь дни былые,
Тревоги, слезы прежнихъ лѣтъ.....
Минуты сердцу дорогія,
Какихъ ужъ нынѣ больше нѣтъ!

Ты будешь мнѣ воспоминаньемъ
Моей единственной любви. —
Когда все было вдохновеньемъ,
Когда огонь кипѣлъ въ крови....

Ты, безъ прикрасъ и безъ искуства,
Когда-нибудь мнѣ повторишь
Всю повѣсть сдавленнаго чувства....
Семь лѣтъ ты жизни воскресишь!

Ты станешь мнѣ святымъ залогомъ
Свиданья съ нею въ небесахъ....
И я покаюсь передъ Богомъ,
И я склонюсь предъ нимъ во прахъ!

Ты дорогъ мнѣ, какъ вѣстникъ дальній
Отчизны лучшей и святой,
Цвѣтокъ, мной сорванный печально
Съ холодной крыши гробовой!

О, будь со мной!... мнѣ грудь больную
Надеждой, новой оживи:
Душѣ дай вѣру ты прямую,
Терпѣньемъ сердце укроти!...

Д. Сушковъ.

73.

Что ты рано, зоренька,
    Заняласл?
Что ты рано, дѣвушка,
    Подняласл?

Заалѣла зоренька
Отъ яснаго солнца,
Подняласл дѣвушка
Для милаго сердцу.

Что ты рано, зоренька,
    Поблѣднѣла?
Отъ чего ты, дѣвица,
    Похудѣла?

Закатилось, солнышко,
За темну дубраву, —
Разлюбилъ красавицу
Тотъ, кто былъ понраву.

Не алѣть-бы зоренькѣ
Рано на восходѣ,
Не шептаться-бъ дѣвицѣ
Съ парнемъ въ хороводѣ.

Соловьевъ.

74.

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой.

Ямщикъ лихой, онъ всталъ съ полночи,
Ему сгрустнулося въ тиши;
И онъ запѣлъ про ясны очи —
Про очи дѣвицы души.

«Ахъ, очи! очи голубыя,
«Вы изсушили молодца!
«Зачѣмъ о люди, люди злые,
«Вы ихъ разрознили сердца?»

Такъ пѣлъ ямщикъ про дни былые,
На руки возжи намотавъ,
И Волги берега родные
Уже скрывались межъ дубравъ.

Ахъ! онъ разстался съ красотою,
И слезы канули на грудь:
Вздохнувъ, отеръ онъ ихъ полою,
Махнулъ — и тройка вихремъ въ путь.

Ѳ. Глинка.

75.

Кольцо души-дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ моимъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Мнѣ давъ его, сказала:
«Носи! не забывай!
«Пока съ тобой колечко,
«Меня своей считай!

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать;
Кольцо юркнуло въ воду;
Искалъ... но гдѣ сыскать!

Съ тѣхъ поръ, мы какъ чужія!
Приду къ ней — не глядитъ!
Съ тѣхъ поръ мое все счастье
На днѣ морскомъ лежитъ!

О вѣтеръ полуночный,
Проснись, и будь мнѣ другъ!
Схвати со дна колечко
И выкати на лугъ.

Вчера ей жалко стало...
Нашла меня въ слезахъ!
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ!

Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала;
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но немогла!

На что твои мнѣ ласки!
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я....
Любви-то мнѣ и нѣтъ!

Ищи, кто хочетъ, въ морѣ
Богатыхъ янтарей....
А мнѣ мое колечко
надеждою моей!

В. Жуковскій.

76.

Что, красотка молодая,
Что ты, свѣтикъ, плачешь!

Что головушку, вздыхая,
Къ бѣлой ручкѣ клонишь!
Или словомъ, или взоромъ
Я тебя обидѣлъ?
Иль нескромнымъ разговоромъ
Ввелъ при людяхъ въ краску?
Нѣтъ, лежитъ тоска иная
У тебя на сердцѣ!
Нѣтъ, кручинушку другую
Ты вложила въ мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповѣдать тайну.

Не слыхали-ль злые люди
Нашихъ разговоровъ?
Не спросили-ль злые люди
У отца роднаго,
Не спросили-ль супостаты
У твоей родимой!

«Чей у ней на ручкѣ перстень,
«Чья въ повязкѣ лента, —
«Лента, ленточка цвѣтная
«Съ золотой коймою?
«Перстень съ чернью росписною,
«Съ чистымъ изумрудомъ?»
Не томи, открой причину

Слезъ твоихъ горючихъ,
Перелей въ мое ты сердце
Всю тоску — кручину.
Мы прогонимъ грусть — кручину
Сладкимъ поцѣлуемъ,
Мы вдвоемъ тоску — кручину
Легче растолкуемъ.

Баронъ Дельвигъ.

77.

ЧЕРНЫЙ ЛОКОНЪ. (Романсъ).

Тобой я локонъ любовался,
Ты шейку бѣлую ласкалъ,
По ней волшебно извивался,
Ее ты жадно обнималъ.

То, колебаясь отъ дыханья,
Волной разсыпчатой бѣжалъ,
То вторилъ сердца трепетанью
И взоръ мой страстный призывалъ.

Такъ волшебству твоему покорный
Я не могу тебя забыть,
И локонъ длинный, локонъ черный
Тебя нельзя не полюбить.

78.

Я НЕ МОГУ ЕЕ ЗАБЫТЬ.

Напрасно я забыть ее стараюсь
И страсть хочу разсудкомъ побѣдить,
Напрасно я другими восхищаюсь —
Я не могу ее забыть, я не могу, я не могу,
Я не могу ее забыть.

Хоть эта мысль, какъ змѣй, мнѣ сердцѣ гложетъ,
Что ужъ она моей не можетъ быть,
Но пусть она любить меня не можетъ —
Я не могу ее забыть, я не могу, я не могу,
Я не могу ее забыть.

79.

СИРОТА.

Кто призрѣетъ тебя,
Приголубитъ любя?...
Ты одна, все одна!
Нѣтъ родной у тебя!

Гдѣ участья мнѣ взять. —
Не ищи у людей,
Въ нихъ любви не сыскать,
У сиротъ нѣтъ друзей.

Ты одна, все одна,
Нѣтъ родной у тебя!
Будь одна, будь одна,
Будь одна сирота!

80.

Обойми, поцалуй,
Приголубь, приласкай
Еще разъ, поскорѣй,
Поцалуй горячѣй.
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей;
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски....

На полгода всего
Мы растаться должны;
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:

Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ;
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной, —
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.

Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись,
Въ свой нарядъ голубой;
И на плечи накинь
Шаль съ каймой росписной;
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми-жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ — поскорѣй,
Поцѣлуй горячей!

Кольцовъ.

81.

УЗНАЙ, ПОЙМИ ЛЮБОВЬ МОЮ.

Узнай, пойми, любовь мою
Мои безмолвныя страданья;
Узнай, пойми,—узнай, пойми любовь мою,—
Тебѣ я душу отдаю,
Она открыта предъ тобой;
Такъ звѣзды ночью голубой
Глядятъ въ зеркальную струю;
Узнай — пойми любовь мою,
Тебѣ я душу отдаю,
Узнай, пойми любовь мою!
Я все къ ногамъ твоимъ принесъ,
За голосъ твой, за взглядъ случайный
Тебѣ я ввѣрилъ сердца тайны,
И зерна безнадежныхъ слезъ
Въ тоскѣ къ ногамъ твоимъ принесъ,—
Я все къ ногамъ твоимъ принесъ,
Свой гербъ и замки я отдамъ
За взоръ твой, полный выраженья,
Твои роскошныя движенья.
Ты будешь перломъ свѣтскихъ дамъ,
И я въ душѣ своей создамъ
Одной тебѣ покорный храмъ.

82.

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ, —
Не входи, родимая,
Попусту въ изъянъ.
Рано мою косыньку
На двѣ расплетать,
Прикажи мнѣ русую
Въ ленту убирать.
Пускай не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой,
То-ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться за мужемъ
Охать да вздыхать.
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего,
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!

Дитя мое, дитятко!
Дочка милая,
Головка побѣдная,
Неразумная,

Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Заблекнутъ на щеченькахъ
Маковы цвѣты,
Прискучатъ забавушки,
Стоскуешься ты.
А мы и при старости
Себя веселимъ,
Младость вспоминаючи
На дѣтей глядимъ,
И я молодешенька
Была такова,
И мнѣ тѣ-же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова.

Н. Цыгановъ.

83.

Перстенечикъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви,
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей,
Ты потускни, почернѣй;
Если радость — измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья-ли придетъ,
Душа чувство изживетъ:
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ собой!

Кольцовъ.

84.

Наяву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтаетесь вы мнѣ:
Кудри, кудри шелковыя,
Юныхъ персей красота,
Прелесть-очи и уста,
И лобзанія живыя.

И я въ раннюю зарю
Темнымъ кудрямъ говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мнѣ ужъ вами не играть,
Мнѣ ужъ васъ не цѣловать,
Вы другому достаетесь.

И я утромъ золотымъ
Молвлю персямъ молодымъ:
Пухъ лебяжій, нѣгой страстной
Не дыши по старинѣ: —
Ужъ не быть счастливымъ мнѣ
У груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерамъ
Свѣтлымъ взоромъ и устамъ:
Замолчите, замолчите!
Съ лютой долей я знакомъ,
О веселомъ, о быломъ
Вы съ душой не говорите!

Ночью сплю-ли я, не сплю,
Все устами васъ ловлю,
Сердцу сладкія лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждетъ, —
Но ужъ милая нейдетъ
Въ часъ условленный свиданья.

Баронъ Дельвигъ.

85.

Дубрава шумитъ,
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ

Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса,
И полночь, и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ:
«Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла.
Надежду, надежду — мой сладкій удѣлъ!
Куда ты, мой милый, куда улетѣлъ?
Ахъ! полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась
Жила и любила... и друга лишилась!
«Теките струей
Вы слезы горючи;
Дубравы дремучи
Тоскуйте со мной;
Уже не видать мнѣ веселія дней,
Простилась, простилась я съ жизнью моей;
Мой другъ не воскреснетъ! что было не будетъ!
А бывшаго сердце во вѣкъ не забудетъ!
«Ахъ! скоро-ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною природы
Красы разцвѣтутъ....
Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ!
Пускай-же драгое въ слезахъ оживетъ!
Любовь, ты погибла! ты радость умолчалась,
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталось.

В. Жуковскій.

86.

НЕПОСТОЯНСТВО.

Онъ удалился, лицемѣрный,
Священнымъ клятвамъ измѣнилъ,
И эхо вторитъ: легковѣрный!
Онъ Нину разлюбилъ.
Онъ удалился!
Могу-ли я, въ моей-ли власти
Злодѣя милаго забыть?
Крушись, терзайся жертва страсти!
Удѣлъ твой слезы лить:
Онъ удалился!
Въ какой пустынѣ отдаленной,
Въ какой невѣдомой странѣ
Сокрою стыдъ любви презрѣнной?
Вездѣ все скажетъ мнѣ:
Онъ удалился!
Одна чужда людей и міра,
При томной пѣснѣ соловья,
При легкомъ вѣяньи зефира
Невольно вспомню я:
Онъ удалился!

Онъ удалился... все свершилось!
Минувшихъ дней не возвратить!
Какъ призракъ, счастіе сокрылась!
Зачѣмъ мнѣ больше жить?
Онъ удалился!

А. Полежаевъ.

87.

Темнорусые кудри милаго,
Не достанется вами мнѣ играть!
Очи свѣтлыя, очи ясныя,
Я привѣта въ васъ не должна искать!..

Взоры нѣжные, взоры страшные,
Не при мнѣ огнемъ вы пылаете!
Уста милыя, сладкогласныя,
Вы не мнѣ «люблю» восклицаете!

Ловкій молодецъ, ненаглядный мой,
Не видать тебя горемычной мнѣ!
Разлучили насъ бури лютыя,
Ты одинъ теперь на чужой странѣ!..

Графиня Е. Ростопчина.

88.

Глазки, глазки голубые!
Ваши взгляды роковые
Внятно сердцу говорятъ.
Вижу тихое мечтанье —
Вижу сердца въ нихъ признанье
Чувства пламенной души.
Въ вашихъ взорахъ все понятно,
Какъ вы мило, какъ пріятно
    Выражаете любовь!
Глазки, глазки, пощадите,
Не разите, не разите
    Сердце бѣдное мое!

89.

РОМАНСЪ.

Разстаться должно непремѣнно,
Мнѣ долгъ велитъ тебя забыть;
Но, ахъ! любить тебя чрезмѣрно
Никто не въ силахъ запретить.

Быть можетъ, завтра, на разсвѣтѣ,
Скажу: прости! я симъ мѣстамъ,
Гдѣ ты, какъ роза въ юномъ цвѣтѣ,
Явилася моимъ очамъ.

И я, плѣнясь твоей красою,
Невинной ангельской душой,
Твоей невинной простотою,
Все счастье зрѣлъ въ тебѣ одной.

Но долгъ велитъ тебя оставить,
Хотя съ великою тоскою:
Спѣшу на брань, — себя прославить,
Моя защита — образъ твой.

90.

Заноетъ сердечко
Въ разлукѣ, въ тоскѣ —
Взгляну на колечко
На правой рукѣ.

Залогъ обручальный,
Что милою данъ,
Подарокъ прощальный,
Святой талисманъ.

Взгляну—облегченье
Почувствую вдругъ.
Тобой, Провидѣнье,
Данъ рѣдкій мнѣ другъ!

Въ бѣдахъ утѣшитель,
Мой геній въ трудахъ,
Мой ангелъ-хранитель
Въ поступкахъ, съ словахъ!

Хранитель! — такъ точно,
Онъ совѣсть моя,
Душею заочно,
Съ нимъ каждый мигъ я.

Разлука и время
Чувствъ не истребитъ,
Хоть горесть, какъ бремя,
Мнѣ грудь тяготитъ.

Все ноетъ сердечко
Въ разлукѣ, въ тоскѣ,
Цалую колечко
На правой рукѣ.

91.

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
На долго съ милой разлучаясь,
Вздыхая онъ сказалъ:

«Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не измѣнить!»

«Любви непобѣдима сила!
Она мой вѣрный щитъ въ войнѣ.
Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ мила,
Чего страшиться мнѣ?

«Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
А если измѣню.... усами
Клянусь, наказанъ быть!»

«Тогда мой вѣрный конь споткнися,
Летя во вражій станъ стрѣлой,
Уздѣчка бранная порвися
И стремя подъ ногой!»

«Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха,
Изломится какъ прутъ гнилой,
И я, блѣднѣя весь отъ страха,
Явлюсь передъ тобой!»

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ,
Булатъ въ бояхъ не изломался —
И честь гусара съ нимъ!

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала —
Любовь красавицамъ игрушка
А клятвы ихъ — слова!

Все здѣсь, друзья! измѣной дышетъ —
Теперь нѣтъ вѣрности ни гдѣ!
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

К. Батюшковъ.

92.

РОМАНСЪ.

Давно мнѣ серце говорило,
Что ты назначенъ мнѣ судьбой;
Оно, оно всегда твердило
Мой жребій раздѣлить съ тобой.

Меня не пышность обольстила,
И не богатства блескъ плѣнилъ,
Въ тебѣ я друга полюбила,
И по себѣ ты сталъ мнѣ милъ.

Однимъ бы хлѣбомъ я питалась
И воду бы съ тобой пила,
Но въ сердце-бъ раемъ наслаждалась,
Бывъ сердцу твоему мила.

Въ смиренной хижинѣ уютной,
Мнѣ только-бы съ тобою жить;
Въ пустынѣ дикой и безлюдной
Мнѣ все равно тебя любить.

Съ тобой мнѣ радость веселѣе,
Съ тобой и горе ничего,
Всего безцѣннѣе, милѣе
Тебя зрѣть друга моего.

Одно, одно мое желанье —
И счастливъ будетъ жребій мой:
Закрыть глаза въ томъ упованьи,
Что встрѣтишь ты меня съ слезой!

93.

Ударилъ часъ. (Романсъ).

Ударилъ часъ! мѣдь зазвучала
И будто стоны издала;
Слеза на грудь мою упала;
Душа заныла, замерла.

Свершилось все! разстаться должно!
Предѣлъ нельзя перемѣнить,
Судьбѣ повиноваться должно;
Но льзя-ль не плакать, не грустить?

Такъ льзя-ль безъ горести разстаться
Съ тобой, кѣмъ духъ живится мой?
Льзя-ль не стенать, не рваться,
Коль рокъ претитъ мнѣ быть съ тобой?..

Съ тобой, кѣмъ душу ощутила,
Познала цѣну бытія;
Съ кѣмъ быть единымъ благомъ чтила;
Любить — вотъ цѣль была моя.

Любить и быть взаимно милой,
Съ тобой всѣ чувства раздѣлять;
Ввѣрять тоску души унылой.
Ахъ! съ милымъ сладко и страдать!

Что-жъ будетъ безъ тебя со мною?
Чей вздохъ до сердца мнѣ дойдетъ?
Кто утѣшительной рукою
Слезу текущую отретъ?

Предъ кѣмъ открою душу страстну?
Кому скажу, что я люблю?
Оплачу съ кѣмъ судьбу несчастну?
Предъ кѣмъ открою, что терплю?

Ахъ! кто захочетъ тѣмъ заняться,
Чтобъ рану сердца изцѣлить?
Всякъ можетъ другомъ называться;
Но не всякой можетъ другомъ быть.

Лишь ты имъ былъ, — и я гордилась,
Что друга знала обрѣсти;
Я счастьемъ симъ еще не насладилась, —
Должна сказать уже прости!

Прости, прости! о, другъ мой милый,
Спокоенъ, веселъ, счастливъ будь!
Прерви, прерви свой стонъ унылый, —
Меня на вѣки позабудь!

94.

Не вчера-ли въ хороводѣ
Ты игралъ, дружокъ, со мной?
Не вчера-ли при народѣ
Называлъ меня душой?

Не вчера-ли восхищался
Рѣчью дѣвушки, лицомъ?
Не вчера-ли помѣнялся
Ты со мной своимъ кольцомъ?

Не вчера-ль, въ любви безмѣрной
Ты, жестокій, увѣрялъ?
Не вчера-ль, мнѣ, легковѣрной,
Сердце, душу обѣщалъ?

А сегодня? о, коварство!
Ты меня уже забылъ, —
И другую, за богатство,
Другъ невѣрный, полюбилъ!

Я не такъ, дружокъ, богата,
Какъ прелестница твоя:
Нѣтъ ни жемчуговъ, ни злата —
Но уже-ль безъ сердца я?

Полюбивъ тебя сердечно,
Буду до смерти любить:
Кто полюбитъ, тотъ конечно
Ужъ не въ силахъ разлюбить.

Веселись!.. а я страдаю!
Ахъ, таковъ-ли клятвъ залогъ? —
Веселись, дружокъ, я знаю:
За меня отплатитъ Богъ!

95.

Не шей, не шей, батюшка, красной мнѣ кафтанъ,
Не входи родимой мой по-пусту въ изъянъ.
Съ дѣвицею красною меня не встрѣчай,
И грустную думушку ты мою узнай.
Мои кудри русые не дари иной,
Вкругъ налою Божьяго не води съ другой.
Не вели въ платье цвѣтное меня наряжать,
Прикажи въ черную рясу меня одѣвать.
Пускай очи ясные всегда во слезахъ
Потускнутъ какъ звѣздочки въ темныхъ облакахъ;

Похитила милую зла смерть у меня
И всѣ мои радости съ собой унесла.
Съ моей милой любушкой ночь была свѣтла
А безъ нее миленькой и днемъ темнота.
И такъ ты мой батюшка меня не жени,
А въ могилу съ любушкой вмѣстѣ положи.

Дитя-ль мое, дитятко, сынъ любезный мой,
Брось свою кручинушку, прими совѣтъ мой.
Расправь кудри русые золотымъ гребнемъ,
Возьми коня ворона, садися верхомъ.
Скачи въ село красное дѣвушекъ смотрѣть;
Пора тебѣ, дитятко, на свѣтъ поглядѣть.
Пускай красны дѣвицы, любуясь тобой,
Тоску твою мрачную разсѣютъ собой.
Ну полно полюбушкѣ тебѣ тосковать,
Пора любовь новою тебѣ начинать.
Держись свѣта ванюшка, люби по часамъ,
Доживши до старости, узнаешь ты самъ.
И я въ лѣта младости также былъ скучливъ,
Но дожилъ до старости съ женою счастливъ,
Желалъ-бы при старости я дѣдушкой быть,
А потомъ на вѣкъ уже и глаза закрыть.

96.

Великое горе я мальчикъ терплю
Сердцемъ я страдаю , самъ знаю почему,
Знаю все по ней, по любезной по своей.
Вы старые люди неразсудливые,
Развѣ сами молоды не бывывали,
Никакой любови нечувствовали?
Какова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь , зломучительная.
Только люди видятъ , что я мальчикъ веселюсь ;
А тово не знаютъ , какъ сердечушкомъ грущусь.
Судьба разлучила насъ съ любезной далеко,
За моремъ далеко между горъ высоко,
Мнѣ съ той страны воздухъ пріятенъ несетъ,
Гдѣ моя несчастная любезная живетъ.
Могъ-бы къ ней дойти, всее правду распросить
Вѣрно-ль меня любитъ — возьму я за себя,
А если не любитъ, убью я самъ себя.
Самъ себя убью , во сыру землю пойду.
Оставлю я свѣтъ; а самъ пойду тлѣть.
Пускай люди скажутъ, что вѣренъ мальчикъ былъ,—
Вѣренъ мальчикъ былъ одное ее любилъ.

97.

Люди добрые, скажите,
Какъ мнѣ горю пособить,—
Научите, помогите,
Какъ мнѣ милаго забыть.

Я его любила страстно,
Страстно онъ меня любилъ,
Мы предъ Богомъ обѣщались
Вѣчно другъ друга любить.

И надеждою ласкались
Скоро бракъ нашъ совершить,
Но его мать не хотѣла
Наше счастье увѣнчать.

Повсечастно повторяя
Мнѣ несчастной отказать,
И позволила, но подзно
Близокъ къ смерти онъ ужъ былъ.

98.

Соловей мой, соловей,
Соловушко молодой!
Ты куда, куда летишь?
Куда Богъ тебя несетъ?
«Я лечу, лечу, лечу
«Во угожія мѣста.
«Во угожія мѣста,
«Во ракитывы куста.»
Если-бъ кустикъ былъ не милъ,
Соловей гнѣзда-бъ не вилъ.
Соловей гнѣзда не вилъ,
И дѣтей не выводилъ.
Соловей мой, соловей,
Соловушка молодой.

99.

ОЖИДАНІЕ.

Придешь-ли ты, души блаженство,
Съ волшебной прелестью своей,
Дыханьемъ устъ, огнемъ очей
Отдать мнѣ жизни совершенство
И воскресить мои мечты?
Придешь-ли ты, придешь-ли ты?

Придешь ли ты, предметъ желаній,
Съ сіяньемъ здѣсь въ тиши ночной,
Знакомой тайною тропой
Съ восторгомъ пламенныхъ лобзаній,
Съ привѣтомъ робкой красоты,
Придешь-ли ты, придешь-ли ты?

Придешь-ли ты, прелестный геній,
Съ небесной радостью — любви,
Томленье страсти, жаръ въ крови,
Забыть въ восторгѣ наслажденій,
Забыть и міръ и красоты
Придешь-ли ты, придешь-ли ты!

Придешь-ли ты, о, другъ мой милый,
Когда осенній бури свистъ
Сорветъ и мой послѣдній листъ,
Печальной жизни и унылой?
Тогда весенніе цвѣты
Не встрѣтишь ты, не встрѣтишь ты!

100.

Чѣмъ больше скрыть стараюсь
Мою страсть предъ тобой,
Тѣмъ больше я плѣняюсь
Твоею красотой.

Нѣтъ силъ ужъ притворяться ,
Столь страстно полюбя;
Нельзя мнѣ не признаться,
Что я люблю тебя.

Красавицы всѣ въ свѣтѣ
Не милы для меня,
Въ одномъ твоемъ отвѣтѣ
И жизнь, и смерть моя.
Люблю тебя я страстно
И сердцемъ, и душой,
Вздыхаю по-всечастно
И мучуся тоской.

101.

На небѣ много звѣздъ прекрасныхъ,
Но мнѣ одна тамъ всѣхъ милѣй:
Звѣзда любви , звѣзда дней ясныхъ ,
Счастливой юности моей!

Цвѣтовъ прелестныхъ много въ полѣ ,
Но лишь одинъ меня манитъ :
Къ нему стремлюсь я по неволѣ ,
Его видъ сердце веселитъ.

Въ толпѣ прелестныхъ дѣвъ уныло
Всегда одной лишь я ищу;
Увижу-ль образъ сердцу милый,
Съ него очей я не свожу.

Цвѣти-жъ, цвѣточикъ мой любезной,
Сіяй, звѣзда любви моей!
И долго, долго неизмѣнной
Отрадой будь моихъ очей.

102.

Алой розою плѣнился
Златокрылый мотылекъ,
Все надъ нею онъ кружился,
Все манилъ его цвѣтокъ.

«Розы колются!» вѣщаетъ,
Здравый разумъ мотыльку —
Красота превозмогаетъ,
И влечетъ его къ цвѣтку.

Ахъ, не въ нашей сердце власти!
Любимъ, сладко намъ любить! —
Душа борется, но страсти
Разумъ долженъ уступить.

«Быть не можетъ!» обольщенный
Мотылекъ себѣ сказалъ;
И любовью увлеченный,
Розу онъ облобызалъ.

Отклонися отъ опасной!
Бойся розы страшныхъ иглъ!
Поздо! — мотылекъ несчастный
Съ поцѣлуемъ смерть вкусилъ!

Въ полѣ пусть никто не льстится
Розу безъ шиповъ найти;
Кто уколонъ быть страшится,
Близко къ ней не подходи.

Беницкій.

103.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей.
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ.
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой;
Напѣвъ унывный надо мной,
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ,
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ:
Уже не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ?

И. Козловъ.

104.

Я не скажу вамъ, кто она,
Чтобъ вы то сами отгадали:
Любезнѣй многихъ здѣсь она;
Ея любезнѣй не видали.

Я не скажу вамъ, кто она,
Не опишу, въ какомъ нарядѣ:
Во всемъ равно мила она,
И всѣ соперницы въ досадѣ.

Я не скажу вамъ, кто она,
Но на гуляньѣ съ ней встрѣчаясь,
Вы говорите: ахъ, она!
Въ восторгѣ страсти забываясь.

Я не скажу вамъ, кто она;
Но если видѣть вамъ случалось,
Когда влетаетъ въ вальсъ она,
Вздыхали вы и сердце билось.

Я не скажу вамъ, кто она;
Но то за тайну вамъ открою:
Хоть родомъ не княжна она,
За то царица красотою.

Я не скажу вамъ, кто она!
Быть можетъ, въ томъ вамъ нужды мало;
Иль съ первымъ словомъ, кто она —
То ваше сердце доказало.

105.

Полюби меня дѣвица,
Полюби меня душа!
Ты мила и круглолица,
Ты, какъ ангелъ хороша!

Глазки томно-голубые
Влажной нѣгою горятъ!
Кудри русыя, льняныя,
Очаровываютъ взглядъ!

Губки — роза такъ огнится
Сквозь шипокъ едва дыша;
Полюби меня дѣвица,
Полюби меня душа!

Я люблю, сказать не смѣя...
Ты задумчива, блѣдна;
Какъ пустынная лилея
Вянетъ, грустная, одна.

Погляди, какъ плющь игривой
Страстно лозу окружилъ;
Безъ нее онъ ползъ лѣниво
И въ травѣ чуть видѣнъ былъ.

Тамъ надъ розою вздыхаетъ
Соловей среди кустовъ;
Роза слышитъ и пылаетъ
Яркимъ пурпуромъ листовъ.

Полюби меня, дѣвица,
Поцѣлуй меня, душа!
Роза въ щечкахъ загорится,
Будешь вдвое хороша.

Ознобишенъ.

106.

Куда мнѣ, сердце страстно,
Куда съ тобой бѣжать ?
Здѣсь долженъ я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пѣняютъ,
Что я всегда унылъ:
Увы! они незнаютъ,
Таковъ-ли прежде былъ.

Ахъ, нѣкогда на лирѣ
И я, рѣзвясь, игралъ;
И я путь скромный въ мірѣ
Цвѣтами устилалъ !

О, грустно вспоминанье !
Не медливъ ни часа —
Пойдемъ сокрыть стенанье
Въ дремучіе лѣса!

Тамъ горестью глубокой
Ни кто не укоритъ;
Ни имени жестокой
При мнѣ не повторитъ.

Пускай одинъ съ тобою
Я буду горевать;
И непрестанно хлою
Винить и обожать.

И. Дмитріевъ.

107.

Ударилъ часъ! и намъ разстаться
Быть можетъ, должно навсегда;
Но льзя-ль не плакать, не терзаться?
Богъ вѣсть, увидимся когда!

И можетъ завтра же съ зарею
Постигнетъ люта смерть меня;
Но я клянусь моей душою
Любить и въ вѣчности тебя.

Но если рокъ ожесточенный
Осудитъ мнѣ навѣкъ уснуть;
Приди на гробъ ты мой унылый
На немъ поплакать и вздохнуть.

Твоя слеза на оный канетъ
И травка выростетъ на немъ;
Моя душа молиться станетъ
Тогда о имени твоемъ.

Вздохнешь и тотчасъ донесется
Твой тихой нѣжный вздохъ ко мнѣ;
Узришь, что прахъ мой содрогнется
Въ пріятномъ тихомъ вѣчномъ снѣ.

Но если-же угодно будетъ
Творцу опять насъ съединить,
Тогда твой другъ весь міръ забудетъ,
Тобой одной лишь будетъ жить.

Прощай и счастьемъ наслаждайся
Среди семейства своего;
Блаженствомъ блага утѣшайся
И помни друга твоего.

108.

Гляжу я безмолвно на бѣлый султанъ,
И душу терзаетъ любовь и обманъ.
Когда еще съ куклой играла моей,
Въ то время не знала печальныхъ я дней.
Мадамъ, какъ и няня, ласкали меня;
Но долго-ль невѣстѣ до чернаго дня?
Едва миновался семнадцатый годъ,
Ко мнѣ постучался коварный эротъ.
«Брось куклу», шепнулъ онъ, «красотка моя:
Тебѣ приготовилъ гусара ужъ я,»

Невинной малюткѣ онъ подалъ конфектъ;
Я кликнула няню къ себѣ на совѣтъ.
Мы вышли; я къ другу летѣла пѣшкомъ,
И щеки пылали невиннымъ огнемъ.
Вхожу я поспѣшно на дворъ роковой,
И вижу—коляска стоитъ четверней.
И тотчасъ выходитъ гусаръ на крыльцо,
И смотритъ, невинной мнѣ, прямо въ лицо.
И скрылся въ коляску не медля изъ глазъ,
Уѣхалъ и мчится злодѣй на Кавказъ.
Несчастная шляпа упала съ него;
Ногами топтала я шляпу его.
И съ гнѣвомъ исторгла султанъ роковой,
Безмолвно заткнула за гребень я свой.
Слезами омыла обратный я путь,
И чаю напившись, легла я заснуть.
Меня разбудила вечерняя мгла,
Несчастную шляпу со стѣнки сняла.
Гляжу я безмолвно на бѣлый султанъ,
И душу терзаетъ любовь и обманъ!

109.

Не гляди на меня,
Не кари ты меня —
Добра молодца, —
Какъ не лажу съ тобой, —

Я не слажу съ собой, —
Тяжко на сердцѣ!
Да сними-жъ ту тоску!
Какъ гробову доску,
Отними прочь отъ сердца!
Али вѣкъ свѣковать,
И отрады не знать
Суждено мнѣ!
Рѣшено! такъ скажи,
Отъ грѣха развяжи —
Здѣсь томиться!
Умереть молодцу! —
Такъ въ могилу къ отцу —
Я пойду не покой!
Лишь прошу объ одномъ,
Чтобъ въ покоѣ земномъ —
Ты меня не будила!
Коль пойдешь погулять
Со травы цвѣты рвать, —
Не ходи, гдѣ сырая могила;
На могилѣ моей —
Ты цвѣтовъ не найдешь,
Лишь взойдутъ—и завянутъ!—
По напрасну, мой другъ,
Ты траву изомнешь;
Не ходи, гдѣ сырая могила! —

П. Мочаловъ.

110.

ПРОСТИ.

Прости, прости! настало время
Разстаться должно намъ съ тобой,
Бѣлѣетъ парусъ мой, и звѣзды
Зажглися въ тверди голубой.

О, дай усталой головою
Еще на грудь твою прилечь,
Въ послѣднiй разъ облить слезами
И шелкъ волосъ и мраморъ плечь.

А тамъ разстанемся на долго:
Когда-же мы сойдемся вновь —
Дитя! въ сердцахъ, быть можетъ, холодъ
Замѣнитъ прежнюю любовь!

Быть можетъ, вмѣстѣ, все былое
Тогда мы дерзко осмѣемъ....
Хотя украдкой другъ отъ друга
Слезу невольную прольемъ! —
Прости же другъ! полна печали
Душа моя.... но часъ насталъ —
И въ путь нетерпѣливымъ плескомъ
Зоветъ меня сердитый валъ.

А. Плещеевъ.

111.

ОБОДРЕНІЕ.

Жизнь моя теперь идетъ
Какъ съ кладью телѣга......
Какъ ни грязенъ путь — везетъ
Нужда до ночлега.

И застала грусть меня
На дорогѣ дальной,
Ну, подстегивай коня
Къ старости печальной!...

Тьма кругомъ, а путь далекъ,
Заночуешь въ полѣ —
Беззащитенъ — одинокъ
И въ суровой долѣ......

Надъ главой моей висятъ
Тучи громовыя,
А въ душѣ ключемъ кипятъ
Страсти роковыя.... —

Нападетъ въ расплохъ бѣда,
Въ помощь ждать напрасно:
Не посильная вражда
Тяжела, опасна!

Иль наѣдешь на обвалъ
Безнадежной страсти —
Поскользнешься и упалъ —
Раздробитъ на части...

Думать нечего, ступай,
Помолившись Богу, —
Осторожнѣй проѣзжай
Грустную дорогу....

Ну, мой конь, скорѣй вези!
Потрудись немножко!
Можетъ быть отъ насъ вблизи
Гладкая дорожка!....

Ал. С.

112.

АЛИНА И АЛЬСИМЪ. (Изъ баллады).

«Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
О чемъ печаль?
Не отъ любви-ль?... ахъ, всей душою
Тебя мнѣ жаль.»
Что пользы? горя намъ словами
Не утолить;
И невозвратнаго слезами
Не возвратить.

Одно сокровище безцѣнно
Я въ мірѣ зналъ;
Подобнаго творецъ вселенной
Не создавалъ.
И я одно имѣлъ въ предметѣ:
Имъ обладать.
За то-бы радъ былъ все на свѣтѣ —
И жизнь отдать.

Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ.
Но року вздумалось лихому
Мнѣ повредить.
И счастіе мое другому
Съ нимъ подарить.

Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моей тоской,
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной!
Но ахъ, отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ.

В. Жуковскій.

113.

РОМАНСЪ.

Скажите мнѣ: зачѣмъ пылаютъ розы
Эфирною душею, по веснѣ,
И мотылька на утреннія слезы
Манятъ, зовутъ привѣтливо онѣ?
Скажите мнѣ!
Скажите мнѣ, не звуки-ль поцѣлуя
Даютъ свою гармонію волнѣ?
И соловей, плѣнительно тоскуя,
О чемъ поетъ во мглѣ и тишинѣ?
Скажите мнѣ!
Скажите мнѣ, зачѣмъ такъ сердце бьется,
И чудное мнѣ видится во снѣ:
То грусть по мнѣ холодная прольется,
То я горю въ томительномъ огнѣ?
Скажите мнѣ!

А. Марлинскій.

114.

Ты прости, мой покой
Ты прости на всегда:
Ужъ не знать мнѣ тебя
Никогда, никогда·

Гдѣ друга нѣтъ,
Тамъ цѣлый свѣтъ
Постылъ, унылъ,
Какъ рядъ могилъ!

Въ умѣ моемъ
Такъ пусто все,
А на сердцѣ
Такъ тягостно.

Ты прости, мой покой!
Ты прости на всегда!
Ужъ не знать мнѣ тебя
Никогда, никогда!..

На что ни смотрю я —
Все чудится онъ;
О чемъ ни задумаю —
Онъ-же и онъ!

Какъ онъ благороденъ
И ловокъ въ движеньяхъ!
Какое въ улыбкѣ,
Въ устахъ выраженье!

Ты прости, мой покой!
Ты прости на всегда!
Ужъ не знать мнѣ тебя
Никогда, никогда!..

Волшебная сила
Любезныхъ рѣчей,
И рукъ пожиманье
И прелесть очей...

Въ немъ все такъ чудесно,
Все такъ хорошо!
Къ нему-бы, за нимъ-бы,
Обнять-бы его!

О, если-бъ могла я
По волѣ ласкать,
Могла-бы по волѣ
Его цѣловать,

Его обняла-бы,
Держала, ласкала...
Ласкала-бъ и вѣчно
Лобзала, лобзала!

115.

ГАДАЛЬЩИЦА.

Мамаша спитъ.... шитье бросаю.
Не все сидѣть мнѣ за иглой....
Достану карты, загадаю

О томъ, что сбудется со мной....
«Гаданье грѣхъ» — твердитъ мамаша —
«И карты паспортъ прямо въ адъ!»
Положимъ такъ.... но, воля ваша,
А карты правду говорятъ....
Да! карты правду говорятъ!
Есть офицеръ въ меня влюбленный,
И очень хорошо сложенъ....
Десятка пикъ.... король червонный....
Король червонный?... это онъ!...
И пишетъ онъ ко мнѣ записку....
Но.... разлучить насъ съ нимъ хотятъ.
Онъ взялъ балетную артистку,
И взялъ ужасно какъ въ накладъ....
Да! карты правду говорятъ!
Шестерка и король бубновый....
Червямъ на смѣну онъ спѣшитъ....
И, для меня на все готовый,
Онъ мнѣ о свадьбѣ говоритъ;
Четыре выпали валета!...
Но три туза при нихъ лежатъ —
И разошлася свадьба эта....
Ахъ! карты правду говорятъ!...
Да! карты правду говорятъ!
Вотъ трефовый король.... прекрасно!....
Но.... ахъ!... при немъ девятка пикъ ...
Я восхищалася напрасно:
И трефовый король — старикъ!....
Вотъ исполненія желанья:

Старикъ на мнѣ жениться радъ....
Два милліона состоянья....
Да это, просто, сущій кладъ! ...
Да! карты правду говорятъ!...
Я разъѣзжаю въ экипажѣ,
Богатой, знатной госпожой,
Сижу въ театрѣ, въ бельэтажѣ,
И рой поклонниковъ со мной....
Семерка пикъ...: мой мужъ бранится....
Я плачу, ссорюсь.... насъ мирятъ....
Онъ наконецъ меня боится....
Его страшитъ мой гнѣвный взглядъ....
Да! карты правду говорятъ!...
Бубновая десятка.... славно!
Тьма денегъ у меня въ ларцѣ!..,
Опять пиковка.... не забавно:
Ужъ я съ морщинкой на лицѣ!...
О, Боже!... дама пикъ!... ужели!...
Какъ!... я старуха?... это адъ!...
Ахъ, нѣтъ: мама встаетъ съ постели,
А ей ужъ слишкомъ пятьдесятъ....
Да! карты правду говорятъ!...

Д. Ленскій.

116.

Лунный свѣтъ. (Романсъ).

Лунный свѣтъ,
Чудный свѣтъ,
Не плѣнишь ты меня!
Ты мнѣ былъ
Дорогъ, милъ,
И любилъ я тебя.

Я ночною порой
Любовался игрой
Твоихъ яркихъ лучей,
И влюбленныхъ очей,
Свѣтъ, съ тебя не сводилъ;
Но тогда я любилъ
Блескъ таинственный твой,
Потому-что со мной
Пара свѣтленькихъ глазъ
Сколько разъ, разгорясь,
Любовалась тобой!

Но средь тучь
Счастья лучь
Помрачился, исчезъ.
Лунный свѣтъ,
Чудный свѣтъ,
Что ты блещешь съ небесъ?

Вѣдь какъ ты, и она
Такъ была холодна,
И блестя красотой,
Пыломъ страсти живой,
Теплотою огня
Не согрѣла меня.
И какъ эта луна,
Хоть ясна, но блѣдна
Измѣнялась всегда,
Не любя никогда! —
И затмилась она.
Лунный свѣтъ,
Чудный свѣтъ,
Ты теперь мнѣ немилъ.
Не блистай,
Не сіяй:
Я тебя разлюбилъ.

117.

Погубили меня
Твои черны глаза.
Въ васъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ.

Омрачитесь глаза,
Охладѣйте ко мнѣ,
Ваша радость глаза
Не моя, не моя.

Не глядите-же такъ!
О, не мучьте меня!
Въ васъ страшнѣе грозы
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ проглянъте глаза,
Загоритесь глаза,
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое.

Мучьте жаждой любви;
Я горю, и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать.

Чтобы черны глаза
Васъ съ любовью встрѣчать,
И опять, и опять
Горевать и страдать.

А. Кольцовъ.

118.

Прощай моя прекрасна нива!
Тебя мнѣ больше не пахать;
Мой конь, какъ кляча сталъ лѣнива, —
Не сможетъ головы поднять.

Бывало вдугъ полдесятины,
Напашемъ, и пойдемъ домой —
Теперь, ударь хоть въ три дубины,
Съ одной не сладишь бороздой.

Бывало конь мой не уймется,
Не пашетъ ниву, а деретъ,
Теперь, пословица ведется,
Ремня мочала не порветъ.

Не разбиралъ я въ прежни годы,
Какой имѣетъ нива кряжъ;
Какой бы ни была породы,
Орю, когда придетъ мнѣ блажь.

Есть твердый кряжъ, сухой и прочной,
Есть слабый, рыхлой водяной,
Все тожъ, будь только пахарь мочной,
Запляшетъ нива подъ тобой.

Нѣтъ нужды въ томъ, что хворостиной,
Волчцомъ и терномъ заросла,
Пахалъ — не видѣлъ ни единой,
Чтобы плода не принесла.

Теперь я сталъ уже разборчивъ,
Заросшихъ пашней не терплю,
Не въ лѣта прихотливъ, приморчивъ,
Я нивы гладкія люблю.

Что только травка молодая,
Едва подернула по нихъ. —
Къ чему-жъ разборчивость такая? —
Пахать не въ силахъ ужъ моихъ.

Младые пахари, взгляните
Съ слезой сердечной на меня;
А вы, о, нивы! покормите
Хоть травкой моего коня.

Утробы вашей не терзая,
Мы станемъ лишь глядѣть на васъ —
Иль вашей муровой играя,
Тѣмъ нѣжиться въ свободный часъ.

119.

Была пора, когда цвѣты
Росли, цвѣты махровые,
Махровые, садовые;
Надъ ними пѣлъ соловушко.

Была пора, когда въ селѣ
Росла, цвѣла красавица,
Какъ тѣ цвѣты махровые,
Какъ тѣ цвѣты садовые.

И къ ней ходилъ сердечный другъ,
И въ ясный день, и въ темну ночь,
И часто пѣлъ онъ пѣсенку:
«Люблю тебя красавица!»

Прошла пора — и нѣтъ цвѣтовъ;
Тѣ цвѣтики осыпались,
Осыпались, засохнули;
Затихъ, уныль соловушко.

Прошла пора — и милый другъ
Забылъ свою красавицу:
Не только въ ночь, — и въ ясный день
Нейдетъ въ село знакомое.

Ахъ, лучше-бы не цвѣсть цвѣтамъ,
Не пѣть близъ нихъ соловушкѣ!
Ахъ, лучше-бы не жить младой,
Чѣмъ жить теперь безъ милаго!...

П. Н — въ.

120.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... на встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... завтра Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забуду у камина,
Загляжусь, не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

А. Пушкинъ.

121.

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирели звукъ унылой и простой
Слыхали-ль вы?

Встрѣчали-ль вы въ пустынной тьмѣ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды-ли слезъ, улыбку-ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали-ль вы?

Вздохнули-ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ слезахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули-ль вы?

А. Пушкинъ.

122.

Судьбы опредѣленье
Велитъ тебя забыть!
Ужели преступленье
Любезное любить?

Что мнѣнія людскія?
Что свѣта намъ слова?
Природа намъ святыя
Свои дала права.

Природа намъ велѣла
Другъ друга вѣкъ любить;
Уже-ль она хотѣла
Преступниковъ творить?

Товарищъ сердцу вѣрный,
Родимый милый лугъ!
Не здѣсь, въ сей жизни бѣдный,
Но тамъ живетъ мой духъ!

И. Лажечниковъ.

123.

Ко мнѣ свой нѣжный взоръ склонила,
Велѣла слезы отереть
И клятвы снова подтвердила
Любовью вѣчною горѣть.

Послѣдній поцѣлуй свободно
Былъ данъ мнѣ въ подтвержденье словъ:
Какъ обмануть того удобно,
Кто быть обманутымъ готовъ!

И взоры, робко потупленны,
И нѣжности исполненъ гласъ!
И на устахъ напечатлѣнный
Съ восторгомъ поцѣлуй неразъ:

Все это не любовь — искусство;
Я имъ до днесь обманутъ былъ;
Ее съ моимъ равнялъ я чувство.
Я слабости боготворилъ:

Обѣтовъ смѣлыхъ подозрѣньемъ
Не оскорблялъ я никогда;
Ахъ! самымъ лучшимъ увѣреньемъ
Казались ласки мнѣ всегда.

Мое теряя заблужденье,
Теряю прелесть жизни всей:
И въ сердцѣ къ людямъ отвращенье
Со дня невѣрности твоей.

Другимъ желать я предоставилъ
Любви обманчивыхъ забавъ:
Ахъ! лучше-бы я жизнь оставилъ,
Заранѣ, счастье не узнавъ.

П. К.

124.

Что не дѣвица во теремѣ своемъ,
Заплетаетъ русы кудри серебромъ,
Мѣсяцъ на небѣ, безъ равна самъ большой
Убирается своею красотою.

Свѣтлый мѣсяцъ, весели дружокъ себя,
Знать кручинушкѣ далеко до тебя,
Ты одинъ, мой другъ, гуляешь въ небесахъ,
Ты на небѣ, какъ я въ чужихъ земляхъ.
Ты не знаешь тяжкой муки — быть однимъ
И не сѣтуешь съ пріятелемъ своимъ!

Ахъ! всмотрись въ мои заплаканы глаза,
Отгадай, что говоритъ моя слеза:
Травка на полѣ, отъ дождичка растетъ,
А въ разлукѣ сердце вѣсточкой живетъ!

Все-ли милая съ тобой еще дружна,
Пригорюнившись, сидитъ-ли у окна,
Обо мнѣ-ли разговоръ съ тобой ведетъ,
И мои-ли она пѣсенки поетъ!

Птичка пугана, пугается всего;
Горько мучится для горя одного!
Горько плакать — и конца бѣдамъ не знать!

Не съ кѣмъ слезъ моихъ къ любезной переслать!
У тоски моей нѣтъ крыльевъ полетѣть,
У души моей нѣтъ силы потерпѣть,
У любви моей нѣтъ воли умереть!...

А. Мерзляковъ.

125.

Не нѣжна горлица порхаетъ,
Летя къ дружечку своему,
А красна дѣвица вздыхаетъ
О миломъ, сидя въ терему.

Вздохнетъ — и вздоховъ тяжкихъ, страстнымъ
Уныло сердце не снесетъ;
Вздохнетъ — и изъ очей прекрасныхъ
Скатится слезка, — упадетъ.
Вздохнетъ — своимъ платочкомъ бѣлымъ
Прелестны глазки оботретъ,
И робкимъ голосомъ, не смѣлымъ
Такую пѣсенку поетъ:

«Куда ты, милый, удалился?
Куда ты, милый, залетѣлъ?
Ты въ дальни стороны пустился,
А мнѣ дать вѣсти не хотѣлъ.
На то-ли я тебя узнала,

Чтобъ тщетно мучиться, страдать,
На то-ль тобой плѣненна стала,
Чтобъ вѣкъ отрады не видать?
Иль у тебя страны далеки
Меня въ забвенье привели?
Иль вѣтры буйные на вѣки
Меня изъ сердца унесли?

Или теперь уже другая,
Не я, живетъ въ душѣ твоей?
Ты, сердце ей своей вручая,
Меня принесъ на жертву ей....
Ахъ, сжалься надо мною, милой!
И страстно сердце не круши;
Дай вѣсть душѣ моей унылой —
И горьки слезы осуши!

126.

Межъ тѣмъ, какъ ты, мой соловей,
Поешь любовь въ странѣ далекой,
Отрава страсти одинокой
Горитъ огнемъ въ душѣ моей!

Я вяну: пѣны волнъ морскихъ
Сталъ цвѣтъ ланитъ моихъ блѣднѣе;
Ты помнишь: яркій пурпуръ ихъ
Былъ свѣжихъ розъ, алѣе!

Приди-жъ, о, милый, усладить
Тоску любви, души томленье:
Приди, хоть искрой наслажденья
Больное сердце оживить!

Блестящій взоръ твоихъ очей
Острѣй и ярче стали бранной;
Свѣжѣй росы, огня живѣй
Твой поцѣлуй благоуханной!

О, милый! пусть растаетъ вновь
Моя душа въ твоемъ лобзаньи,
Приди, допей мою любовь,
Допей ее въ моемъ дыханьи.

Прильну я ко твоимъ устамъ,
И все тебѣ земное счастье,
И всей природы сладострастье
Въ послѣднемъ вздохѣ передамъ!

Приди-жъ, о, милый, усладить
Мою тоску, мое томленье;
Иль дай мнѣ ядъ любви допить —
И не страшися преступленья.

127.

За что меня браните,
За что меня вините,
Таить, кто милъ,
Нѣтъ право силъ,—
Вините въ томъ любовь. } 2.

За брань я не сержуся,
Въ любви я признаюся,
Себя хвалю,
Что я люблю,—
Мнѣ весело любить. } 2.

Любовь таить предъ всѣми,
Иль кто винитъ, предъ тѣми,
Какъ будто грѣхъ.
Таить отъ всѣхъ —
Въ томъ надобности нѣтъ. } 2.

Любовь есть добродѣтель,
Весь свѣтъ тому свидѣтель.
Во мнѣ любовь
Волнуетъ кровь,—
Въ томъ зависть, мщенье, гнѣвъ. } 2.

Любить я не престану,
Не ждя въ любви обману:
Я счастлива,
Пока жива,—
Любовью веселюсь. } 2.

128.

Протекли мои утѣхи
Миновалися какъ сонъ,
Игры, радости и смѣхи
Обратились въ тяжкій стонъ.

Все въ природѣ премѣнилось:
День покрылся темнотой!
Солнце для меня закрылось..
Милаго не зрю съ собой.

Чѣмъ-бы я не занималась,
Ахъ! ни что не веселитъ,
Чѣмъ я прежде утѣшалась,
То мнѣ душу тяготитъ!

За городъ гулять поѣду —
Грусть мнѣ спутницей со мной,
Выйду-ль въ шумную бѣседу,
Вижу ахъ! потерянъ, мой покой.

Тотчасъ мѣсто то оставлю,
Чтобъ другой предметъ сыскать,
Но въ минуту я представлю,
Что нигдѣ милова нѣтъ!

Изъ гостей я уѣзжаю,
Чтобъ остаться мнѣ одной,
И сама себѣ представлю
Что на вѣкъ милова нѣтъ.

129.

Если сердце въ насъ безстрастно,
Должно-ль сердце принуждать?
Наше сердце не подвластно, }
Силой страсть нельзя раждать. } 2.

Нѣжно чувствіе въ неволѣ
Не родится никогда,
И въ свободной только волѣ }
Сердце любитъ завсегда } 2.

Анамедни мнѣ Анюта
Вотъ успѣла что шепнуть,
Къ милому одна минута — }
Сердце намъ откроетъ путь. } 2.

Въ немъ покажется все мило —
Видъ, улыбка, разговоръ!
Мнѣ то сердце подтвердило
И любезный милой взоръ! } 2.

130.

Что не пташечка бездомовная,
Не ясенъ соколъ по поднебесью,
Такъ и молодецъ, безъ родной семьи,
Сиротинушка на чужой странѣ,
Нѣту матушки, отца—батюшки,
Ни сестры родной, красной дѣвушки,
Не прижметъ его къ молодымъ устамъ
Жена милая, какъ подруженька.
Ужъ какъ вянетъ онъ, добрый молодецъ,
Сиротинушка, между молодцевъ,
Похоронятъ его добра молодца
Съ непокрытою-то головушкой,
На могилу его сядитъ пташечка,
Споетъ пѣсенку безпріютному.

131.

Усы мои усики
Перестали виться,
Жена моя боярына
Стала чепуриться
Э, эхъ! э, хо, хо!
Знать разбогатѣла.

Заведу-ль съ ней разговоръ,
Она ни словечка,
Завелося у нее
На рукѣ колечко
Э, эхъ! э, хо, хо,
Не мое — чужое!

Вчера по несчастью я
Съ пѣчки оборвался,
Чортъ-ли тебѣ велѣлъ,
Что ты не держался.
Э, эхъ! э, хо, хо!
Такъ она сказала.

Старику бѣда имѣть
Жену молодую!
Дай-же съ горя выпью я
Чарочку, другую!
Э, эхъ! э, хо, хо,
Допьяна напьюся!

132.

За Ураломъ за рѣкой
Казаки гуляютъ,
И стрѣлою каленой
За рѣку пущаютъ,
Гей, гей! ну гуляй! } 2
За реку пущаютъ! }

Казаки не простаки,
Вольные ребята;
Все на шапкахъ тумаки,
Все живутъ богато! —
Гей, гей! ну, гуляй! } 2
Все живутъ богато! }

Ночью темной не уснутъ,
Въ полѣ разъѣзжаютъ,
Все добычу стерегутъ,
Свищутъ не зѣваютъ.
Гей, гей! ну, гуляй! } 2
Свищутъ не зеваютъ. }

Гей! сибирскіе купцы
Ѣдутъ съ соболями!
Ну, дружнѣе молодцы
Полетимъ стрѣлами!
Гей, гей! ну, гуляй — } 2
Полетимъ стрѣлами. }

Какъ добычу раздѣлимъ,
Тутъ-то запируемъ,
Сладко выпьемъ, поѣдимъ
Горе позабудимъ.
Гей, гей, ну, гуляй! } 2
Горе позабудемъ. }

133.

Я пойду, пойду косить
Во зеленый лугъ,
Ты коса-ль моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву.

Не влюбляйся ты
Сердце бѣдное,
Разшибешься ты,
Горемычное,
Какъ коса моя
Обгорѣлый пѣнь!
Я пойду, пойду косить, и прочая.

Красны дѣвицы
Перемѣнчивы.
Обѣщанья ихъ
Точно ласточка,
Навѣстятъ весной
Да и скроются.
Я пойду, пойду косить, и прочая.

Такъ и дѣвицы
Намъ сулятъ любовь,
Съ ней и счастіе,
А оглянешься —
Въ черномъ облакѣ
Унеслося все;
Я пойду, пойду, косить и прочая.

Ахъ! намъ пѣснями
Не кормить коней,
За погодушку
Убрать лугъ скорѣй.
Тамъ пускай себѣ
Косы тупятся.

Я пойду, пойду косить
Во зеленый лугъ,
Ты коса-ль моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву.

134.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою —
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ!
«Гдѣ ты зорька моя?»
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цалуетъ меня!

«Милый другъ, погаси
«Поцѣлуи твои!
«И безъ нихъ, при тебѣ,
«Огнь пылаетъ въ крови;

«И безъ нихъ, при тебѣ,
«Жжетъ румянецъ лице,
«И волнуется грудь, —
«И блистаютъ глаза,
«Словно въ небѣ звѣзда!»

Кольцовъ.

135.

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить,
Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонный май прекрасный!

Чѣмъ-же теремъ тотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новый,
Онъ бревенчатый — дубовый!

Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ
Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа - дѣвица.

Какъ-то встрѣтился я съ ней:
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна-жъ дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся грудь моя!
Буду суженымъ не я:
Тотъ богатый, я безъ хаты,
Цѣлый міръ мои палаты!

Вѣщунъ - сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ, жить
Не съ женою молодою —
Съ чужой — дальней стороною...

Кольцовъ.

136.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночку пропоешь?
Кто-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,
На чужіе берега,
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ;

Не найти тебѣ нигдѣ
Горемычнѣе меня.
У меня-ли у младой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня-ли у младой
Жаръ-колечко на рукѣ,
У меня-ли у младой
Въ сердцѣ миленькой дружокъ:
Въ день осеннiй на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,
Въ зимню ночьку на рукѣ
Распаялося кольцо,
А какъ нынѣшнéй весной
Разлюбилъ меня милой.

Баронъ Дельвигъ.

137.

Ахъ ты ночь-ли,
        Ноченька!
Ахъ ты ночь-ли,
        Бурная!
Отъ чего ты
        Съ вечера
До глубокой
        Полночи

Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ?
Все темнѣешь
Тучами?

И съ тобой знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая,
Тамъ глубоко
На сердцѣ:
Позабудешь
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!

Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И безродный
Молодецъ, —
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

Баронъ Дельвигъ.

138.

Сиротинушка, дѣвушка,
Полюби меня молодца,
Полюби, приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цвѣтку на-полѣ,
Любо пташечкѣ на небѣ:
Сиротинушкѣ, дѣвушкѣ
Веселѣй того съ молодцомъ,
У меня въ дому волюшка,
Отъ бѣды оборонушка,
Что отъ дождичка кровелька,
Отъ жары дневной ставеньки,
Отъ лихой-же разлучницы,
Отъ лукавой указчицы,
На воротахъ замокъ виситъ,
Въ подворотенку песъ глядитъ.

Баронъ Дельвигъ.

139.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко,
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я — нѣтъ отрады!
Стѣны голыя кругомъ.
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями,
Звучномѣрными шагами
Ходитъ, въ тишинѣ ночной,
Безотвѣтный часовой.

Лермонтовъ.

140.

Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокой дубъ
Въ могучей красотѣ;

Высокой дубъ, развѣсистый,
Одинъ у всѣхъ въ глазахъ, —
Одинъ, одинъ бѣдняжечка,
Какъ рекрутъ на часахъ!

Взойдетъ-ли красно солнышко,
Кого подъ тѣнь принять,
Ударитъ-ли погодушка,
Кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близъ него;
Ни кустики зеленые
Не вьются вкругъ него;

Ахъ! скучно одинокому
И дереву рости;
Ахъ! грустно, горько молодцу
Безъ милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого имъ подарю?
Есть много славы, почестей,
Но съ кѣмъ ихъ раздѣлю?

Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми —
Поклонъ — да былъ таковъ!
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими —
Поклонъ, да пара словъ!

Однихъ я самъ пугаюся,
Другой бѣжитъ меня;
Всѣ други всѣ пріятели
До чернаго лишь дня!

Гдѣ-жъ сердцемъ отдохнуть могу,
Когда гроза взойдетъ:
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ,
На помощь не придетъ!

Ни роду нѣтъ, ни племени
Въ чужой мнѣ сторонѣ;
Не ластится любезная
Подруженька ко мнѣ!

Не плачется отъ радости
Старикъ, смотря на насъ!
Не вьются вкругъ молюточки,
Тихохонько рѣзвясь!

Возьмите-же все золото,
Всѣ почести назадъ:
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взглядъ.

А. Мерзляковъ.

141.

Вылѣтала бѣдна пташка на долину,
Выроняла сизы перья на долинѣ.
Быстрый вѣтеръ ихъ разноситъ по дубровѣ;
Слабый голосъ раздается по пустынѣ.....
Не скликай, уныла птичка, бѣдныхъ пташекъ,
Не скликай-ты родныхъ дѣтокъ понапрасну;
Злой стрѣлокъ убилъ малютокъ для забавы,
И гнѣздо твое развѣяно подъ дубомъ.

Въ бурю ноченьки осеннія, дождливой,
Бродитъ по полю несчастна горемыка,
Одинехонька съ печалью, со кручиной,
Черны волосы бѣдняжка вырываетъ,
Бѣлу грудь свою лебедушка терзаетъ.
Пропадай ты, красота, моя злодѣйка!
Онѣмѣй ты сердце нѣжное, какъ камень
Растворися, мать сыра земля, могилой!
Не рости въ пустынѣ хмѣлю безъ подпоры,
Не цвѣсти цвѣтамъ подъ солнышкомъ осеннимъ:

Мнѣ не можно жить безъ милаго тирана.
Не браните, не судите меня люди:
Я пропала не виной, а простотою;
Я не думала, что есть въ любви измѣна;
Я не знала, что притворно можно плакать.
Я въ слезахъ его читала клятву сердца;
Для него съ отцемъ я съ матерью разсталась,
Отъ родныхъ своихъ, отъ дому отказалась,
За бѣдой своей летѣла на чужбину,
За позоромъ пробѣжала горы, степи,
Будто дома жениховъ-бы не сыскалось,
Будто въ городѣ любовь совсѣмъ другая,
Будто радости живутъ лишь за горами...
Иль чужа земля теплѣе для могилы?
Ты скажи, злодѣй, къ кому я покажуся?
Кто со мною слово ласково промолвитъ?
О безродной, о презрѣнной кто потужитъ?
Кто изъ милости бѣдняжку похоронитъ?

А. Мерзляковъ.

142.

ДУЭТЪ.

НА ГОЛОСЪ ИЗВѢСТНОЙ МАЛОРОССІЙСКОЙ ПѢСНИ: ИХАВЪ КОЗАКЪ ЗА ДУНАЙ.

1-й голосъ.

Въ часъ разлуки пастушокъ,
Слезный взоръ склоня въ потокъ,
Говорилъ своей любезной:
Нѣтъ, тому не быть!
Нѣтъ, не будешь ты моя:
Ты богата — бѣденъ я.
Будь счастлива, будь спокойна;
Пусть одинъ терплю!

2-й голосъ.

На любезнаго взглянувъ,
Страстно, сладостно вздохнувъ,
Такъ пастушка отвѣчала:
Нѣтъ, тому не быть!
Нѣтъ! ты мой, и навсегда!
Бѣдность, другъ мой, не бѣда.
Кто богатъ, какъ мы, любовью,
Тотъ и всѣмъ богатъ!

1-й голосъ.

Ахъ! безроденъ я и сиръ,
Домъ и дворъ мой — цѣлый міръ:
Что-же добры люди скажутъ
О любви твоей?

2-й голосъ.

Люди знаютъ лишь бранить,
А не знаютъ, какъ любить.
Мнѣ не нужны родъ и племя;
Нуженъ ты одинъ!

1-й голосъ.

Въ счастьи ты теперь живешь,
Горе ты со мной найдешь;
Тяжко плакать, но тяжелѣ
Быть виною слезъ!

2-й голосъ.

Съ другомъ горесть мнѣ сладка,
Радость безъ него горька;
Мы смѣшаемъ наши слезы,
И бѣда пройдетъ!

1-й голосъ.

Я не зналъ, что василекъ,
Что нарцисъ, что ноготокъ;
А любилъ уже для милой
Собирать цвѣты!

2-й голосъ.

Я не знала нашихъ стадъ,
Сколько мой отецъ богатъ;
А тогда уже любила
 Плесть тебѣ вѣнки!

Оба.

Для тебя мнѣ жизнь мила,
Красенъ день, цвѣтетъ земля;
Для тебя дано мнѣ сердце,
 Вѣрное на вѣкъ,
Для чего-жъ такъ рано намъ
Пріучать себя къ слезамъ?
Сладко, другъ мой, жить съ тобою,
 Сладко умереть!

А. Мерзляковъ.

143.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!»

(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
«Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готѳовъ, вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей —
И міръ хранителя лишился...
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!

Несчастный, за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, дикимъ, лютымъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Создатель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарію благодѣтель!...»

А. Мерзляковъ.

144.

Разгульна, свѣтла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствуетъ М.... П....
И ножка, и ручка ея!

Какъ розы денницы живыя,
Какъ ранніе снѣги полей —
Ланиты ея молодыя
И дѣвственный бархатъ грудей,

Какъ звѣзды задумчивой ночи,
Какъ вещняя пѣснь соловья —
Ея восхитительны очи
И сладостенъ голосъ ея.
Блаженъ, кто роскошно мечтая,
Зоветъ ее дѣвой своей;
Блаженнѣй избранниковъ рая
Студентъ, полюбившійся ей!

Н. Языковъ.

145.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ-жъ измѣнила гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ;
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ....

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь....
Погибла гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

А. Пушкинъ.

146.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной;
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы,
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

А. Пушкинъ

147.

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

Скажи, что смотришь на дорогу?
Мой храбрый вопросилъ —
Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ.

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
«Гусаръ! ужъ нѣтъ ее со мною!..»
Вздохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ —
Стыдись! онъ закричалъ.

Оставь, гусаръ! ахъ, сердцу больно!...
Ты, знать, не горевалъ!
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ!»

А. Пушкинъ.

148.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, бездуханный,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго-ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ?
Чужой, знакомой-ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго-ль свиданья,
Или разлуки роковой.
Иль одинокого гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ-ли тотъ и та жива-ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

А. Пушкинъ.

149.

КУДРИ.

Кудри дѣвы — чародѣйки,
Кудри — блескъ и ароматъ,
Кудри — кольца, струйки, змѣйки,
Кудри — шелковый каскадъ!
Вейтесь, лейтесь, сыптесь дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вамъ ненадобенъ алмазъ:
Вашъ извивъ неуловимый
Блещетъ краше безъ прикрасъ,
Безъ перловой діадимы;
Только роза — цвѣтъ любви,
Роза — нѣжности эмблема
Краситъ роскошью Эдема,
Ваши мягкія струи.

Помню прелесть пирной ночи;
Живо помню я, какъ вы,
Задремавъ, чрезъ ясны очи
Низпадали съ головы; —
Въ араматной сферѣ бала,
При пылающихъ свѣчахъ,
Пышно тѣнь отъ васъ дрожала

На груди и на плечахъ;
Ручка нѣжная брасала
Васъ небрежно за ушко:
Грудь у юношей пылала
И металась высоко.
Мы, смущенные, смотрѣли —
Сердце взорами неслось,
Умъ тускнѣлъ, уста нѣмѣли,
А въ очахъ сверкалъ вопросъ:
«Кто-жъ владѣлецъ будетъ полный
Этой розсыпи златой?
Кто-то будетъ эти волны
Черпать жадною рукою?
Кто изъ насъ, друзья — страдальцы,
Будетъ амвру ихъ впивать,
Навивать ихъ шелкъ на пальцы,
Поцѣлуемъ пропекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьмѣ по изголовью
Беззавѣтно разсыпать?»

Кудри, кудри золотыя,
Кудри пышныя, густыя —
Юной прелести вѣнецъ!
Вами юноши плѣнялись
И мольбы ихъ выражались
Стукомъ пламеннымъ сердецъ; —
Но снѣдаемыя взглядомъ
И доступны лишь ему,

Вы ручьями безцѣнными кладомъ,
Не далися никому:
Появились, порѣзвились, —
И какъ въ море водъ хрусталь,
Ваши волны укатились
Въ неизвѣданную даль!

В. Бенедиктовъ.

150.

Помню — подъ роскошной мглой
Все покой вкушало;
Сладкой свѣжестью ночной
Озеро дышало.
Стройно двигалась ладья
Средь роднаго круга.
Въ ней сидѣла близъ меня
Шалостей подруга —
Милый ангелъ дѣтскихъ лѣтъ;
Я смотрѣлъ ей въ очи; —
Съ веселъ брызгалъ чудный свѣтъ
Черезъ дымку ночи; —
Въ ясныхъ, зеркальныхъ зыбяхъ
Небо отражалось;
На разнѣженныхъ водахъ
Звѣздочка качалась;
И къ Адели на плечо

Жадно вдругъ припалъ я.
Сердцу стало горячо,
Отъ чего — не зналъ я.
Жаръ лице мое зажегъ,
И — не смѣйтесь люди!
У ребенка чудный вздохъ
Вырвался изъ груди.

В. Бенедиктовъ.

151.

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Какъ бѣшеный, кричу: увы!
И отъ измѣны измѣняюсь?
Я тотъ же атеистъ въ любви,
Какъ былъ и буду, увѣряю,
И чѣмъ рвать волосы свои,
Я — ваши къ вамъ же отсылаю.
А чтобъ въ послѣдствіи не быть
Передъ наслѣдникомъ въ отвѣтѣ,
Всѣ ваши клятвы: *вѣкъ любить* —
Ему послалъ по эстафетѣ.
Простите! право виноватъ!
Но если-бъ знали, какъ я радъ
Моей отставкѣ благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,

Спокойно ѣмъ, спокойно пью,
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чѣмъ чахнуть отъ любви унылой,
Ахъ! что здоровѣй можетъ быть,
Какъ подписать отставку милой,
Или отставку получить!

Д. Давыдовъ.

152.

СВАДЕБНЫЙ ПОѢЗДЪ КОЛОНИСТОВЪ.

Каспаръ женится съ Лизетомъ,
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто съ кларнетомъ,
Всѣ въ дорогу собрались.

Въ первую телѣгу сѣли
Музыканты всѣ гурьбой,
И въ минуту загремѣли
Либеръ-Августинъ родной.

Кто изъ нихъ не умѣстился,
Тотъ пѣшкомъ направя бѣгъ,
За телѣгою пустился,
И гудитъ: *Аллесъ истъ векъ!* —

Сзади ѣдетъ мужъ съ женою,
Въ ста телѣгахъ брачный балъ
Аккуратною рысцою,
Чтобъ и пѣшій не отсталъ.

Хоръ невѣста заключаетъ,
Рядомъ съ ней сидитъ женихъ,
И подъ тактъ ей повторяетъ:
Лебе Лисхенъ! Либетъ дихъ!

Ей всегда дождаться должно,
Чтобъ звукъ музыки затихъ
И тогда сказать ей можно:
Каспаръ, я, ихъ либе дихъ.

Музыканты прославляютъ
Громко сей счастливый бракъ,
И въ награду ожидаютъ
Ихъ картофель и табакъ.

Пфейфенъ старики тутъ курятъ,
Молодые *вальсъ*, и ну!...
А старушки балагурятъ,
Вспоминая старину.

Веселитесь, колонисты!
Для меня вашъ пиръ горой,
Скрипокъ визгъ, кларнетовъ свисты,
Стоятъ музыки иной.

Загудите вы фальшиво,
    Визгните: *цу-штаркъ*, друзья!
Всю бѣду поправитъ пиво,
    И никто вамъ не судья!

И. Мятлевъ.

153.

СМЕРТЬ И ВРЕМЯ.

Смерть.

Все мое — и плодъ и сѣмя;
Безконечно власть моя,
Покорись, сѣдое время,
Я владычица твоя.
Все мое — я всѣмъ владѣю;
Что родится — то умретъ;
Все подъ властію моею,
Все въ гробахъ моихъ сгніетъ.
Гдѣ слѣды твоихъ дѣяній?
Гдѣ немолчныя дѣла?
Сѣмена твоихъ созданій
Я же жатвой собрала.
Гдѣ твой Римъ? твои державы?
Гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Все легло въ борьбѣ кровавой,

Спитъ на днѣ моихъ гробовъ.
Все мое — и плодъ и сѣмя;
Все подъ властію моей.
Покорись, сѣдое время,
Предъ владычицей твоей!

Время.

Безъ конца и безъ начала,
Я отецъ и сынъ вѣковъ;
А тебя судьба сковала
Мертвымъ тлѣніемъ гробовъ.
Гдѣ лежатъ твои могилы,
Гдѣ гніютъ твои гробы,
Тамъ мои живыя силы
Строятъ зданіе судьбы.
Изъ твоихъ могилъ беру я
Сѣмена моихъ трудовъ;
Колыбель мою творю я
Изъ досокъ твоихъ гробовъ.
Безъ конца моя дорога;
Цѣпь вѣковъ въ моихъ рукахъ;
Я ношу одежду Бога
На безсмертныхъ раменахъ.
Безъ границъ мое теченье,
Безконечно какъ судьба;
Ты сама мое рожденье;
Я — владыка, ты — раба.

Э. Губеръ.

154.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА.

Голубыя огневыя,
Очи свѣтлыя, большія,
Очи дѣвы молодой!
Какъ роскошенъ блескъ вашъ ясный,
Пламень дѣвственный, прекрасный,
Взглядъ чудесный, неземной!
Я люблю васъ, я тоскую;
Первый жаръ моихъ страстей.
Я лелѣю, я волную
Блескомъ радостныхъ очей!
Отъ чего-жъ вы такъ унылы,
Къ персямъ взглядъ свой опустили,
Отуманились слезой?
Въ вашей яхонтовой влагѣ,
Полной жизни и отваги,
Тонетъ взоръ преступный мой....

Очи, очи! что предъ вами
Небо съ яркими звѣздами,
Съ поцѣлуями зари?
Ваше пламя голубое
Льется на сердце больное
Какъ лампадные лучи!

Въ васъ не блещетъ иступленье,
Жажда страсти не горитъ;
Но все полно упоенья,
Все влечетъ къ себѣ, манитъ.
Вы чаруете невинно;
Но за то, увы! какъ сильно
Вашъ огонь волнуетъ кровь!
Какъ мучительны желанья,
Этотъ трепетъ ожиданья,
Безнадежная любовь!...

Увядаетъ роза мая,
Мчится юность удалая,
Блекнетъ пышный цвѣтъ ланитъ;
Меня-жъ съ думой неизмѣнной
Рокъ обманчивый, надмѣнный
Никогда не разлучитъ.
Никогда не измѣню я
Обольщенный разъ красой,
Ахъ, тому, что полюблю я
Непритворною душой!
Средь грозы-ли, средь ненастья,
Въ черный день, въ минуты-ль счастья,
Вы всегда передо мной
Голубыя, огневыя,
Очи свѣтлыя, большія,
Очи дѣвы молодой!

А. Вердеревскій.

155.

Когда стройна и свѣтлоока
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: Гурія пророка
Съ небесъ на землю сведена!
Коса и кудри темнорусы,
Нарядъ небрежный и простой.
И на груди роскошно бусы
Роскошной зыблются порой.
Весны и лѣта сочетанье
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И тихій звукъ ея рѣчей
Раждаетъ нѣгу и желанье
Въ груди тоскующей моей.

А. Подолинскій.

156.

Страшно воетъ, завываетъ
Вѣтръ осенній;
По поднебесью далече
Тучи гонитъ.

На часахъ стоитъ печаленъ
Юный ратникъ;
Онъ уносится за ними
Грустной думой.

О, куда, куда васъ, тучи,
Вѣтеръ гонитъ?
О, куда ведетъ судьбина
Горемыку?

Тошно жить мнѣ: мать родную
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу
Я разстался.

«Не грусти!» душа дѣвица
Мнѣ сказала.
«За тебя молиться будетъ
Другъ твой вѣрный.»

Что въ молитвахъ? я въ чужбинѣ
Дни скончаю.
Возвращусь-ли? взоръ твой друга
Не признаетъ.

Не видать въ лицо мнѣ счастья:
Жить на что мнѣ?
Дай пріютъ, земля сырая,
Разступися.

Онъ поетъ; никто не слышитъ
　　Словъ печальныхъ....
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
　　Вѣтеръ бурный.

Е. Баратынскій.

157.

Дитя мое, она сказала,
Возмешь иль нѣтъ мое кольцо?
И головою покачала,
Съ участьемъ глядя ей въ лицо.

Знай, друга дастъ тебѣ, дѣвица,
Кольцо счастливое мое:
Ты будешь думъ его царица,
Его второе бытіе.

Но договоръ судьбой ревнивой
Съ прекраснымъ даромъ сопряженъ,
И красотѣ самолюбивой
Тяжелъ, я знаю, будетъ онъ.

Свѣтъ, въ ней суровый, не примѣтитъ
Ея привѣтливыхъ очей,
Ея улыбку хладно встрѣтитъ
И не пойметъ ея рѣчей.

Вотще ей разумъ, дарованья,
И чувствъ и мыслей прямота:
Ихъ свѣтъ оставитъ безъ вниманья,
Обезобразитъ клевета.

И долго, долго сиротою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдетъ съ поникшей головою
Одна, съ уныніемъ своимъ.

Но дѣвы нѣжной не обманетъ
Мое счастливое кольцо:
Ей судія ея предстанетъ
И процвѣтетъ ея лицо.

Внимала дѣва молодая,
Невиннымъ взоромъ весела,
И тайный жребій свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди-жъ съ надеждою веселой!
Творецъ тебя благослови,
На подвигъ долгой и тяжелой
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора,
Въ твои ненастливые дни
Когда нужна тебѣ опора,
Мнѣ, другъ мой, руку протяни.

Е. Баратынскій.

158.

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

Мучительно плѣниться,
Быть страстнымъ одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатенъ я, не славенъ:
Могу-ль кого прельстить?
Не веселъ, не забавенъ;
За что меня любить?

Простое сердце, чувство,
Для свѣта ничего.
Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!

Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить.)

Не зналъ — и ослѣпленный
Любовію своей,
Желалъ я дерзновенный
И самъ любви твоей!

Я плакалъ, ты смѣялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской! —

Надежды лучь блѣднѣетъ
Теперь въ душѣ моей....
Уже другой владѣетъ
На вѣкъ рукой твоей!...

Будь счастлива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — ввѣкъ мила! —

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ,
Я буду жизнь вести,
Лить токи слезъ горючихъ,
Желать конца — прости!

Н. Карамзинъ.

159.

ВЫБОРЪ ЖЕНИХА.

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, ангелъ красотою,
Ангелъ нравомъ и душою.
Время ей пришло любить...
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцать лѣтъ не можно
Сердцу безъ другова жить.

Что-же дѣлать: гдѣ искать?
И кому *люблю* сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появиться,
Всѣхъ плѣнить, *одимъ* плѣниться?
Такъ и сдѣлала она.
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно твердили:
«Ты прельщать насъ рождена!»

«Будь супругою моей!»
(Говоритъ богатый ей)
«Всякій день тебѣ готовы
«Драгоцѣнныя обновы:

«Станешь въ золотѣ ходить!
«Ожерельями, сергами,
«Разноцвѣтными парчами
«Буду милую дарить.»

Что-жъ красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да иль нѣтъ?*
Лиза только улыбнулась;
Прочь пошла, не оглянулась. —
Гордый баринъ ей сказалъ:
«Будь супругою моею;
«Будешь знатной госпожею:
«Знай, я *полный* генералъ!»

Что-жъ красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да иль нѣтъ?*
Генералу поклонилась,
Только чиномъ не плѣнилась;
Лиза.... далѣе идетъ;
Ищетъ, долго не находитъ....
«Такъ она и вѣкъ проходитъ!»
Ошибаетесь — найдетъ!

Лизѣ *суженый* сказалъ:
«Чиномъ я не генералъ,
«И богатства не имѣю;
«Но любить тебя умѣю.
«Лиза! будь на вѣкъ моя!» —
Тутъ прекрасная вздохнула,

На любезнаго взглянула,
И сказала: *я твоя!*

Н. Карамзинъ.

160.

СТРѢЛОКЪ.

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гулять:
Меду сладкаго не надо,
Лишь-бы въ полѣ пострѣлять.

На лету я птицъ пернатыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ ;
Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ,
Лишь прицѣлилъ, попадалъ,

Но вечоръ вдругъ повстрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной,
Въ мигъ крылами размахалась,
И пошла ко мнѣ на бой.

Хвать въ колчанъ... анъ стрѣлъ ужъ нѣту:
Лукъ опущенъ; сталъ я въ пѣнь.
Ахъ! беречь было монету
Бѣлую на черный день.

Г. Державинъ.

161.

МЕЧТА.

Вошедъ въ шалашъ мой торопливо,
Я вижу, мальчикъ въ немъ сидитъ,
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучитъ.

Рѣкою искры упадали
Изъ рукъ его, во тьмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утрення заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась,
И на мою упала грудь;
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не толь зовутъ любить?

Люблю! кого? сама не знаю,
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуетъ сердце! дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна-ль я? прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

Г. Державинъ.

162.

МЕЛЬНИКЪ.

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
«Вѣдь расклюютъ же даромъ птицы:
Возьми, старинушка, смѣли.»

Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я ну молоть всѣмъ животомъ.

Мололъ я пристально, трудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но что-жъ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
Не раскололъ я ни зерна.

Смѣясь, мнѣ дѣвушки въ назолу,
Пеняли: — «что-жъ не мелешь, дѣдъ? —

«А вы,» сказалъ я: для помолу
Пришли, какъ жерновъ не беретъ.»

Г. Державинъ.

163.

Прости! ужъ полночь; надъ луною
Ты видишь облако летитъ;
Оно туманной пеленою
Сіянье нѣжное мрачитъ.

Я мчуся вдаль, мой парусъ вѣетъ,
Шумитъ разлучница волна, —
Едва-ли прежде прояснѣетъ
На сводѣ пасмурномъ луна.

И я, какъ облако густое,
Тебя, луна моя, затмилъ,
Я горемъ сердце молодое
И взоръ веселый омрачилъ.

Твой цвѣтъ и радостный, и нѣжный
Моей любовью опаленъ.
Свободна ты, — мой жаръ мятежный
Забудь скорѣй, какъ страшный сонъ!

Не увлекись молвою шумной!
Убило свѣтлыя мечты
Не то, что я любилъ безумно,
Но что не такъ любила ты.

Прости — не плачь! уже рѣдѣетъ
Туманъ предъ ясною луной,
Взыграло море, парусъ вѣетъ, —
И я въ челнокъ бросаюсь мой.

И. Козловъ.

164.

РОМАНСЪ.

Когда-бъ онъ былъ теперь со мною,
Нарядъ-бы мой прельщалъ меня;
Но нѣтъ его!.. душа моя
Полна страданьемъ и тоскою.
Когда я сердце отдала,
Я быть кокеткой не умѣла,
Но онъ нашелъ, что я мила.
Теперь плѣнять я-бъ не хотѣла,
Что въ красотѣ?.. здѣсь нѣтъ его!..

Когда-бъ онъ здѣсь былъ, я-бъ желала
Блистать умомъ и остротой;

Но нѣтъ его — исчезъ умъ мой,
Игривость рѣзвая пропала,
Веселье взоръ мой не живитъ,
Воображенье охладѣло;
Душа и сердце — все молчитъ!
Теперь блистать я-бъ не хотѣла,
Къ чему мнѣ умъ?.. здѣсь нѣтъ его!

Графиня Е. Ростопчина.

165.

ПѢВИЦА.

Она поетъ... и мнѣ сдается,
Что чистыхъ серафимовъ хоръ
Вдоль горнихъ облаковъ несется,
Что мнѣ ихъ слышенъ разговоръ.

Она поетъ... и я мечтаю,
Что звукомъ арфы неземной,
Иль пѣснямъ пери молодой
Я въ упоеніи внимаю.

Она поетъ... и сердцу больно,
И душу что-то шевелитъ,
И скорбь не внятная томитъ.
И плакать хочется невольно.

Она поетъ... и голосъ милый,
Тая дыханье, я ловлю
И восхищаюсь... и люблю
Его звукъ томный и унылый!..

Она поетъ... и такъ умѣетъ
И грусть и чувство выражать,
Что сердцу, кѣмъ тоска владѣетъ,
Не мудрено ее понять!..

Графиня Е. Ростопчина.

166.

Вѣтеръ свищетъ, вѣтеръ воетъ,
Ночь темна и холодна;
Сердце тяжко, тяжко ноетъ,
И томитъ меня тоска.

Грустно осени мертвящей
Предугадывать приходъ;
Грустенъ видъ природы спящей
Въ пору вьюгъ и непогодъ!...

Вся природа обновится,
Воскреситъ ее весна,
Свѣтлымъ маемъ озарится
Вновь подлунная страна.

Но когда въ борьбѣ съ судьбою
Сердце рано отцвѣтетъ,
Впредь вторичною весною
Ужъ оно не оживетъ!...

Графиня Е. Ростопчина.

167.

БИРЮЗА.

Много камней драгоцѣнныхъ
Ярко радуютъ глаза,
Но для глазъ его прельщенныхъ
Всѣхъ свѣтлѣе бирюза.

Бирюзѣ данъ цвѣтъ чудесный,
Въ ней прелестныхъ таинствъ цвѣтъ,
Въ ней землѣ залогъ небесный
Необманчивыхъ примѣтъ.

Разсвѣтаетъ небо мая
Бирюзовой красотой,
Незабудка голубая
Дышетъ свѣжей бирюзой.

И ему она являетъ
Неземныя красоты, —
И въ душѣ его питаетъ
Незабвенныя мечты.

Все предъ нимъ мертво, уныло,
Гдѣ не видитъ бирюзы;
Будто жизнь пріосѣнило
Мрачнымъ облакомъ грозы.

Околдованный невольно
Дань улыбки, дань слезы,
Онъ приноситъ богомольно
Тайной власти бирюзы.

Бирюза приманка взгляду,
Въ ней нашелъ онъ талисманъ,
И растраву и усладу
Для сердечныхъ тайныхъ ранъ.

Охлажденный и суровый,
Онъ забылъ ужъ про любовь,
Нынѣ цѣпью бирюзовой
Онъ къ любви прикованъ вновь.

Князь П. Вяземскій.

168.

ЕЩЕ ТРОЙКА.

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьется пыль изъ подъ копытъ
Колокольчикъ звонко плачетъ
И хохочетъ и визжитъ.

По дорогѣ голосисто
Раздается яркій звонъ,
То вдали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.

Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.

Русской степи, ночи темной,
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной
И раздолья много есть.

Прянулъ мѣсяцъ изъ-за тучи,
Обогнулъ свое кольце.
И посыпалъ блескъ зыбучій
Прямо путнику въ лице.

Кто сей путникъ? и отколѣ
И далекъ-ли путь ему?
По неволѣ, иль по волѣ
Мчится онъ въ ночную тьму?

На веселье, иль кручину,
Къ ближнимъ-ли подъ кровъ родной,
Или въ грустную чужбину
Онъ спѣшитъ голубчикъ мой?

Сердце въ немъ ретиво рвется
Въ путь обратный, или въ даль?
Встрѣчи-ль ждетъ онъ — не дождется
Иль покинутаго жаль?

Ждетъ-ли перстень обручальной?
Ждутъ-ли путника пиры?
Или факелъ погребальной
Надъ могилою сестры?

Какъ узнать? ужъ онъ далеко!
Мѣсяцъ въ облако нырнулъ
И въ пустой дали глубоко
Колокольчикъ ужъ заснулъ.

Князь П. Вяземскій.

169.

ТѢНИ.

По небу синему тучки плывутъ,
По лугу тѣни широко бѣгутъ;
Тѣни-ль толпой на меня налетятъ
Дальнія горы подъ солнцемъ блестятъ;
Солнце-ль внезапно меня озаритъ,
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ. —

Такъ на душѣ человѣка порой
Думы, какъ тѣни, проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

Я. Полонскій.

170.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Дядя, дядя, мой свѣтъ!
Ты ужъ знаешь такъ свѣтъ, —
Отъ чего у людей
Мало праздничныхъ дней,
Много дѣла, нѣтъ дѣлъ?
Неужель всѣхъ удѣлъ
Вспыхнуть, взвиться, мелькнуть
Всѣмъ наскучить, зѣвнуть,
И уснуть на всегда?
Дядя, дядя, бѣда!

Отъ чего человѣкъ
Лезетъ цѣлый свой вѣкъ
Все впередъ, да впередъ;
Давитъ Божій народъ,
Лжетъ, бушуетъ, клянетъ,

То на свѣтъ возстаетъ,
То шумитъ самъ съ собой,
То воюетъ съ судьбой!...
Что за слово *судьба?*
Дядя, дядя, бѣда!

Растолкуй мнѣ, мой свѣтъ,
Есть судьба или нѣтъ?
Отъ чего-же свѣтъ — свѣтъ,
Нищій — нищій, князь — князь?
Что за глупая связь
Межъ душой и судьбой?
Отъ чего-же злой — злой,
Я — не ты, ты — не *я*?
Будто это судьба?...
Дядя, дядя, бѣда!

Тимофеевъ.

171.

ПРИЗНАНІЕ.

Каюсь, дядя, чортъ попуталъ!
Хоть сердись, хоть не сердись;
Я влюбленъ, да вѣдь ужъ какъ же!...
Хоть сейчасъ-же въ петлю лезть...
Не въ красавицу, — Богъ съ ними!

Что въ красавицахъ за прокъ.
Не въ ученую, — будь проклятъ
Весь ученый женскій свѣтъ!
Я влюбился, дядя, въ чудо,
Въ свой двойникъ, въ другое я;
Въ смѣсь притворства съ простодушьемъ,
Съ беззаботностью хандры,
Въ смѣсь ума и вольнодумства,
Равнодушія, огня,
Вѣры въ свѣтъ, презрѣнія къ мнѣнью, —
Словомъ, въ смѣсь добра и зла!
Такъ-бы все ее и слушалъ,
Такъ-бы все съ ней и сидѣлъ,
Ангелъ сердцемъ; но какъ демонъ
И коварна, и умна.
Скажетъ слово, — такъ и таешь,
Запоетъ, — и самъ не свой.
Дядя, дядя! что вся слава,
Что всѣ почести, чины,
Что богатство, знатность, служба?
Бредъ горячки, пышный вздоръ!
Я, она... и въ этомъ мірѣ
Весь мой міръ, мой рай и адъ.
Смѣйся, дядя, надо мною,
Смѣйся ты, разумный свѣтъ!
Пусть чудакъ я, я доволенъ;
Я счастливѣйшій чудакъ.

Тимофеевъ.

172.

УНЫНІЕ.

Бьется сердце ретивое,
А не знаю, что такое
Предвѣщаетъ мнѣ оно?

Сны недобрые все снятся,
Чувства всѣ во мнѣ тѣснятся,
А не знаю, отъ чего!

Утромъ рано пробуждаюсь,
На домашнихъ огорчаюсь! —
Но не вѣдаю — за что?

Вотъ обѣдать собираютъ,
Все не такъ приготовляютъ, —
Будто дѣлаютъ не то. —

Вечеръ дня ужъ наступаетъ,
Скука сердце отягчаетъ!
А не вѣдаю причинъ?

Вотъ и спать уже ложуся,
Горько плачу,—и крещуся,
Радъ часокъ заснуть одинъ.

И глаза уже — сжимаю;
Мнится мнѣ, я засыпаю;
Но во всѣ глаза гляжу!

Сердце бьется, — духъ тревожитъ,
Грусть, тоску — и скуку множитъ,
Самъ не свой тогда лежу.

Ѳ. Слѣпушкинъ.

173.

Прости! я обнимаю
Тебя въ послѣдній разъ,
Печали вѣкъ встрѣчаю
Утѣхъ за краткой часъ.
Лети въ страну далеку,
Лети другихъ плѣнять;
Счастливу слѣдуй року,
Оставь меня страдать!

Мои красы завянутъ,
Я выучусь тужить;
Тебя хвалить всѣ станутъ,
А я одна любить.
Я къ сердцу мнѣ драгому
Отъ сердца вѣсть пошлю;
Уста мои другому
Не скажутъ: я люблю!

Нѣтъ, чувствъ иныхъ не знаю,
Какъ собственно твои,
И къ нимъ я примѣняю
Всѣ склонности мои.
Коль счастливъ ты — я рада,
Коль грустенъ — я крушусь;
Твой смѣхъ — моя отрада,
Заплакалъ ты — я рвусь.

Вся мысль моя, ты знаешь,
Тебѣ принадлежитъ;
Ты сердцемъ обладаешь,
Оно къ тебѣ лежитъ.
За все мое пристрастье
Одну меня люби;
Почту себѣ за счастье
И видъ одинъ любви.

Князь И. Долгорукій.

174.

Сколько разъ, жестокой, клялся
Лишь одну меня любить!
Сколько разумъ твой старался
Мнѣ одной любезнымъ быть!
Души нѣжной слабость видя,
Ты заставилъ духъ пылать

Въ той, кто, все возненавидя,
Тебѣ тщилась угождать.

Но теперь ту презираешь,
Кого богомъ своимъ звалъ,
И другой все то вѣщаешь,
Чѣмъ меня къ любви склонялъ.
Иль на то тебѣ, невѣрной,
Надъ собой дала я власть,
Чтобъ холодностью безмѣрной
Наградилъ мою ты страсть?

О любовь, царица свѣта!
Отомщай ты за меня!
Убѣгай того предмета,
Кому жертвой стала я.
Но покой напрасно льщуся
Въ его казни я найтить;
Лишь тѣмъ больше сокрушуся.—
Нѣтъ! ему не въ силахъ мстить.

Князь И. Долгорукій.

175.

ЦЫГАНЕНОКЪ.

Мальчика цыганенокъ
Для всѣхъ чужой ребенокъ

Сиротка круглой я.
Гдѣ есть земля и небо,
Вода и корка хлѣба,
Тамъ родина моя.

Пустыня мнѣ обитель,
И гдѣ ты мой родитель,
И гдѣ ты мать моя.
Гдѣ васъ искать по свѣту
И живы-ль вы иль нѣту —
Увы незнаю я.

Кто отопретъ мнѣ двери?
Лѣсныя птицы звѣри —
Вотъ вся моя семья.
Въ судьбѣ моей безвѣстной
Отецъ мой царь небесной,
А мать сыра земля.

Д. Ленскій.

176.

Солнце красное взошло на небеса,
И на зелени обсохнула роса:
Не обсохли лишь у Аннушки глаза, —
Все блеститъ на нихъ жемчужная слеза.

«Не круши себя, красавица моя!
«Знать такая участь слезная твоя.
«Видно такъ ужъ предназначено судьбой,
«Чтобъ безвременно разстался другъ съ тобой,
«Промѣнялъ твою дѣвичью красоту
«На досчатый гробъ, могильну темноту.
«Хоть и грустно жить безъ друга своего,
«Но слезами не воротишь ты его!»
Слышу дѣвицы печальныя слова:
»Пусть увяну — какъ безъ дождичка трава,
«Сердцу бѣдному дамъ волю я изныть,
«Друга-жъ милаго — нельзя мнѣ позабыть.

М. Яковлевъ.

177.

Слезы умиленія. (Романсъ.)

Если-бъ слезы умиленія
Воротить я могъ себѣ,
Я стерцѣлъ-бы всѣ мученія,
Я смѣялся-бы судьбѣ!
Если-бъ такъ какъ въ ранней младости
Я отплакиваться могъ,
Слезы, слезы, сколько сладости
Насылалъ мнѣ съ вами Богъ.

Помню, помню, ночи цѣлыя
Я проплакивалъ въ тиши;
Гасли свѣчи нагорѣлыя,
Но не гасъ огонь души.
Гдѣ-жъ вы дѣти умиленія,
Ранъ цѣленье въ бурѣ битвъ,
Хлѣбъ души въ мигъ просвѣтлѣнія,
Соль былыхъ моихъ молитвъ.

Гдѣ вы?.... грудь какъ степь горячая
Накалилась зноемъ бѣдъ;
Я дрожу какъ тѣнь ходячая,
Я ищу.... чего ужъ нѣтъ!...
Если-бъ слезы умиленія
Воротить я могъ себѣ,
Я стерпѣлъ--бы всѣ мученія,
Я смѣялся-бы судьбѣ!

Ѳ. Глинка.

178.

РОМАНСЪ.

Лобзай, лобзай меня цыганка!
Буди восторгъ въ груди моей.
Пускай порочная приманка
Твоихъ объятій и рѣчей.

Въ меня вливаетъ жаръ мгновенный!
Мнѣ нуженъ онъ! пусть, упоенный,
Твоей продажной красотой —
Сдружу забвенье я съ мечтой!...

Хотя-бы ты, раба разврата,
Могла занять меня въ глуши,
Страшусь я грознаго возврата,
Священной горести души!

Пускай, въ твои вглядѣвшись очи,
Забуду я тотъ нѣжный взоръ,
Который днемъ и въ мракѣ ночи
Глядитъ, какъ совѣсти укоръ.

Въ мою измученную душу!...
Пускай съ тобою я разрушу,
Порывы чистые мои,
Слѣды томительной любви!..

Лобзай, лобзай меня, цыганка!
Буди восторгъ въ груди моей!
Нужна мнѣ жалкая приманка
Твоихъ объятій и рѣчей.

К. Бахтуринъ.

179.

Свѣтлана. (Изъ баллады.)

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали,
За ворота башмачекъ
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
И изъ чаши круговой
Вынь себѣ колечко.

Пой, красавица: «кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое:
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При Святомъ Налоѣ.»

Какъ могу, подружки, пѣть:
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть,
Въ грусти одинокой!
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ!... а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ!...

В. Жуковскій.

180.

Ахъ, спасибо же тебѣ,
Синему кувшину,
Разгулялъ ты мою
Горькую кручину;
Знаться-бъ мнѣ давно съ кувшиномъ,
Горе-бъ по вѣтру неслось,
Ретиваго-бъ не сушило,
Въ русы кудри не ввилось.
Не ходить-бы, не бродить
По бѣлому свѣту,
Не искать-бы, не слѣдить
Ласкова привѣту.
Сидя около кувшина,
Я не вѣдалъ-бы, не зналъ,
Что кругомъ я сиротина,
Будто съ облака упалъ!

Не тушить-бы мнѣ очей
Горючей слезою,
Не дѣлить-бы мнѣ ночей
Съ горемъ, да съ тоскою;
И не горечь изъ кувшина,
Я-бы сладкое тянулъ;
Что я бѣденъ, сиротина,
Мнѣ никто-бы не шепнулъ.
Отъ сего же я часа
Уже не сдамся ласкамъ,
Не повѣрю я, краса,
И твоимъ ужъ глазкамъ.
Лишь у синяго кувшина
Буду радости просить,
Съ нимъ обнявшись, сиротина,
Буду ждать, какъ смерть скоситъ.
Ахъ! спасибо-же тебѣ,
Синему кувшину,
Разгулялъ ты мою
Горькую кручину.

Н. Цыгановъ.

181.

Течетъ рѣчка по песочку,
Черезъ рѣчку — мостикъ;
Черезъ мостъ — лежитъ дорожка
Къ сударушкѣ въ гости!..

Ѣхать мостомъ — ѣхать мостомъ,
Аль водою плыти, —
А нельзя, чтобъ у любезной
Въ гостяхъ мнѣ не быти!

Не поѣду-же я мостомъ,
Поищу я броду...
Не пропустятъ злые люди
Славы по народу.....

Худа слава — не забава....
Что въ ней за утѣха?
А съ любезной повидаться —
Рѣчка — не помѣха. —

Н. Цыгановъ.

182.

КЪ ПОРТРЕТУ АСЕНКОВОЙ.

Прелестна, какъ будто богиня,
Какъ теплаго юга весна,
Она — то вдругъ миѳъ — героиня,
То юнкеръ — повѣса она.

То манитъ къ себѣ сладострастьемъ,
Султаншей любимой глядитъ;
То, будто убита несчастьемъ,
Въ раздумьи печальномъ стоитъ.

Порою, шалуньей предстанетъ,
Безпечна, рѣзва и шумна;
Порою цыганкою взглянетъ,
Томленья и нѣги полна.

То будто-бы геній-хранитель,
То будто кокетка порой;
Но дайте ей хлыстикъ и китель —
Предъ вами безъусый герой.

Игрива, какъ будто ребенокъ,
Лукава, какъ самъ купидонъ,
Она, хоть божокъ, хоть чертенокъ,
Но всѣхъ забираетъ въ полонъ.

Пощады не зная нисколько,
Она не сулитъ ничего;
Играетъ сердцами — да только,
Глазами хоть сглазитъ кого.

Она, какъ ребенокъ, васъ бѣситъ,
Какъ женщина, мучитъ порой;
Но такъ граціозно чудеситъ,
Что любишь ее всей душей.

Она хоть васъ мучитъ немножко,
Но можно-ль ее осудить?
Такая головка и ножка
Должны всѣ головки кружить.

Д. Сушковъ.

183.

РѢЧИ И ОЧИ.

Ты чаруешь меня
Лаской нѣжныхъ рѣчей,
Но боюсь я огня
Твоихъ черныхъ очей! —

Радость въ душу мнѣ льютъ
Звуки страстныхъ рѣчей,
Сердце бѣдное жгутъ
Искры черныхъ очей! —

«Не страшись ничего
Пламя чорныхъ очей,
Бойся больше всего
Страстныхъ, нѣжныхъ рѣчей!

Сердце, вѣрь, не сожжетъ
Блескъ холодныхъ очей —
Въ глубь души западетъ
Звукъ коварныхъ рѣчей!»

Ев. Карновичь.

184.

САРАФАНЧИКЪ.

Мнѣ наскучило, дѣвицѣ,
Одинешенькой въ свѣтлицѣ
Шить узоры серебромъ.
И безъ матушки родимой
Сарафанчикъ мой любимой
Я надѣла вечеркомъ.
    Сарафанчикъ,
    Разстеганчикъ!
Въ разноцвѣтномъ хороводѣ
Я играла на свободѣ,
И смѣялась, какъ дитя!
И въ свѣтлицу до разсвѣта
Воротилась — только, гдѣ-то
    Разорвала я, шутя,
    Сарафанчикъ,
    Разстеганчикъ! —
Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота.
Но — за сладкія мгновенья
Я тебя, безъ сожалѣнья,
    Оставляю навсегда
    Сарафанчикъ,
    Разстеганчикъ! —

185.

РОМАНСЪ.

Другъ сердечный, другъ мой милый!
Какъ лишиться, мнѣ тебя?
Какъ лишиться, кѣмъ въ унылой
Жизни счастлива была?

Страшный часъ: съ тобой разстаться —
Будто душу потерять!
Вѣчно плакать, вѣчно рваться,
Вѣчно радостей не знать,

Ахъ, помедли, другъ мой милый!
Для чего, куда спѣшишь?
Дай минуту быть счастливой,
Дай минуту мнѣ пожить!

Молитъ все тебя со мною:
Рощи, волга и поля;
Всѣ мѣста, гдѣ мы съ тобою
Были счастливы любя.

Молитъ все.... но ты не внемлешь;
Состраданье истребилъ!

О, жестокій! ты отъемлешь
Жизнь у той, кого любилъ.

Но любилъ-ли ты не ложно?
Но любилъ-ли?.... я метусь....
Ахъ! помедли, если можно,
Я съ печалью разлучусь!

186.

Сердце въ выборѣ невольно;
Льзя-ли сердцу отказать?
Видѣть милую довольно,
Чтобъ любовью къ ней пылать!

Такъ, какъ душенька прелестна!
И пятнадцать только лѣтъ,
Хоть застѣнчива, — любезна,
Всѣмъ отраду въ сердце льетъ.

Хотъ не знаетъ, что карета,
Шаль, лино и кисея;
Въ бѣломъ платьицѣ одѣта,
Но прелестнѣй майска дня.

Контротанцевъ не танцуетъ,
Аріетокъ не поетъ,
Но лишь взглянетъ — очаруетъ,
Сердце, душу, умъ влечетъ.

Пусть свѣтъ цѣлый обвиняетъ,
Что я къ бѣдненькой горю, —
Я прощаю: онъ незнаетъ
Милу Машиньку мою.

187.

«Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый:
Сладко будетъ отдохнуть,
Мнѣ съ подружкой милой.
Долго въ грусти ждетъ она
Казака младова.
Вотъ забрезжила луна
Съ неба голубова,
И веселый Донъ течетъ
Тихою струею;
«Вѣрный конь, скачи скорѣй,
И какъ вихорь мчися,
Лишь предъ хатою моей
Ты остановися.»
Такъ казакъ спѣшилъ домой,
Понукалъ гнѣдова,

Борзый конь летитъ стрѣлой
До дому роднова.
Вотъ приблизился конецъ
Къ своему селенью.
«Стой, товарищъ, стой, конецъ
Нашему стремленью.»
Видитъ онъ нѣвестинъ домъ,
Входитъ ужъ въ свѣтлицу —
И объяту сладкимъ сномъ
Будитъ онъ дѣвицу:
«Встань коханочка моя,
Нѣжно улыбнися,
Обойми скорѣй меня
И къ груди прижмися.
На поляхъ страны чужой
Я дышалъ по волѣ,
Для тебя вѣрно одной
Возвращенъ судьбою.»
Что-же милая его? —
Пробудилась, встала,
И взглянувши на него,
Въ страхѣ задрожала,
— На яву-ли иль во снѣ
Зрю тебя, мой милой?
Ахъ! не даромъ-же во мнѣ
Сердце пріуныло;
Долго я тебя ждала
И страдала въ скукѣ,
Сколько слезъ я пролила,

Въ горестной разлукѣ!
И, отчаясь зрѣть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
Съ клятвой роковою. —
«Ну, такъ Богъ съ тобой!» сказалъ
Молодецъ удалый,
И къ воротамъ, гдѣ стоялъ
Конь его усталый.
«Ну, сопутникъ вѣрный мой,
Онъ сказалъ уныло,
Нѣтъ травы тебѣ родной,
Нѣтъ мнѣ въ свѣтѣ милой.»
Словомъ, сѣлъ онъ на гнѣдка,
Шевельнулъ уздою,
Далъ онъ шпоры подъ бока —
Быстрый конь стрѣлою
Полѣтелъ въ обратный путь
Отъ села роднова;
Но тоска терзала грудь
Казака млалова.
Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ
Въ ту страну родиму;
И невольно воздохнулъ,
Скрылся въ даль незриму.
Что и родина, коль нѣтъ
Ни друзей, ни милой?
Ахъ! тогда намъ цѣлый свѣтъ
Кажется могилой.

188.

УПРЕКЪ ВЪ НЕВѢРНОСТИ.

Отлетѣлъ мой голубочекъ,
Скрылся, изъ виду пропалъ...
Ты уѣхалъ, милъ дружечекъ —
И — прости мнѣ не сказалъ!

Много слезъ я потеряла
О разлукѣ, другъ, съ тобой!
«Ахъ, останься!» умоляла,
«Другъ! побудь еще со мной!»

Не остался! я узнала,
Что меня ты не любилъ —
Поздно скрыть тогда желала,
Сколь измѣнникъ былъ мнѣ милъ!

Вѣроломный! онъ мечтаетъ
Надо мной торжествовать;
Съ пылкой смѣлостью дерзаетъ
Клятвы святостью играть!

Нѣтъ, жестокой! ты напрасно
Казни мыслишь избѣжать:
Ты незнаешь, сколь опасно
Сердце страстно оскорблять!

Рано-ль, поздно-ли пробудитъ
Совѣсть, силу правъ своихъ —
Но, тогда меня не будетъ
Къ облегченью мукъ твоихъ....

А. Нелединскій-Мелецкій.

189.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью
Разыгралася погода,
Поголушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Одна лодочка чернѣетъ;
Никого въ лодкѣ не видно,
Только парусы бѣлѣютъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ.
На кормѣ сидитъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Во коришневомъ кафтанѣ,
Во грезетовомъ камзолѣ,
Въ аломъ шелковомъ платочкѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ,
На картузѣ козыречекъ,
Самъ отецкій онъ сыночекъ.

Ужъ какъ взговоритъ хозяинъ:
«Мы пригрянемте ребята,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Ко Еленину подворью,
Ко Ивановой здоровью.»
Еленушка выходила,
Свою дочку выводила,
Таки рѣчи говорила:
Не прогнѣвайся, пожалуй,
Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла;
Въ одной тоненькой рубашкѣ,
И въ кумачной тѣлогрѣйкѣ.

Ванька Каинъ.

190.

Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Его миленькій дружочикъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ больше не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все горюетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... увы! но тщетно —
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ на вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка.

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но... увы! прелестна хлоя!...
Не проснется милый другъ!...

И. Дмитріевъ.

191.

Не для меня весною
Въ поляхъ цвѣты растутъ;
Гдѣ нѣтъ тебя со мною,
Вездѣ мнѣ скучно тутъ:

Пріятная погода
Меня не веселитъ,
Мутится вся природа,
Не меньше духъ томитъ.

Ни шумъ зеленой рощи,
Ни быстрый токъ ключей,
Не можетъ тихость рощи
Тоски разбить моей.

Но мыслю повсечасно,
Любезная моя,
Люблю, люблю я страстно,
Безъ ней страдаю я.

Въ прекрасное-ли поле
Тоску разбить пойду,
Грущу, страдаюболѣ,
И только слезы лью.

Мнѣ игры непріятны,
Мнѣ нѣтъ покойна сна;
Мнѣ пѣсни птицъ не внятны,
Мнѣ пища не вкусна.

Но можно-ли не рваться
И сердцу дать покой?
Нѣтъ способовъ видаться
Съ моею дорогой!

192.

Въ четвергъ седьмой,
Въ странѣ родной,
Праздникъ, праздникъ есть семикъ!
Праздникъ, праздникъ есть семикъ!
Всѣмъ дѣвушкамъ,
Молодушкамъ,
Этотъ праздникъ милѣй всѣхъ
Этотъ праздникъ милѣй всѣхъ!
Онѣ спѣшатъ,
Онѣ летятъ,
Онѣ спѣшатъ въ рощицу,
Въ завѣтную Марьину!
Во всей Москвѣ,
Во всей Москвѣ
Гулянье извѣстное,
Роща наша Марьина!

Со всей Москвы,
Со всей Москвы
Кареты съѣзжаются,
Люди собираются!
Зачѣмъ идутъ,
Зачѣмъ спѣшатъ?
Семикъ провесть въ рощицѣ,
Семикъ провесть въ Марьиной!
Съ милымъ дружкомъ,
Съ милымъ дружкомъ
Тамъ я повидаюся,
Вмѣстѣ разгуляюся!
Въ четвергъ седьмой
Ты, милый мой,
Со мной въ рощу Марьину,
Со мной приходи играть!
Съ мной играть,
Вѣнки сплетать,
Макъ и просу сѣяти,
Макъ и просу сѣяти!
Тогда скажу,
Тебя люблю!
Милаго, безцѣннаго,
Друга неизмѣннаго!

193.

Во лѣсахъ было,
Во дремучихъ-ли,
Красна дѣвица
Брала ягодки.
Бравши она ягодки,
Въ лѣсу заблудилася.
Заблудясь она,
Стала плакати.
Во слезахъ она
Стала кликати:
«Ахъ, ты слышишь-ли,
«Мой, сердечный другъ!
«Разумѣешь-ли,
«Жизнь, душа моя!
«Въ моемъ саду,
«Соловей поетъ;
«А меня младу
«Грусть, тоска беретъ?»

194.

Выйду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю;
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька съ собой!

Нѣтъ! унесть съ собой не можешь,
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью своему;
Мысль за мыслiю стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, занываетъ,
Страсть мучительну тая;
Кѣмъ страдаю, тотъ незнаетъ,
Терпитъ что душа моя.

Чѣмъ - же злую грусть разсѣю?
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу и не умѣю
Въ сердце быть властна своемъ!

Милый мой имъ обладаетъ,
Взглядъ его — мой весь законъ.
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь-бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ-же стану, кѣмъ-же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему;
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему:

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Кѣмъ живу и кѣмъ страдаю,
Кѣмъ я мыслю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Коль дойдетъ мой стонъ къ тебѣ;
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если-жъ то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь,
И привѣтствіемъ, хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь!

А. Нелединскій-Мелецкій.

195.

О, любезный, о, мой милый!
Гдѣ ты власть небесну взялъ?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу далъ.

Прочь печали и напасти,
Прочь заботы! васъ ужъ нѣтъ!
Покоряся нѣжной страсти,
Я гляжу на новый свѣтъ:

Все въ немъ лучше веселѣе,
Все объ миломъ говоритъ;
Даже солнышко свѣтлѣе,
Для меня теперь горитъ;

Даже я сама кажуся,
Милый, лучше отъ тебя;
Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя!

Лучше, кажется, играю
И пріятнѣе пою;
Все мнѣ рай, и всѣмъ питаю
Страсть, любовь къ тебѣ мою!

Страсть на вѣки воспаленну —
Что скажу я наконецъ....
Ты украсилъ всю вселенну,
Ты, мой ангелъ, мой творецъ!

И. Дмитріевъ.

196.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.

Внезапно постучался
У двери купидонъ;
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ!

Кто такъ стучится смѣло?
Со гнѣвомъ я вскричалъ;
«Согрѣй обмерзло тѣло!»
Сквозь дверь мнѣ отвѣчалъ.

«Чего ты устрашился?
Я мальчикъ, чуть дышу;
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу.»

Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ;
Не медливши ни мало,
Къ себѣ его впустилъ.

Увидѣвъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.

Жалѣя о несчастьи,
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьи,
Къ камину посадилъ.

Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
А крылья со кудрями
Досуха выжималъ.

Онъ чуть лишь ободрился,
Каковъ-то, молвилъ, лукъ?
Въ дождѣ чай повредился —
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.

Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла,
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.

Онъ громко засмѣялся,
И тотчасъ заплясалъ,
Чего ты испугался?
Съ насмѣшкою сказалъ.

Мой лукъ еще годится,
И цѣлъ и съ тетивой,
Ты-жъ будешь вѣкъ крушиться
Отнынь, хозяинъ мой!

Ломоносовъ.

197.

Вечеркомъ румяну зорю
Шла я съ грусти посмотрѣть;
А пришла все къ прежню горю,
Что велитъ мнѣ умереть.

Горе къ рѣчкѣ заманило;
Села я на бережокъ —
Сердце пуще пріуныло;
Мутенъ чистый сталъ потокъ.

Я, вздохнувши тутъ, сказала,
Лейся, рѣчка, какъ слеза!
А сказавши, показала
Полны слезъ мои глаза.

Струйки свѣтлы зашумѣли,
Будто сжалясь надо мной;
Но утѣшить не умѣли,
И осталась я съ тоской.

О, души моей веселье,
Для кого мнѣ жизнь мила!
Я послѣдне ожерелье
За тебя-бы отдала.

Какъ сокровище я свѣта
Берегу къ тебѣ любовь;
Ею лишь во мнѣ нагрѣта,
Будто пламенемъ, вся кровь.

Горячѣе солнца знойна
Сердце къ милому горитъ!
А душа лишь тѣмъ покойна
Что въ себѣ его хранитъ....

Но напрасно въ васъ, потоки,
Погружаю голосъ мой.
Вамъ пути хотя широки,
Стонъ останется со мной.

Сколько чистыхъ струй ни льете
Быстрымъ бѣгомъ въ берегахъ,
Слезъ моихъ не унесете —
Всѣ они въ моихъ глазахъ.

Что глаза ни повстрѣчаютъ,
Все постыло, все бѣда!
Рощи и луга скучаютъ;
Темно въ полдень мнѣ всегда.

Вѣтерокъ–ли рощу тронетъ,
Гдѣ въ печали, я хожу,
Тотчасъ въ думу.... милой стонетъ!
И отъ страха я дрожу.

Выйду–ль на лужокъ отъ скуки,
Грусть за мною по пятамъ;
Всѣмъ веселье... мнѣ лишь муки:
Гдѣ ступила, горе тамъ!

Люди съ солнцемъ, людямъ ясно,
А со мною все туманъ! —
Безъ тебя оно напрасно,
Безъ тебя мнѣ жизнь обманъ.

Нѣтъ, ужъ нѣтъ души со мною —
Но уже-ль, ахъ, ту забылъ!
Звалъ котору дорогою,
И клялся, что ты любилъ.

Нѣтъ, не вѣрю!.... нѣтъ, не львицей
Вскормленъ ты, любезный мой!
Той–ли будешь ты убійцей,
Отданъ чей тебѣ покой?

Нѣтъ, не вѣрю... ахъ! заставишь
Сердце вѣрить и тому,
Если сроку не убавишь
Возвратишься ты къ нему!

Я повѣрю!... жизнь разрушу,
А тебѣ лишь тѣмъ отмщу,
Что, любя тебя какъ душу,
Смерть мою тебѣ прощу.

Николаевъ.

198.

Волга, рѣчинька глубока!
Прихожу къ тебѣ съ тоской;
Мой сердечный другъ далеко,
Ты бѣги къ нему волной!
Ты бѣги волна, стремися,
Къ другу вѣсть скорѣй неси;
Какъ стрѣла къ нему пустися
И словечко донеси.

Ты скажи, какъ я страдаю,
Какъ я мучуся по немъ;
Говорю, сама рыдаю, —
Слезы катятся ручьемъ....
Вспомню, милый какъ прощался,
И туда вдругъ побѣгу;
Гдѣ со мною разставался,
Плачу тамъ на берегу.

*

Шумитъ вѣтеръ, Волга стонетъ,
А я рвуся злой тоской;
Сердце ноетъ, ноетъ, ноетъ,
И твердитъ: «гдѣ милый мой?»
«Гдѣ твой другъ, твоя отрада?
Гдѣ дѣвался дорогой?»
— Жизни я тогда не рада, —
Вся въ слезахъ иду домой.

Но къ несносному мученью
Страсть свою должна скрывать;
Здѣсь предавшись слезъ стремленью,
Дома видъ другой казать.
Какъ ни грустно, какъ ни больно,
Чтобъ незнали страсть мою,
Покажусь на часъ покойной,
За то ночь проплачу всю.

Поспѣшай ко мнѣ любезный,
Ты почувствуй скорбь мою;
Токъ очей отри мой слезный,
Облегчи судьбу мою! —
Только я уста сомкнула,
Стонъ пустился вслѣдъ за мной,
Мнится, рѣчинька вздохнула,
Понесла слова волной.

А. Нелединскій-Мелецкій.

199.

НЕВѢСТА СЪ ПРИДАНЫМЪ ВЪ 100,000 РУБ.

Друзья! хотите-ли жениться?
Не надо счастья пропускать:
Оно въ дверяхъ у васъ стучится;
Берите — случай славный брать!
Невѣста рѣдкая предъ вами,
Ее не сыщете милѣй!
Сто тысячъ — посудите сами,
Въ приданое даютъ за ней.

Она съ семнадцатой весною,
Какъ роза пышная цвѣтетъ;
Лицемъ прелестна и душою,
Сердца улыбкою влечетъ.
Она стиховъ не сочиняетъ;
Не философка — но умна;
А умъ въ женѣ не помѣшаетъ —
Коль имъ не хвалится она.
        Такая рѣдкость, кто-жъ поспоритъ,
        Конечно двадцать тысячъ стоитъ!

Она въ хозяйствѣ сущій кладъ,
Довольна всѣмъ, не прихотлива;
Какой супругъ не будетъ радъ,
Когда супруга бережлива!

Она нелюбитъ пышно жить,
Съ блестящимъ не знакома свѣтомъ;
Радушно любитъ угостить,
Помочь и дѣломъ и совѣтомъ.
А, эта рѣдкость, кто-жъ поспоритъ,
Конечно двадцать тысячъ стоитъ!

Съ ума отъ моды не сойдетъ,
Костюмами не разорится,
Скроитъ обновку и сошьетъ,
Когда захочетъ нарядиться.
Не ѣздить любитъ — а ходить,
Ее карета не прельщаетъ;
Больной терпѣть не можетъ быть!
А докторъ много составляетъ!
Такая рѣдкость, кто-жъ поспоритъ,
Конечно двадцать тысячъ стоитъ!

Не любитъ бальныхъ вечеровъ,
На нихъ до утра не танцуетъ;
Въ отдохновенье отъ трудовъ
Одна по залѣ вальсируетъ.
Въ театръ не ѣздитъ слезы лить
Съ слѣпцомъ Эдипомъ, или Леаромъ.
Для ней пріятнѣй погрустить
И посмѣяться съ мужемъ — даромъ.
А, эта рѣдкость, кто-жъ поспоритъ,
Конечно сорокъ тысячъ стоитъ!

200.

Мѣсяцъ плавалъ надъ рѣкою,
Все спокойно! вѣтерокъ
Вдругъ повѣялъ, и волною
Принесло ко мнѣ челнокъ.

Мальчикъ въ немъ сидѣлъ прекрасный;
Тяжкимъ правилъ онъ весломъ.
«Ахъ, малютка мой несчастный!
Ты потонешь съ челнокомъ.»

— Добрый путникъ, дай помогу;
Я не справлю, сидя въ немъ.
На, весло! и понемногу
Мы къ ночлегу доплывемъ.—

Жалко мнѣ малютки стало;
Сѣлъ въ челнокъ, и за весло!
Парусъ вѣтромъ надувало,
Насъ стрѣлою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрыхъ водъ;
А на берегъ собирались
Стаей нимфы въ хороводъ.

Рѣзвыя смѣялись, пѣли,
И цвѣты кидали въ насъ;
Мы неслись, стрѣлой летѣли...
О, бѣда! о, страшный часъ!..

Я заслушался, забылся,
Вѣтеръ съ моря заревѣлъ;
Мой челнокъ о мель разбился,
А малютка... улетѣлъ!

Кое-какъ на голый камень
Вышелъ, съ горемъ пополамъ;
Я обмокъ — а въ сердце пламень:
Изъ бѣды опять къ бѣдамъ!

Всюду нимфъ ищу прекрасныхъ,
Всюду въ горести брожу,
Лишь въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Тѣни милыхъ нахожу.

Добрый путникъ! въ часъ погоды
Не садися ты въ челнокъ!
Знать сіи опасны воды;
Знать малютка... страшный Богъ!

К. Батюшковъ.

201.

Други! время скоротечно
И не видишь какъ летитъ!
Молодыми быть не вѣчно;
Старость въ мигъ насъ посѣтитъ.
Что-же дѣлать? такъ и быть!
Въ ожиданьи будемъ пить.

Пусть аракъ ума убавитъ
Между насъ у остряковъ!
Онъ сердца за то заставитъ
Говорить безъ колкихъ словъ,
Лучшій способъ дружно жить:
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите, какъ уныла
Вся природа на земли:
Осень рощи обнажила,
Ахъ! и розы отцвѣли.
Какъ-же грусть намъ усладить?
Чаще пуншъ съ аракомъ пить.

О, аракъ, аракъ чудесный!
Ты весну намъ возвратилъ;
Ты согрѣлъ, какъ май прелестный,

Щеки розами покрылъ.
Чѣмъ-же намъ тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

И. Дмитріевъ.

202.

Безъ друга и безъ милой
Брожу я по лугамъ;
Брожу съ душой унылой
Одинъ по берегамъ,
Тамъ тѣ же все встрѣчаю
Кусточки и цвѣтки;
Но ахъ! не облегчаю
Ни чѣмъ моей тоски!

Срываю я цвѣточикъ,
И въ мысляхъ говорю:
Кому сплести вѣночикъ?
Кого имъ подарю?
Со вздохомъ тутъ катится
Изъ сердца слезный токъ,
И изъ руки валится
Увядшій въ ней цвѣтокъ.

Во времена счастливы,
Бывало, въ жаркій день,

Развѣсистыя ивы!
Иду я къ вамъ подъ тѣнь.
Пошлете-ль днесь отраду
Вы сердцу моему?
Ахъ! сладко и прохладу
Вкушать не одному!

Все, все постыло въ мірѣ!
И персты ужъ мои
Не движутся на лирѣ,
Лишь слезъ текутъ струи.
Престань-же пѣть, несчастный!
И лиру ты разбей;
Не слышенъ голосъ страстный
Душѣ души твоей.

И. Дмитріевъ.

203.

ЧЕРНЫЙ ЦВѢТЪ.

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ на всегда!
Я клянусь, не влюблюсь,
Въ цвѣтъ иной, никогда!
И принудить меня,
И заставить меня,

Разлюбить черный цвѣтъ,
Силы нѣтъ, власти нѣтъ.
Отчего-жъ? спроситъ свѣтъ,
Я влюбленъ въ черный цвѣтъ;
Я скажу черный цвѣтъ } 2
Цвѣтъ подруги моей.

И пусть вдругъ милый другъ
Позабудетъ меня.
Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Все любить буду я.
У меня мысль одна—
Черный цвѣтъ и она;
Съ ней на вѣкъ я солью
Мрачну душу свою,
Разставаясь съ землей,
Облекусь въ черный цвѣтъ.
А пока въ очахъ свѣтъ, — } 2
Я влюбленъ въ черный цвѣтъ.

Ломакинъ.

204.

Я на чердакъ переселился:
Жить выше, кажется, нельзя;
Съ швейцаромъ, кучеромъ простился,
И повара лишился я.

Толпѣ заимодавцевъ знаю
И безъ швейцара дать отвѣтъ:
Я самъ дверь важно отворяю
И говорю имъ: дома нѣтъ!

Въ дни праздничные для катанья
Готовъ извощикъ площадной,
И будуаръ мой, зала, спальня —
Вмѣстились въ горницѣ одной.

Гостей искусно принимаю:
Глупцамъ указываю дверь,
На стулъ однихъ друзей сажаю,
А миленькую на постель.

Мои владѣнья необъятны —
Вокругъ столицы шумной сей
Всѣ мызы, всѣ собранья знатны,
Гдѣ пиръ горой, толпа людей;

Мои всѣ радости — въ стаканѣ;
Мой гардеробъ — лежитъ въ ряду;
Богатство — въ часовомъ карманѣ,
А садъ — въ Таврическомъ саду!

Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слухъ на пѣснь мою склоните
И мнѣ старайтесь подражать!

Я завтракъ сытный получаю
Отъ друга, только-что проснусь,
Обѣдать въ гости уѣзжаю,
А спать безъ ужина ложусь.

О, богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя,
Нахальству моему простите,
Что съ вами счастьемъ равенъ я!

Я кой-какъ день переживаю:
Богачь роскошно годъ живетъ.
Чѣмъ кончится? — и я встрѣчаю,
Какъ милліонщикъ, Новый годъ.

Д. Давыдовъ.

205.

Не терзай ты сердца болѣ,
Томной пѣснью, соловей!
Грустно жить тебѣ въ неволѣ,
Грустно жить мнѣ безъ друзей!

Сердце ноетъ и вздыхаетъ,
Стонетъ, съ грусти замираетъ,
Если-бъ крылья я имѣлъ,
То взвился-бъ и полетѣлъ

Въ тѣ мѣста, мѣста любезны,
Гдѣ живетъ другъ милый мой;
Тамъ престалъ-бы лить токъ слезный,
Тамъ-бы — веселъ былъ душой.

Не терзай ты сердца болѣ,
Томной пѣсныю, соловей!
Въ горькой и злосчастной долѣ
Ты не милъ душѣ моей!
Было время, какъ плѣнялся,
Дни — минутами считалъ!

Но теперь все улетѣло,
Радость для меня ни что;
Сердце ужъ осиротѣло,
Сердце бѣдное одно!

Не терзай меня ты болѣ
Томной пѣснію своей!
Грустно жить мнѣ во неволѣ,
Грустно жить мнѣ безъ друзей!..

А. В....ъ.

206.

Вѣтеръ тихой, вѣтеръ тихой,
Тиховѣйной сынъ весны,
Ты зачѣмъ такъ долго медлишь
Въ милой родинѣ моей?

Напитайся вѣтеръ тихой,
Ароматомъ здѣшнихъ мѣстъ,
И лети, лети въ чужбину,
Подъ шатры, въ военный станъ.

Быстротечный, быстротечный,
Сладководный, шумный Днѣпръ,
Говорятъ свои ты волны
Къ морю синему стремишь....

Что до моря?... не напоишь
Ты бездонной глубины;
Потеки, рѣка родная,
Къ другу сердца въ чуждый край!

Тамъ, на знойномъ полѣ битвы
Жаждетъ воинъ молодой:
Окропи уста и раны
Сладкой родины водой!...

Мѣсяцъ свѣтлый, мѣсяцъ свѣтлый,
Что на бѣдную глядишь?
Не осушитъ лучь холодный
Слезъ горючихъ на глазахъ....

Ахъ! спѣши туда, гдѣ милой,
И златымъ своимъ лучемъ,
Заблистай ему свѣтлѣе,
Поиграй съ его мечемъ.

Но, увы! напрасно дѣва
О любезномъ слезы льетъ:
Онъ, давно за Рейномъ шумнымъ,
Безпробуднымъ сномъ почилъ!

Воинъ храбрый, воинъ храбрый,
Не видать тебѣ луны,
Ни красы роднаго неба,
Ни полей родной страны....

О тебѣ дойдетъ лишь слава
Въ милый сердцу русскій край,
Что на битвахъ ты, какъ русскій,
Храбръ и страшенъ былъ врагамъ.

Много пало, много пало,
Тамъ въ за-рейнскихъ поляхъ;
Но блаженъ, кто умеръ славно:
Онъ безсмертенъ будетъ ввѣкъ!

Ѳ. Глинка.

207.

Солнце за горою сѣло;
Лѣсъ зеленый потемнѣлъ,
Съ Лизой день невидясь цѣлый,
Въ горести Милонъ сидѣлъ.

Стадо въ кругъ его стѣсненно,
На густой травѣ легло;
Онъ, печалью отягченный,
Гнать его забылъ въ село.

Шорохъ каждаго листочка
Радостно тревожилъ слухъ,
И дыханье вѣтерочка
Въ трепетъ приводило духъ.
Но ужъ тѣнь кругомъ сгустилась;
Вѣтръ листка не шевельнетъ
Въ мракѣ и надежда скрылась:
«Нѣтъ! ужъ Лиза не придетъ!»

«Солнце! ты зачѣмъ свѣтило?
Вздохнувъ, Милонъ сказалъ:
Я не видѣлъ Лизы милой;
Этотъ въ жизни день пропалъ!
Рощица! моя отрада,
Какъ въ тѣни гулялъ я съ ней!
Безъ нее, твоя прохлада
Хладъ несетъ душѣ моей.

Рощица! пора проститься.
Стадо милое! пойдемъ,
Поспѣшай ты насладиться
Отъ меня бѣгущимъ сномъ;
Окропился ужъ росою
Лугъ, гдѣ съ Лизой я гулялъ;

А горячею слезою
Мѣсто, гдѣ напрасно ждалъ.

В. Капнистъ.

208.

Какъ сынъ проклятія скитаюсь
Издавна я по всѣмъ странамъ;
Уйти отъ горести стараюсь,
Но горесть всюду по слѣдамъ.
Увы! лишь вспомню страсть несчастну...
Прости мой умъ! прости покой!
Я вижу фурію ужасну!
Бѣгу ее — она за мной.

Всю молодость провелъ въ стенаньи;
Состарился, а все влачу
Любови цѣпь въ тоскѣ, въ изгнаньи,
И тщетно смерти я хочу!
«Ступай далеко! мнѣ сказали:
Тамъ знаютъ жалость.» — Что-жъ? и тамъ
Безумца лишь во мнѣ искали,
Смѣялись бѣднаго слезамъ!

О, дѣти счастья! грѣхъ смѣяться:
Я безъ ума, но я вашъ братъ;
Что мы предвидимъ? можетъ статься,

Несчастнѣй будете стократъ.
Страшитеся любви опасной,
И пожалѣйте вы о томъ,
Кто розою плѣнясь прекрасной,
Ахъ! уязвленъ ея шипомъ.

И. Дмитріевъ.

209.

Сердцемъ живши сиротою,
Вѣчно слезы будешь лить;
Одному съ самимъ собою
Тяжко, тяжко въ мірѣ жить —
Одинокимъ жить для свѣта
И природѣ быть чужимъ,
Ввѣкъ не знать любви привѣта
И дѣлиться ввѣкъ съ другимъ!

Такъ я думалъ — заточеньемъ
Мнѣ казался бѣлый свѣтъ,
Недовольный Провидѣньемъ,
Я сказалъ: здѣсь счастья нѣтъ!
Но надежда вдругъ блеснула,
Разцвѣла душа, вздохнувъ;
Ахъ! Мальвина съ ней вздохнула,
На судьбу мою взглянувъ.

Вмѣстѣ розно стороною
Сердце лишь имѣть одно;
Мыслить мыслiю одною,
Ощущать вездѣ равно;
Душу, — жизнь чѣмъ ни владѣешь,
Все любезной передать,
Что отъ Бога ни имѣешь —
Сердцемъ милой обладать....

Участь сладка, несравненна!
Я въ раю съ Мальвиной жилъ:
Въ ней была моя вселенна,
Въ ней себя, другихъ любилъ....
Но Мальвина злой судьбою,
Ахъ! другому отдана....
Грусть осталась лишь со мною;
Грусть до гроба мнѣ вѣрна!

И. Лажечниковъ.

210.

Прости, мой другъ на вѣки!
Прости любовь, покой!
Долины, горы, рѣки
Насъ разлучатъ съ тобой!

Тебя я не забуду —
Пусть рокъ велитъ страдать;
Твердить: люблю я буду —
Не будешь ты внимать.

Не плачь! все увѣряетъ,
Не долго мнѣ тужить;
Грусть съ смертью исчезаетъ
А безъ тебя какъ жить?

А. Пушкинъ.

211.

Вотъ отъ милой удалился,
Вотъ и я осиротѣлъ;
Рай очей моихъ! ты скрылся,
И какъ призракъ улетѣлъ:

Въ сердцѣ радость миновалась,
Въ сердцѣ горестномъ моемъ,
Мысль о ней! лишь ты осталась
Мнѣ подругой въ мірѣ семъ.

Не оставь меня въ страданьѣ,
Мысль о ней! тебя зову:
Жилъ надеждой, ожиданьемъ,
А теперь — тобой живу.

Сонъ обманчивый, но сладкій!
О, мечта счастливыхъ дней!
Похищай часы украдкой
Ты у горести моей.

Услади мнѣ жизни бремя
И печали тяготу;
Сократи разлуки время:
Не покинь ты сироту.

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

212.

Видѣлъ ласточку я въ полѣ;
Все кружилась и вилась:
То къ землѣ, то болѣ, болѣ
Въ поднебесную неслась;

Иль глядѣлась въ рѣчкѣ чистой,
Въ ней ласкала образъ свой;
Или въ рощицѣ тѣнистой
Съ полурадостной душой;

Иль за птичками гонялась,
Ихъ манила въ легку сѣть;
Что-жъ? — сама въ нее попалась
И пришло ей умереть!

Такъ и ты, о, хлоя мила!
Сколько сердцемъ не рѣзвилась,
Ты со страстью все шутила —
Но, погибнуть берегись!

Насъ обманывать не долго —
Лишь взглянуть — и вѣчно вашъ!
Но, ахъ! дней сочтешь немного —
И себя на вѣкъ отдашь....

Разсуди, прелестна хлоя!
Сердцемъ перестань порхать;
Ахъ! для счастья и покоя —
Лучше мнѣ его отдать....

И. Лажечниковъ.

213.

Вчера ты, роза, разцвѣтала,
И прелестью плѣняла взглядъ;
Но гдѣ твоя краса? — увяла,
Исчезъ твой сладкій ароматъ;
Атласны листики опали,
И цвѣтъ твой яркій поблѣднѣлъ.

Я видѣлъ, какъ вчера играли
Лучи на капелькахъ росы;
Я видѣлъ, какъ твои лобзали
Зефиры нѣжныя красы;
Но вдругъ, цвѣтокъ, ты въ нѣжномъ маѣ,
Какъ отъ морозовъ, пожелтѣлъ!

Такъ, счастіе мое увяло!
Померкъ въ глазахъ надежды свѣтъ!
Кѣмъ сердце жило, воздыхало,
Того теперь со мною нѣтъ! —
Терзайся, сердце! слезы лейтесь,
И окропляйте хладный прахъ!

П. Кайсаровъ.

214.

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?

Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ!
Какая власть сильнѣе
Любви и красоты?

Люблю — любить въ вѣкъ буду —
Кляните страсть мою,
Безжалостные люди,
Жестокія сердца:

Священная природа!
Твой нѣжный другъ и сынъ
Невиненъ предъ тобою —
Ты сердце мнѣ дала;

Твои дары благіе
Украсили ее, —
Природа! ты хотѣла,
Чтобъ Лизу я любилъ.

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ,
Когда мы наслаждались
Въ объятіяхъ любви.

О Борнгольмъ, милый Борнгольмъ!
Къ тебѣ моя душа
Стремится безпрестанно;
Но тщетно слезы лью.

Томлюсь я, и вздыхаю,
На вѣки удаленъ
Родительскою клятвой
Отъ береговъ твоихъ!

Еще-ли ты, о, Лиза!
Живешь въ тоскѣ своей,
Или волнахъ шумящихъ
Скончала злую жизнь?

Явися мнѣ, явися
Любезнѣйшая тѣнь!
Я самъ въ волнахъ шумящихъ
Съ тобою погребусь!...

Н. Карамзинъ.

215.

Грустно жить въ тоскѣ и скукѣ,
Вѣчно радостей не знать,
Быть все съ милыми въ разлукѣ
И веселья не вкушать....

Дружбы нѣжной отдаленну,
Безпрестанно тосковать;
Въ чужду землю завлеченну,
О любезныхъ все вздыхать.

Все вздыхать и все лишь тщетно;
Мнѣ ихъ долго не видать!
Мнѣ терзаться безконечно,
Вѣчно плакать и страдать.

Нѣтъ со мной родныхъ, ни милыхъ,
Нѣтъ утѣхи для меня·
Въ сихъ странахъ пустыхъ, унылыхъ,
Я живу не для себя!

Грустью, мукою питаюсь,
Сердце вздохами томлю;
Все друзьями занимаюсь,
Я ихъ помню и люблю!

Съ ними горя я не знаю
И природой веселюсь;
Всѣ страданья забываю
И въ веселіи смѣюсь.

216.

Видъ прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь отъ глазъ ;
Рѣки, и лѣса, и горы
Разлучатъ на долго насъ,

Сладко было спознаваться
Мнѣ, о, милая! съ тобой,
Грустно, грустно разставаться, —
Грустно.... будто-бы съ душой!

Сердце ноетъ, духъ томится;
Кровь, то стынетъ, то кипитъ;
За слезой слеза катится,
Стонъ за стономъ вслѣдъ летитъ.

О, несносное мученье,
Что любезно, то терять!
Медли, медли разлученье,
Медли душу отнимать!

Нѣтъ отрады! все теряю —
Часъ разлуки настаетъ!
Стражду, мучусь, рвусь, страдаю —
Ахъ! прости мой милый свѣтъ!

Во слезахъ, тоскѣ и мукѣ
Продолжится жизнь моя —
Будь спокойна ты въ разлукѣ....
Пусть одинъ страдаю я!...

Херасковъ.

217.

Утро тихо наступаетъ,
Но со мной любезной нѣтъ!
Тотъ и съ солнышкомъ вздыхаетъ,
Кто одинъ съ душой живетъ.

Для счастливыхъ солнце всходитъ:
Имъ природа нѣжный другъ. —
Солнце въ радость не приводитъ
Отъ любви унывшій духъ!

Будь все мило, все прекрасно,
Будь все радости предметъ;
Если на сердцѣ ненастно,
Такъ и въ ведро дождь идетъ.

Напримѣръ: я съ милой видѣлъ
Райскій садъ вокругъ себя;
Нынѣ все возненавидѣлъ;
Нѣтъ весны ужъ для меня!

И цвѣточикъ что-то вянетъ,
Что-то рѣчка не течетъ;
Если-жъ мило что и взглянетъ,
То опять въ душѣ умретъ.

Такъ, умретъ!.... одинъ съ собою
Раздѣлишь-ли что-нибудь?
Быть все хочется съ драгою —
Всѣ цвѣты самъ-другъ растутъ!

Право сердцу, право больно
Одному на свѣтѣ жить.
Это чувство въ насъ невольно:
Намъ возможно-ль не любить?

Не любить, что такъ прекрасно
Для прельщенныхъ нашихъ глазъ;
Отчего въ насъ сердце страстно
Бьется, бьется столько разъ?

Нѣтъ! безъ милой жить не должно;
Будетъ дважды умирать —
А для милой все возможно:
И томиться, и страдать!

Рокъ любить мнѣ не закажетъ;
Я къ драгой слезу пошлю;
Хоть вздохну — и вздохъ мой скажетъ
Издалече ей люблю!

В. Измайловъ.

218.

Долго-ль мнѣ младой крушиться?
Долго-ль розно съ милымъ жить?
Долго-ль, слезы, вамъ катиться
И лицо мое мочить?

До зори я просыпаюсь,
Грусть отбила ото сна;
За работу принамаюсь —
Ахъ! скучна мнѣ и она!

Въ чисто поле на разсвѣтѣ
Я съ тоской моей иду....
Ахъ! кто милъ мнѣ, дорогъ въ свѣтѣ —
Я того тамъ не найду!

Я найду тамъ тотъ кусточикъ,
Холодокъ, что намъ давалъ:
Я найду тамъ тотъ цвѣточикъ,
Что любезный мнѣ срывалъ.

Пѣсни птичекъ слушать буду,
Такъ какъ слушала я съ нимъ....
Ахъ! тамъ весело мнѣ всюду,
Вмѣстѣ гдѣ съ дружкомъ моимъ ...

Я гуляла, отдыхала,
И глядѣла на него;
Гдѣ и къ сердцу прижимала
Я съ горячностью его.

Все мнѣ, все мнѣ тамъ милѣе:
Травка, листья и кустокъ,
Красно солнышко свѣтлѣе,
Чище, кажется, потокъ.

Ахъ! когда-жъ опять я буду
Вмѣстѣ, милый другъ, съ тобой?
Горевать когда забуду;
Слезъ не стану лить рѣкой?....

219.

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина,
Выходитъ изъ-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томну строю
Пѣть скорбь, обнявшу духъ: —
Приди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

У хладной сей могилы,
Подъ тѣнью древъ густыхъ,
Внемли мой стонъ унылый
И вздоховъ грусть моихъ:
Здѣсь Юліи любезной
Прахъ милый погребенъ,
Я лить надъ ней токъ слезной,
Судьбою осужденъ.

Подобно розѣ нѣжной,
Ты, Юлія, цвѣла,
И въ жизни сей мятежной,
Мнѣ другъ — мнѣ все была!
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,
Иль скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать!

Но нѣжно сей плачевный,
Прервать я долженъ стонъ —
Слезами омоченный
Нѣмѣетъ лиры звонъ.
Безмолвною тоскою
Сильнѣй тѣснится духъ....
Приди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

П. Капнистъ.

220.

Милый другъ! нѣжный другъ!
Заклинаю тебя:
Не чуждайся меня,
Пріучи ты себя!

Будь къ страдальцу добра;
Будь отрадой ему;
Тяжко жить на землѣ,
Безъ души одному!

Ахъ! когда мнѣ въ твоей
Ты откажешь рукѣ:
Я изною въ слезахъ,
Я исчахну въ тоскѣ!

Пять годовъ я тебя
Постоянно люблю;
Все тобою дыша,
Пять годовъ я терплю!

Пожалѣй ты меня,
Пощади ты меня:
Я томлюся въ ночи,
Я страдаю средь дня!

Коль не тронетъ тебя
Злая участь моя,
Въ мать сырую землю
Лягу съ горести я!

221.

ЧЕРКЕСКАЯ ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

Плачьте, красавицы, въ горномъ аулѣ,
Правьте поминки по насъ:
Вслѣдъ за послѣднею мѣткою пулей
Мы покидаемъ Кавказъ.
Здѣсь не цѣвница къ ночному покою
— Насъ убаюкаетъ громъ;
Очи, не милая черной косою —
Воронъ закроетъ крыломъ!
Дѣти, забудьте отцовскій обычай:
Онъ не потѣшитъ васъ русской добычей.

Дѣвы, не плачьте: ваши сестрицы,
Гуріи, свѣтлой толпой,
Къ смѣлымъ склоняя солнцы - зѣницы,
Въ рай увлекутъ за собой!
Братья, вы насъ поминайте за чашей.
Вольная смерть намъ безславія краше!

Шуменъ, но кротокъ вешній ключь!
Свѣтелъ, но гдѣ онъ — зарницы лучь?
Мать моя, звѣзда души,
Спать ложись, огонь туши!
Не томи напрасно ока,
У порога не сиди,
Издалека, издалека
Сына ужинать не жди.
Не ищи его, родная,
По скаламъ и по доламъ:
Спитъ онъ.... ложа пыль степная,
Мечь и сердце пополамъ!

Не плачь, о, мать! твоей любовью
Мнѣ билось сердце высоко,
И въ немъ кипѣло львиной кровью
Родимой груди молоко;
И никогда нагорной волѣ
Удалый сынъ не измѣнилъ:
Онъ въ грозной битвѣ, въ чуждомъ полѣ,
Постигнутъ Азраиломъ, палъ;
Но кровь моя, на радость краю,
Нетлѣннымъ цвѣтомъ будетъ цвѣсть;
Я дѣтямъ славу завѣщаю,
А братьямъ гибельную месть!

А. Марлинскій.

222.

Какъ хотите, такъ судите,
Пересудовъ не боюсь,
Что хотите — говорите,
А я все-таки напьюсь.

Иной счастья ищетъ въ златѣ,
Другой въ чванствѣ и въ чинахъ,
Третій въ модномъ глупомъ платьѣ,
На пирушкахъ и балахъ,
Тотъ въ красоточкѣ блестящей,
Этотъ въ умной головѣ,
Я философъ настоящій,
Ищу счастія въ винѣ!
Какъ хотите, такъ судите, и прочее.

Пускай Крезъ—скупецъ богатый
Наживаетъ капиталъ,
Онъ не видѣлъ счастья краты,
Если пьянымъ небывалъ;
Пусть чиновный иль вельможа
Надутъ гордостью живетъ;
Съ счастьемъ жизнь его не схожа
Если онъ вина не пьетъ!
Какъ хотите, такъ судите, и прочее.

Пускай левъ—герой паркетный
На балахъ весь вѣкъ ведетъ,
Онъ звѣречикъ незамѣтный,
Если онъ вина не пьетъ!
Пусть ученый рззсуждаетъ,
О началѣ всѣхъ началъ,
Онъ начала не узнаетъ,
Если пить не начиналъ!

Какъ хотите, такъ судите,
Пересудовъ не боюсь,
Что хотите — говорите,
А я все-таки напьюсь.

223.

Я пойду, пойду косить
Или, по-просту, кутить,
Бросать денежки,
Все отцовскія;
У отца моего
Много золота!

Красны дѣвушки
Любятъ денежки,
А безъ денегъ насъ
Гонятъ прочь отъ глазъ,

Не хотятъ сказать
И словечка намъ!...
Я пойду, пойду косить, и прочее.

Я, съ пустымъ кошелькомъ,
Имъ совсѣмъ незнакомъ,
Увидавши меня,
Словно ласточки,
Прочь пархнутъ онѣ,
Да искроются!
Я пойду, пойду косить, и прочее.

Когда-жъ деньги есть,
Просимъ милость сѣсть,
Хоть рядочкомъ съ ней —
И начнетъ она
Рѣчь забавную,
Про любовь свою....
Я пойду, пойду косить, и прочее.

Одного лишь жаль:
Ихъ любовный жаръ,
Вмѣстѣ съ деньгами,
Скоро тратится;
И опять онѣ
Незнакомы мнѣ.

Я пойду, пойду косить
Или, по-просту, кутить,

Бросать денежки,
Все отцовскія;
У отца моего
Много золота!

224.

Тучи черныя собираются
И затмилося солнце красное,
Думы мрачныя крушатъ дѣвицу
И волнуютъ въ ней сердце страстное,

Скучно дѣвицѣ одиночество,
Она съ радостью распростилася,
Ей безъ милаго опостылѣлъ свѣтъ
И тоска въ душѣ вкоренилася.

Тучи черныя разгуляются,
Засіяетъ вновь солнце красное,
Не осушатся слезы дѣвицы,
Не воскреснетъ въ ней сердце страстное.

Темнорусые кудри милаго,
Не достанется вами мнѣ играть;
Очи свѣтлые, очи ясные,
Я привѣта въ васъ не должна искать.

Взоры нѣжные, взоры страстные
Не при мнѣ огнемъ вы пылаете,
Уста милые, сладкогласные
Вы не мнѣ люблю восклицаете.

Ловкій молодецъ, ненаглядный мой,
Не видать тебя горемычной мнѣ:
Разлучили насъ бури лютыя,
Ты одинъ теперь на чужой странѣ.

225.

Что, тебя, я огорчила?
Ты прости любезный мой,
Я не съ тѣмъ тебя любила,
Чтобъ разсталася съ тобой!

Нѣтъ мнѣ горя и мученья,
Если любишь ты меня;
Мнѣ одно лишь огорченье,
Что съ тобой разстанусь я!

Нѣтъ, съ тобою не разстанусь,
Вѣчно небывать тому!
Я живая не достанусь
Въ бѣломъ свѣтѣ никому!

Намъ не можно разлучиться,
Невозможно розно жить:
Жизни легче мнѣ лишиться,
Чѣмъ другаго полюбить.

226.

По — надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка:
На нее-бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...

Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша приходила,
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.

Маша, Маша! молвилъ я!
Будь моей сестрою!
Я люблю... любимъ-ли я,
Милая, тобою?

Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина въ забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой перевитое.
Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!...

Кольцовъ.

227.

Скучно, дѣвушкѣ, весною жить одной:
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать младой.
Сиротинушка, на всей земли одна,
Пригорюнясь-ли присядешь у окна —
Подъ окошкомъ все такъ весело глядитъ
И мнѣ душу то веселіе томитъ:
То веселье — не веселье, а любовь,
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.
И я выйду во широкія поля —
Съ нихъ-ли нѣгой такъ и вѣетъ на тебя:

Свѣжій запахъ каждой травки полевой
Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой,
Хочешь съ кѣмъ-то этимъ запахомъ дышать
И другимъ устамъ его передавать;
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
Къ изголовью правой щечкою прижмусь
И горючими слезами обольюсь:
Какъ при сонлцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Травку вспрыснетъ, но ее не освѣжитъ,
Такъ и слезы не свѣжатъ меня младой;
Скучно, дѣвушки, весною жить одной!

Баронъ Дельвигъ.

228.

Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ,
Но сердце было въ волѣ;
Я думала: весь бѣлый свѣтъ
Нашъ боръ, потокъ и поле.

Къ намъ юноша пришелъ въ село:
Кто онъ? отколь? не знаю! —
Но все меня къ нему влекло,
Все мнѣ твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкругъ шей обвивались,
Какъ макъ сіяетъ отъ росы,
Сіяли, разсыпались.

И взоры пламенны его
Мнѣ что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но ужъ другъ друга знали.

Куда пойду — и онъ за мной,
На долгую-ль разлуку?
Не знаю! только онъ съ тоской
Безмолвно жалъ мнѣ руку.

«Что хочешь ты?» спросила я,
«Скажи пастухъ унылой?
И съ жаромъ обнялъ онъ меня
И тихо назвалъ милой.

И мнѣ-бъ тогда его обнять!
Но рукъ не поднимала,
На перси потупила взглядъ,
Краснѣла, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что-жъ ему сердиться?
Зачѣмъ покинулъ онъ меня?
И скоро-ль возвратится?

Баронъ Дельвигъ.

229.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи малютка, будь покоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, — будетъ время, —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
    И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду —
    Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
    Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
    Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
    Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
    По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
    Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
    Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
    Образокъ Святой:
Ты его, моляся Богу,
    Ставь передъ собой;
Да готовясь въ бой опасный,
    Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
    Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

230.

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло время, начало сердце крушить...
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело —
То-ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло,
Полюбя дружка, отъ горести изныть?
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?
Злые люди все украдкою глядятъ,
Меня дѣвушку заочно всѣ бранятъ.
Какъ-же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ,
Сердце любитъ, не спросясь меня самой!
Вы, уймитесь, злые люди, говорить;
Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со мной!
Было время — и на васъ была бѣда:
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по себѣ;
А не всякой погорюетъ обо мнѣ!
Что-же дѣлать съ горемычной головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него —
Людямъ нужды нѣтъ до сердца моего!
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!

Вас горючими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою:
Какъ безъ солнышка не можно вамъ пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить!

А. Мерзляковъ.

231.

Кому страдать, крушиться
Назначено судьбой,
Тотъ долженъ въ свѣтъ родиться
Съ чувствительной душой.

Даръ пагубный и милый,
О, сердце, жертва бѣдъ,
До самыя могилы
Тебѣ покоя нѣтъ!

Весь міръ за рай считая,
Ты льстишь себя мечтой;
Но мигъ... и свѣтлось рая
Исчезла предъ тобой.

Дыша любезнымъ чувствомъ,
Друзьями всѣхъ зовешь;
Но всѣ друзья съ искуствомъ,
А ты простякъ слывешь!

Любовь зовутъ отрадой
Всѣхъ горестей земныхъ;
Но что-жъ любви наградой?
Соборъ мученій злыхъ!

Я съ сердцемъ — тамъ притворство;
Я плачу — тамо смѣхъ,
Измѣны, вѣроломства!
Игрушкой будь у всѣхъ.

Любимый даже страстно,
Какъ дерзностный плавецъ,
Ждетъ бури повсечасно:
Любовь есть вихрь сердецъ!

Единый взглядъ смущаетъ;
Но взглядъ — и счастья лучь!
Ахъ, солнышко сіяетъ
Надъ нимъ всегда изъ тучь!

Невольникъ поздно-ль, рано-ль,
Плѣнъ тяжкій сокрушитъ;
Я самъ себѣ тираномъ,
Свобода мнѣ не льститъ!

Холодность ларъ ничтожный!
До смерти мертвымъ быть!
Страдать, хоть горько, можно:
Не можно не любить!

Друзья! какъ скоро боги,
На жалость преклонясь,
За слезы, бѣдства многи,
Пошлютъ мнѣ смертный часъ;

Здѣсь друга положите,
Здѣсь я тоскою жилъ;
На гробѣ надпишите:
«Несчастный! онъ любилъ!....

А. Мерзляковъ.

232.

Въ часъ, какъ дѣву молодую
Я зову на ложе сна,
И ночному поцѣлую
Не противится она,
Грусть нежданнаго сомнѣнья
Вдругъ находитъ на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественнаго дня.

Онъ сіяетъ, день прекрасный,
Въ блескѣ розовыхъ лучей;
Въ сѣняхъ лѣса сладкогласный
Свищетъ пѣсню соловей;
Рѣзвымъ плескомъ льются воды,

И цвѣтутъ ковры долинъ....
То любовница природы,
То красавица годинъ.

О! счастливъ, чья грудь младая
Силой чувствъ еще полна;
Жизнь ведетъ его, играя,
Какъ влюбленная нѣжна;
И веселая ласкаетъ,
И, пристрастная къ нему,
И даритъ и обѣщаетъ
Все красавцу своему! —

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на землѣ;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мглѣ.
О, друзья, что наша младость?
Чарка славнаго вина,
А забывчивая радость
Съ разу пьетъ ее до дна!

Н. Языковъ.

233.

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги—матушки широкой,
Ради сладкаго труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помнимъ холмы, помнимъ долы,
Наши храмы, наши селы,
И въ краю, краю чужомъ,
Мы пируемъ пиръ веселый
И за родину мы пьемъ.
Благодѣтельною силой
Съ нами нѣмцевъ подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляемъ за одно.
Но съ надеждою чудесной
Мы стаканъ и полновѣсный
Нашей Руси — будь она
Первымъ царствомъ въ поднебесной
И счастлива и славна!

Н. Языковъ.

234.

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Вотъ взошла луна златая,
Тише... чу! гитары звонъ...
Вотъ Испанка молодая,
Оперлася на балконъ.
Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ —
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркой день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!
Ночной зефиръ —
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

А. Пушкинъ.

235.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ —
Все-же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

А. Пушкинъ.

236.

Розы разцвѣтаютъ,
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье разцвѣтетъ.
Розы разцвѣтаютъ—
Сердце уповай;

Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно-молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ въ долинѣ рая
Жизнь для насъ иная
Розой разцвѣтетъ.

В. Жуковскій.

237.

Какъ смѣшенъ,
Не уменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному
(Безъ причины)
И рукой,
И душой
Половины!
Хоть сердись,
Хоть бранись,

Коль захочется Амуру,
То жена,
Сатана,
Изомнетъ твою фризуру!
Будешь горестно рыдать,
Будешь лобъ свой проклинать, —
Но напрасно!
Не найдешь себѣ утѣхъ
И услышишь только смѣхъ
Повсечасной.
Станутъ дыбомъ волоса,
Коль споютъ тебѣ въ глаза
Пѣсенку такую,
Хитрую и злую:
Какъ смѣшенъ,
Не уменъ
Мужъ ревнивый,
Неучтивый!
Какъ хотѣть
Завладѣть
Лишь ему
Одному
(Безъ причины)
И рукой,
И душой
Половины!

А. Полежаевъ.

238.

У меня-ль молодца
Ровно въ двадцать лѣтъ
Со бѣла со лица
Спалъ румяный цвѣтъ;
Черный волосъ кольцомъ
Не бѣжитъ съ плеча,
На ремнѣ золотомъ
Нѣтъ грозы — меча;
За желѣзнымъ щитомъ
Нѣтъ копья — огня;
Подъ черкескимъ сѣдломъ
Нѣтъ стрѣлы — коня;
Нѣтъ перстней дорогихъ
Подарить милой;
Безъ невѣсты женихъ,
Безъ попа налой...,
Разступись, разступись,
Мать сыра земля;
Прекратись, прекратись,
Жизнь — тоска моя!
Лишь по ней, по милой
Красенъ бѣлый свѣтъ;
Безъ милой, дорогой
Счастья въ мірѣ нѣтъ!

А. Полежаевъ.

239.

Стихнулъ грозный вихорь брани;
Опустился мечь въ ножны;
Смыта кровь съ геройской длани
Влагой Нѣманской волны.
Слава храбрымъ! падшимъ тризна!
Воинъ, шлемъ съ чела сорви!
Посмотри — тебѣ отчизна
Заплела вѣнокъ любви!

Дѣвы съ ясными очами
Ждутъ героя: приходи!
Изукрасится цвѣтами
Царскій орденъ на груди;
Къ сердцу радость вновь привьется
У родимыхъ Невскихъ струй,
И вся жизнь твоя сольется
Въ безконечный поцалуй.

Нѣтъ числа красамъ вселенной,
Сердцу милая — одна!
У тебя въ странѣ безцѣнной
Есть завѣтная — она —
Легче вольнаго напѣва,
Быстрой ласточки живѣй,
Ясный ангелъ, радость — дѣва,
Ненаглядный свѣтъ очей.

Воинъ, помнишь-ли, бывало,
Въ шумѣ игоръ и затѣй
Дѣва рѣзвая играла
Саблей дѣвственной твоей;
А теперь — у этой грани,
Гдѣ рука ея вилась,
Блещутъ крестъ и надпись брани, —
Сабля славы напилась!

О, какъ сладко къ ножкѣ милой
Положить знакомый мечь,
И штурмующею силой
Всѣ преграды пересѣчь!
Не отымутъ злые люди,
Что намъ свыше суждено!
Не напрасно въ наши груди
Неба падаетъ зерно!

Ужъ близка страна родная,
Сослуживецъ добрый мой;
Тамъ, гирляндами блистая,
Закипитъ твой пиръ златой,
Стукнутъ чаши, брызнетъ пѣна,
И потонетъ въ нѣгѣ грудь,
И на жаркій пухъ гимена
Воинъ ляжетъ отдохнуть!

В. Бенедиктовъ.

240.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракѣ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою —
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое —
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

Д. Давыдовъ.

241.

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Пусть французишки гнилые
Къ намъ пожалуютъ назадъ!
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами;
Днемъ — рубиться молодцами,
Вечеркомъ — горѣлку пить!
Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами.
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ, господиномъ,
Ждать конца подъ балдахиномъ
И всечасно умирать!
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ, господиномъ!

То-ли дѣло средь мечей —
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь
И не думая о ней!
То-ли дѣло средь мечей —
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь!
Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!

Д. Давыдовъ.

242.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды! помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ въ кругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
И диваномъ — кипа сѣна.

Трубки черныя — въ зубахъ!
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова... дымъ столбомъ...
Ни полслова... всѣ мертвецки
Пьютъ, и преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ;
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится;

А теперь, что вижу? — страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ,
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ умнѣй они...
Но что слышимъ отъ любова?
«Жомини, да жомини?»
А объ водкѣ ни полслова.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Д. Давыдовъ.

243.

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я, да купидонъ,
По бокалу осушали,
И просили мудрость вонъ.

«Дѣтушки! поберегитесь!»
Говорила мудрость намъ.
«Пить не должно — воздержитесь:
«Этотъ сокъ опасенъ вамъ.»

— «Бабушка!» сказалъ плутишко,
«Твой совѣтъ закономъ мнѣ.
«Я послушливый мальчишка,
«Но вотъ капелька тебѣ.

«Выпей!» — бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Какъ откажешь? богъ прекрасной
Такъ искусенъ говорить.

Выпила и намъ твердила
О воздержности въ винѣ;
Еще выпивъ, попросила,
Что осталося на днѣ.

И старушка зашаталась,
Не нашедши больше словъ;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на любовь.

Д. Давыдовъ.

244.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Сномъ покойнымъ спи младенецъ,
Чуждый горя и страстей,
Беззаботный поселенецъ
Въ мимолетной жизни сей.

Ангелъ Божій съ неба сходитъ
Тихо ложе стережетъ,
Сны веселые наводитъ
И малютку бережетъ.

Ангелъ Божій сходитъ тоже,
На закатѣ нашихъ дней,
Къ намъ на старческое ложе,
Въ часъ печали и скорбей.

Онъ въ то время не приноситъ
Ни забавъ, ни сладкихъ грезъ;
Но за то съ души уноситъ
Темной слѣдъ горячихъ слезъ.

Людямъ — Ангелы святые
Утѣшители въ слезахъ;
Дѣтямъ — спутники родные,
Братья въ дальнихъ небесахъ.

Спи-же тихо, годы прійдутъ,
Время горе приведетъ,
Слезы канутъ, нужды снидутъ, —
И страдалецъ не заснетъ.

Спи-же, спи, малютка милый;
Въ жизни негдѣ отдохнуть.
Съ колыбели до могилы —
Много горя, дологъ путь.

Э. Губеръ.

245.

НОВГОРОДЪ.

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.

Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ великой
Тихо опочилъ.

Слава отшумѣла,
Время протекло;
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣчи распустили,
Колоколъ снесли.

Порѣшили дѣло —
Все кругомъ молчитъ:
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.

Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ,
И поетъ съ любовью
О старинныхъ дняхъ.

Путникъ тихо внемлетъ
Пѣснѣ ярыхъ волнъ;
И опять задремлетъ,
Тайной думы полнъ.

Э. Губеръ.

246.

Что въ сыромъ бору отъ солнышка
Снѣгъ златой росой разсыпался,
Молодецкая кручинушка
Разлилась слезами свѣтлыми;
Въ зимній холодъ любо солнышко,
На чужихъ людяхъ родной напѣвъ,
По неволѣ сердце всплачется,
Какъ съ ретивымъ сиротинушкой,
Пѣсня русская, унылая,
Что родная мать перемолвится.
Задушевной не наслушаться!
Словно пташка, что въ раю поетъ,
Заунывно сладкимъ голосомъ,
Грусть — тоску она баюкаетъ;

Не видать сквозь слезъ чужой земли,
А что думушка-ль сердечная,
Понесется невидимкою,
За сине море въ святую Русь!...
По былому по старинному
Добрый молодецъ въ родной землѣ,
Въ ноги палъ отцу и матери,
Съ старымъ другомъ поздоровался,
А что дѣвица — красавица
Въ торопяхъ бѣжитъ изъ терема,
Зарумянившись какъ маковъ цвѣтъ,
Радость высказать и слова нѣтъ,
Только съ милымъ обнимается,
Да сквозь слезы улыбается.

А. Подолинскій.

247.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякій горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ. —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ сентябремъ:
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятный, сладкій часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ насъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осеребряемой луной!

Н. Карамзинъ.

248.

Пой во мракѣ тихой рощи,
Нѣжный, кроткій соловей!
Пой при свѣтѣ лунной нощи!
Гласъ твой милъ душѣ моей.

Но почто-жъ рѣкой катятся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноютъ и томятся
Отъ гармоніи твоей?

Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныя земли
Хищной смертью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли

Всѣ высокою травою
Я остался сиротою....
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лить!...

Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждаться
Нѣжной пѣснію твоей?
Съ кѣмъ природой утѣшаться?
Все печально безъ друзей!

Съ ними духъ нашъ умираетъ,
Радость жизни отлетаетъ;
Сердцу скучно одному —
Свѣтъ пустыня, мракъ ему.

Скоро-ль пѣснію своею,
О, любезный соловей!
Надъ могилою моею
Будешь ты плѣнять людей?

К. Карамзинъ.

249.

Мы желали — и свершилось!....
Лиза! небо любитъ насъ.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — блаженный часъ!

Быть счастливѣйшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любить,
Быть любовникомъ и другомъ....
Ахъ! я радъ на свѣтѣ жить!

Радъ терпѣть, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣжать;
Радъ и плакать, если должно
Смертнымъ слезы проливать.

Нѣжность горе услаждаетъ;
Дружба милою рукой
Слезъ потоки отираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.

Будь единственнымъ предметомъ
Страсти сердца моего!
Я на вѣкъ простился съ свѣтомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть прелесты тамъ сіяютъ
Блескомъ хитростей своихъ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ;
Пусть другіе любятъ ихъ!

Было время заблужденій;
Я какъ бабочка леталъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ!

Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хитрыхъ былъ;
Всѣхъ прелестъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна —
Все сбылось, чего желалъ!

Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

Н. Карамзинъ.

250.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ.
О, Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія летитъ.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ тобой забава;
Въ твоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь милой!
Проходитъ грусть моя, —
Свѣтлѣетъ взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ-бы и въ порфирѣ
Несчастливъ безъ тебя.

Но если рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ?
Что буду я несчастной?...
Сырой землей покрытъ!

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ!

Н. Карамзинъ.

251.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Любилъ я рѣзвую Плѣниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,

Моею с растью забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!
Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду, и прочее.

Мнѣ горы золота сулили;
Надѣйся! взоромъ говорили.
Пришло къ развязкѣ наконецъ.,..
И что-жъ? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другъ! сказали —
Онѣ смѣются!... я глупецъ!
Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду, и прочее.

Тотъ вѣкъ несчастливъ будетъ съ вами,
Кто любитъ прямо, не словами.
Вамъ мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить насъ рабствомъ и цѣпями,
И только для тщеславья жить.
Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду, и прочее.

Ахъ! лучше по лѣсамъ скитаться,
Съ Лапландцами въ снѣгу валяться
И плавать въ лодкѣ по морямъ,
Чѣмъ быть плаксивымъ селадономъ,
Твердить увы печальнымъ тономъ,
И ввѣкъ служить потѣхой вамъ!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,

И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ, что прибыли любить?

Н. Карамзинъ.

252.

РАИСА.

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкалъ на небѣ грозный лучь;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скиталась въ темнотѣ одна.

Нося отчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея стенаній заглушить.

Она блѣдна какъ листъ увядшій,
Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимой вѣтвями деревъ,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныя горы:
Между стремнинъ, по камнямъ острымъ
Раиса всходитъ на него.

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю потопить.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой стонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
«Увы! увы! погибла я!»

«Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

«Кронидъ! поди ко мнѣ! забуду,
Забуду все, прошу тебя! —
Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

«Отецъ и мать меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли.

«Когда-жъ явился ты какъ ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя Раиса!
Забыла я отца и мать.

«Въ восторгѣ, съ трепетомъ сердечнымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдала тебѣ.

«Душа моя въ твою вселилась,
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла,
Ты былъ мнѣ образъ божества.

«Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣла-бъ я твоей измѣны,
И счастливъ былъ-бы мой конецъ.

«Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ;
Чтобъ ты меня на вѣкъ оставилъ,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

«Когда мечтала о Кронидѣ,
И мнила обнимать его!
Увы! я воздухъ обнимала....
Уже далеко былъ Кронидъ!

«Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

«На холмъ высокій я спѣшила...
Несчастная!... Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой!
Безъ чувствъ тогда упала я.

«Съ сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида —
Но ты не хочешь мнѣ внимать.

«Теперь злосчастная Раиса
Звала тебя въ послѣдній часъ...
Душа моя покоя жаждетъ...
Прости!... будь счастливъ безъ меня!»

Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

Н. Карамзинъ.

253.

Пчелка златая!
Что ты жужжищь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты-ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы-ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ-ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

Г. Державинъ.

254.

ОХОТНИКЪ.

За охотой ты на званку
Птицъ поѣхалъ пострѣлять;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, сталъ вздыхать.

Что такое это значитъ,
Миленькой охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачетъ:
Птицы-ль не убилъ какой?

Дѣвъ-ли остренькіе глазки
Понадѣлали хлопотъ?
Съ ихъ ланитъ, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эротъ.

Какъ-же быть? и чѣмъ лечиться?
Птичекъ ты багрилъ въ крови:
И тебѣ пришло томиться
Отъ смертельныя любви.

Г. Державинъ.

335.

КРУЖКА.

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая серебряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить:
Ура! ура! ура!

Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора
Счастливымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало старики въ винѣ
Свое все потопляли горе;
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣно море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діэтъ не наблюдали;
Былъ здравъ и счастливъ человѣкъ,
Какъ только пили, да гуляли.
Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало — пляска, рѣзвость, смѣхъ,
Въ хмѣлю другъ друга обнимаютъ;
Теперь на мѣсто сихъ утѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.
Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликаютъ;

А нынѣ клубъ да маскарадъ
И женъ ужъ съ нами разлучаютъ.
Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего,
Теперь карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ, да банкъ, да макао,
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.
На карты намъ плевать пора,
А скромно жить
И пить:
Ура! ура! ура!

О сладкій дружества союзъ,
Съ грѣнками пивомъ пѣнна кружка!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила тамъ, весела пирушка.
Пребудь ты къ намъ всегда добра:
Мы станемъ жить
И пить:
Ура! ура! ура!

Г. Державинъ.

256.

ХОРЪ НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Среди грому, среди звону
Торжествуй, прехрабрый Россъ!
Ты еще теперь корону
Въ даръ Монархинѣ принесъ,
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Гдѣ народъ какой на свѣтѣ,
Кто видалъ и кто слыхалъ,
Что въ единомъ царство лѣтѣ
И съ царемъ завоевалъ?
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Чти вселенна, удивляйся
Нашихъ мужеству людей;
Злоба въ сердцѣ содрогайся,
Зря въ насъ твердый щитъ царей.
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Зависть, дерзость и коварство,
Преклонись, нашъ видя строй!
Безпримѣрно Русско царство,
И младенецъ въ немъ герой.
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена.

Царедворецъ, жившій нѣжно,
Просится на страшный бой;
Сноситъ трудъ и скорбь прилѣжно,
И на смерть идетъ стѣной.
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Пули, ядра, раны смертны,
За царя пріемлетъ въ даръ;
Награжденья намъ безсмертны
Слово царско, слава, лавръ.
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Я всему предпочитаю
За отечество лить кровь,
Я Плѣниру забываю.
И пою къ нему любовь.
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Утѣшайся восхищеньемъ
Чадъ, о матерь, таковымъ!

Ихъ нелестнымъ поклоненьемъ
Добродѣтелямъ твоимъ.
Славься симъ, Екатерина,
О, великая жена!

Г. Державинъ.

257.

ЗАВѢТНЫЯ СЛОВА.

Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
Въ басурманской сторонѣ,
Умирая послѣ бою,
Воинъ молвилъ слово мнѣ:

«Отнеси, братъ, въ край любимый,
Послѣ дружныхъ похоронъ
Челобитьеце — родимой
И родимому — поклонъ!...»

— А женѣ? — «своя ей воля
Стать въ другой рядъ подъ вѣнецъ:
Видно, братъ, моя недоля —
И женѣ не мужъ — мертвецъ!»

«Вѣсть снеси вдовѣ такую:
Что женатъ я на другой,
Что съ другою вѣкъ вѣчную
Я подъ крышей вѣковой:

«Что за нею на погостѣ,
Взялъ я каменный накатъ;
Пуля — сватала, а гости
Были пушки, да булатъ!»

Л. Якубовичъ.

258.

Плачетъ, плачетъ дѣва горъ:
Русскій! дай твой встрѣтить взоръ.
Тамъ, гдѣ давятъ виноградъ,
Первый встрѣтила я взглядъ;
Тамъ меня ты полюбилъ!
Много золота сулилъ.
Не хочу я денегъ, злата;
Я съ тобой всегда, богата,
А безъ милаго, одна,
Я и въ золотѣ бѣдна.
Ты сулилъ мнѣ дорогой,
Цѣлый перстень золотой:
Не дари меня ты имъ,
Цѣлымъ перстнемъ золотымъ;

Не дари меня нарядомъ,
Подари улыбкой, взглядомъ;
Поцѣлуемъ подари —
Знакомъ пламенной любви.

Л. Якубовичъ.

259.

КЪ СТАРОМУ ГУСАРУ.

Эй да, служба! эй да дядя!
Распотѣшилъ старина!
На тебя, гусаръ мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.

Молодыя ночи наши
Разгорѣлись въ яркихъ снахъ,
Будто пиршескія чаши —
Снова сохнутъ на губахъ.

Будто мы не устарѣли —
Вьется локонъ вновь въ кольцо;
Будто дружеской артели —
Всѣ ребята на лицо.

Про вино-ли, про свой усъ-ли,
Или прочіе грѣхи,
Рѣчь заводитъ: словно гусли,
Разыграются стихи.

Такъ и скачутъ, такъ и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипитъ, ушки смѣются,
И задергало плечо.

Подмываетъ, какъ волною,
Душу грѣшника, прости!
Подпоясавшись, съ тобою
Гаркнуть, топнуть и пройти:

Чортъ-ли въ *тайномъ идеалѣ*,
Въ *романтизмѣ*, и въ *лунѣ*, —
Какъ усастый запѣвало,
Запоешь по старинѣ.

Буйно рвется стихъ твой пылкій,
Словно, пробка въ потолокъ,
Иль *моэта* изъ бутылки
Брызжетъ хладный кипятокъ!

Съ одного хмѣльнаго духа
Закружится голова,
И мерещится старуха,
Наша сверстница Москва.

Не Москва, что нынѣ чинно
Въ шапкѣ, въ теплыхъ сапогахъ,
И проводитъ дни *невинно*
На водѣ и на водахъ, —

Но двѣнадцатаго года
Веселая голова,
Какъ сбиралась непогода,
А ей было трынъ-трава!

Но пянадцатаго года,
Въ шумныхъ кликахъ торжества,
Свой пожаръ и блескъ похода
Запивавшая Москва!

Весь тотъ міръ, вся эта шайка
Беззаботныхъ молодцовъ
Ожили, мой ворожайка!
Отъ твоихъ волшебныхъ словъ.

Силой чаръ и зелій тайныхъ,
Ты изъ стараго кремня
Высѣкъ нѣсколько случайныхъ
Искръ остывшаго огня.

Бью челомъ, спасибо дядя!
Спой еще когда нибудь,
Чтобы мнѣ, тебѣ подладя,
Стариной опять тряхнуть.

Князь П. Вяземскій.

260.

СОВѢТЪ.

Хочешь жизнью быть доволенъ,
Слыть счастливцемъ межъ людей:
Будь рѣшителенъ, спокоенъ;
Будь царемъ своихъ страстей!

Не торгуйся съ наслажденьемъ,
Никому не куй сѣтей;
На судьбу смотри съ презрѣньемъ,
На людей, — какъ на дѣтей!

Вѣрь уму, но не ввѣряйся;
Умныхъ много и въ аду;
Умнымъ — слава... не прельщайся!
Умъ со счастьемъ не въ ладу.

Уповай на Провидѣнье;
Не надѣйся на другихъ;
Будь великъ въ уничиженьи:
Наше счастье въ насъ самихъ.

Жизнь есть сонъ, — не просыпайся!
Сонъ — святыня, грезы — рай.
Громъ ударитъ, — не пугайся;
Спи, блаженствуй и мечтай!

Дорожи часомъ, мгновеньемъ,
Ни минуты не губи.
Черный день встрѣчай съ терпѣньемъ,
Вѣрь, надѣйся и люби!

Гдѣ вѣсы, расчеты, мѣра,
Тамъ заботы, суэта!
Прочь заботы!... счастье — вѣра,
Другъ спокойствія — мечта!

Тимофеевъ.

261.

ХАНДРА.

Искуси меня, мой демонъ!
Соблазни-ко какъ нибудь.
Я родился *человѣкомъ:*
Страхъ охотникъ до грѣховъ!

Вотъ вино! — вина не надо!
Карты, деньги! — не хочу!
Вотъ красавица — дѣвица
Съ гордымъ, царственнымъ челомъ,
Съ взглядомъ огненнымъ вакханки,

Съ жгучимъ пламенемъ въ крови!
Грудь волнуется желаньемъ;
Поцѣлуй кипитъ въ устахъ:
Перси — чудо, пухъ лебяжій!
Ножки.... хочешь? — не хочу!

Искуси меня, мой демонъ!
Соблазни-ко какъ нибудь!
Разбуди во мнѣ желанья,
Разгуляй мою хандру!

Вы всѣ любите чужое;
Зависть — ваше божество!
Вотъ смерть недруга!... не надо!
Вотъ сосѣда твоего
Неприступная супруга, —
Холодна, какъ зимній день!...
Вотъ ихъ гордая служанка;
Вотъ надменный ихъ оселъ!
Выбирай себѣ! — не надо!
Пожелай хоть! — не хочу!

Искуси меня, мой демонъ!
Соблазни-ко какъ нибудь!
Все такъ скучно! отъ бездѣлья
Въ черный омутъ бы готовъ!

Вотъ кинжалъ, отрава, петля....
Выбирай любое! — нѣтъ!

Размозжи безумный черепъ,
Кинься въ воду! — не хочу!
Будь служителемъ усерднымъ
Добродѣтели святой!
Скуй желаніе — обѣтомъ,
Страсть — молитвой и постомъ,
Гордый умъ — смиренному дрьемъ!
Вотъ и все тутъ!.. хочешъ? — нѣтъ!

Безъ грѣховъ на свѣтѣ скучно.
Что за счастье быть...
Искуси меня, мой демонъ!
Соблазни хоть какъ нибудь!

Тимофеевъ.

262.

СОНЮШКѢ.

Когда Сонюшка со мною
И когда она поетъ,
Надъ моей тогда душою
Полну власть она беретъ.
Съ нею время провождая,
Не ищу я никого;
Ея голосу внимая,
Не желаю ничего.

Здѣсь пѣвицъ у насъ не мало,
Поютъ пѣсни хороши;
Но природы не бывало:
Все метода безъ души.
Что захочетъ, то внушаетъ
Голосъ Сонюшкинъ одинъ;
Онъ и разумъ обольщаетъ,
Онъ надъ сердцемъ властелинъ.

Лишь она его настроитъ
И захочетъ прослезить,
Въ мигъ сердечушко заноетъ,
Слезы градомъ станешь лить;
Въ ту же самую минуту,
Коль веселой тонъ возметъ,
Позабудешь горесть люту
И тотчасъ печаль пройдетъ.

Пой всегда однимъ манеромъ,
Сердце нѣжно восхищай,
Всѣмъ служи своимъ примѣромъ,
А сама — не подражай!
Пусть другая еще взводитъ
Громкой голосъ до небесъ;
А твой съ неба къ намъ нисходитъ
И влечетъ токъ сладкихъ слезъ.

Онъ во всѣхъ его измѣнахъ
Строенъ, нѣженъ, тихъ и милъ;
Во всѣхъ тона перемѣнахъ

Не теряетъ своихъ силъ.
Словомъ, онъ таковъ конечно
Для моихъ, для всѣхъ ушей,
Что другая мой хоть вѣчно,
Не споетъ тебя милѣй.

Князь И. Долгорукій.

263.

Ахъ! напрасно мнѣ пеняешь
Ты въ невѣрности, мой свѣтъ!
Иль еще ты мало знаешь,
Что милѣй тебя мнѣ нѣтъ;
Что въ тебѣ единой вижу
Всей природы красоты,
И мѣста тѣ ненавижу,
Гдѣ со мною розно ты?

Тщетно духъ твой возмущаетъ
Ревность, нѣжныхъ чувствъ злодѣй,
И меня винить дерзаетъ
Предъ владычицей моей;
Нѣтъ, повѣрь, что не умѣю
Не любя люблю сказать,
Льстить искусства не имѣю;
Чту за грѣхъ тебѣ солгать.

Ты весь полъ свой превосходишь,
Ты милѣй всѣхъ создана,
Путь во всѣ сердца находишь
И съ богами ты равна.
Кинь сіе сомнѣнье ложно,
Что тебѣ я измѣнялъ;
Измѣнить тому не можно,
Кто тобою страстенъ сталъ.

Князь И. Долгорукій.

264.

По тебѣ я воздыхаю,
Для тебя хочу лишь жить:
Ничего такъ не желаю,
Какъ тобой любиму быть!

Пусть мечта, пусть слава тлѣнна
Покоряетъ міръ себѣ;
Ты одна мнѣ драгоцѣнна,
Я подвластенъ лишь тебѣ.

Нѣтъ моей подобной долѣ,
Коль тебѣ я вправду милъ;
Я и Бога чту тѣмъ болѣ,
Что тебя онъ сотворилъ.

Ты природу украшаешь,
Ты вселенной блескъ даешь,
Ты жестокость укрощаешь,
И сердца холодны жжешь.

Князь И. Долгорукій.

265.

Я посѣю молоденька,
Цвѣтиковъ маленько;
Стану съ зоренькой вставати,
Цвѣты поливати,
Буду съ свѣтомъ пробуждаться,
Садомъ любоваться!
Для кого-жъ я садъ садила
Берегла... ходила!
Ахъ! не для кого инаго,
Для дружка милаго!
Для чего въ моемъ садочкѣ
Пташки распѣваютъ?
Все объ немъ-же, объ дружечкѣ,
Мнѣ воспоминаютъ!
Залетѣлъ мой соколъ ясный,
Молодецъ прекрасный!
Запропалъ, въ тоскѣ кручинѣ,
Безъ вѣсти въ чужбинѣ!

И посла я посылала,
Милъ не принимаетъ...
И слезами я писала
Другъ не отвѣчаетъ!
Пропадать-же, знать, садочку
Безъ мила дружечка...
Не цвѣсти въ саду цвѣточку,
Порву для вѣночка.
Не плясать младой въ вѣночкѣ,
Гадать по дружечкѣ...
Не боли-жъ мое сердечко,
Выйду я на рѣчку,
И на самую средину
Вѣнокъ мой закину,
Слезно, слезно зарыдаю,
Сама загадаю:
Коль надежа меня помнитъ,
Мой вѣнокъ потонетъ!
Коль надежа покидаетъ,
Пущай уплываетъ...

Н. Цыгановъ.

266.

При долинушкѣ береза
Бѣлая стояла —
При березаньки дѣвица
Плакала, рыдала...

Ахъ! съ вершинушки березу
Вѣтромъ колыхаетъ;
Съ корешка, мою кудряву,
Водой подмываетъ!
Скоро бѣлая береза
Съ корешка свалишься —
Перестанутъ къ вѣткамъ пташ
Распѣвая виться!
И проложится дорожка
Мимо той березы,
И проѣдутъ по дорожкѣ
Да пройдутъ обозы...
Станутъ станомъ у березы
Коней попоити;
Обсушиться, обогрѣться,
Каши поварити;
И сожгутъ, спалятъ березу
Даже да сучечка —
И не молвятъ про березу
Ниже ни словечка!..
Такъ-то мнѣ, младой младеньѣ,
На чужой чужбинкѣ
Спать въ сырой землѣ — зарытой —
Словно сиротинкѣ! —
Что безъ родной — безъ родимой,
Безъ отца роднаго!
Что безъ дольной, безъ прилуки,
Безъ дружка милаго,

Н. Цыгановъ.

267.

Слушай радость одно слово,
Гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь,
Тамъ-ли, гдѣ свѣтелка нова,
Скажи, какъ, мой свѣтъ! слывешь,
Какъ и батюшку зовутъ,
Разскажи все не забудь,
Что спѣшишь теперь домой,
Ахъ! послушай, ахъ постой,
Постой!

Полно, полно балагуръ,
Мнѣ пора идти домой,
Мнѣ загнать гусей и куръ,
Чтобъ не быть битой самой,
Тебѣ смѣхи вѣдь одни,
Не подставишь вѣдь спины,
Поди, поди не шути,
Добра ночь тебѣ, прости,
Прости!

Ты не думай, дорогая,
Чтобы я тобой шутилъ;
Для тебя, моя милая,
Весь я духъ мой возмутилъ.

Какъ узрѣлъ красу твою,
Позабылъ я честь свою.
Что спѣшишь теперь домой,
Ахъ! послушай, ахъ постой!
Постой!

Господинъ ты мой изрядный,
Какъ ты можешь говорить,
Со мной дѣвкой не ученой:
Я не знаю въ свѣтѣ жить;
А совѣтую тебѣ
Любить равную себѣ.
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости,
Прости!

Ахъ! свирѣпа умилися,
Не предай меня въ тоску,
Я тобою заразился,
Не хочу слышать про ту,
Не притворну красоту,
Люблю милу простоту.
Что спѣшишь теперь домой,
Ахъ! послушай, ахъ постой,
Постой!

Отпусти меня пожалуй,
Мнѣ съ тобой не сговорить;
Мнѣ досугъ еще немалой,

Мнѣ коровъ пора доить,
Масло пахтать, хлѣбы печь,
Щи варить, капусту сѣчь,
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости,
Прости!

Поди, поди дорогая;
Нѣтъ постой, хоть поцѣлуй;
Будетъ радость ахъ какая!
Если тѣмъ мя наградишь.
Ну теперь я одолженъ,
Что такъ щедро награжденъ;
Поди, радость, здраво спи,
Добра ночь тебѣ, прости,
Прости!

Ахъ! какъ Ванька-бы нашъ видѣлъ,
Что теперь ты учинилъ;
Онъ-бы такъ-то тебя выбилъ,
Что ты впредь-бы позабылъ
Нашихъ дѣвокъ цѣловать,
И домой ихъ не пускать.
Убирайся, не шути,
Поди, бѣшеной, прости,
Прости!

Ванька Каинъ.

268.

ФРАКЪ.

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткой,
Мой старый фракъ — другаго не сошью...
Ужъ десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щеткой,
Я каждый день счищаю пыль твою;
Пускай судьба смѣется надъ тобою,
Твое сукно съѣдая день отъ дня...
Будь твердъ, какъ я, не падай предъ судьбою...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Я помню день утѣхъ и восхищенья,
Какъ въ первый разъ тебя я обновилъ:
День этотъ былъ — день моего рожденья,
И хоръ друзей здоровье наше пилъ;
Ты весь истертъ, но, не смотря на это,
Друзья у насъ все прежнія друзья...
Ихъ не стыдитъ истертый фракъ поэта...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Твои края изодрались немного:
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеркомъ однажды, у порога,
Она меня хотѣла удержать;

Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой усмирила,
И я гостилъ у ней еще два дня...
Она тебя заштопала, зашила...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
Въ тебѣ глупца и плута не казалъ,
По лѣстницамъ сіятельныхъ не рыскалъ,
Передъ звѣздой спины не изгибалъ...
Пускай иной хлопочетъ для отличья
Взять орденокъ — за нимъ не лѣзу яно:
Два — три цвѣтка блестятъ въ твоей петличкѣ...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Хоть мы съ тобой и много пострадали,
Но кто-жъ не зналъ судьбы переворотъ?
У всѣхъ свои есть радости, печали,
То вдругъ гроза, то солнышко взойдетъ,
Но, можетъ быть, что скоро въ ящикъ гроба,
Съ моей души одежду сброшу я...
Такъ подожди, мы въ землю ляжемъ оба...
Мой старый другъ! не покидай меня!

Д. Ленскій.

269.

Поля, лѣса густые,
Спокойствія предѣлъ!
Гдѣ дни мои златые,
Гдѣ я Лизету пѣлъ?

Судьбы моей премѣну
Теперь я вамъ пою;
Лизетину измѣну,
И вѣрность къ ней мою.

Въ глазахъ ея всечасно,
Любви огонь блисталъ;
Казалось, такъ-же страстно
И духъ ея пылалъ.

Но взоръ младой Лизеты
Стремился лишь плѣнять....
Ахъ! какъ въ такія лѣты
Умѣть ужъ измѣнять!...

Пріятны разговоры,
Улыбка, страстный видъ
И сами нѣжны взоры —
Все въ ней притворно льститъ.

Но все въ ней—прелесть нова....
Ахъ! пусть она-бъ была,
Или не такъ сурова,
Или не такъ мила!

Лѣсокъ! гдѣ я тоскую,
Гдѣ счастье пѣлъ мое,
Напомни мнѣ драгую —
Я все люблю ее.

Ея невѣрность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пѣняю —
А все ее люблю!...

П. Капнистъ.

270.

Выйду-ль въ темный я лѣсочекъ
Скрыть кручинушку мою;
Пусть не видитъ милъ дружочекъ
Въ грусти милую свою.

Ноетъ сердце, занываетъ —
А любезный другъ не знаетъ,
Что въ душѣ моей живетъ —
Онъ жестокою зоветъ.

Горесть, слезы, стонъ вы скройте
Птички, воды, вѣтерокъ!
Дайте слово, успокойте, ...
Чтобъ не вѣдалъ милъ дружокъ.

Скройте муки, видъ унылой,
Вотъ идетъ, я вижу, милой!
Ну какъ спроситъ васъ дружокъ,
Птички, воды, вѣтерокъ:

«Не видали-ль вы Анюты!
Такъ начнетъ вамъ милъ дружокъ,
Дѣлить съ вами скуки люты
Каждый можетъ вечерокъ!

«Любитъ милая, безспорно —
«Въ свѣтѣ все любви покорно;
«Но не вѣдаю того,
«Любитъ милая кого!...

Вѣтерокъ! прерви молчанье,
Тихо другу прозвучи,
Что ты вѣдалъ грусть, вздыханье,
Но объ комъ и чьи, молчи!

Ручеекъ, цвѣтутъ гдѣ розы,
Ты въ отвѣтъ ему журчи;
Молви другу, что зрѣлъ слезы;
Но объ комъ и чьи, молчи!

Тихо, жалко нѣжны тоны
Соловей ему свищи;
Ты скажи, что вторишь стоны;
Но объ комъ и чьи, молчи!

«Коль послушны милой волѣ,
«Не спрошу ужъ васъ я болѣ,
Птички, воды, вѣтерокъ!...
Такъ вамъ скажетъ милъ дружокъ.

271.

Саша, ангелъ, какъ не стыдно
Вещь къ себѣ чужую брать?
Это слишкомъ ужъ обидно:
Сердце взять и — не отдать.

Развѣ дѣлать этакъ можно?
Какъ-же мнѣ безъ сердца жить?
Что держалъ неосторожно,
Такъ и надо ухватить.

Если-бы то нужно было,
Я не смѣлъ-бы и пѣнять;
Но ты такъ вѣдь ухватила,
Чтобы только поиграть.

Право, я не понимаю,
Что за мысль тебѣ пришла?
Ты играешь — я страдаю,
Вотъ игрушку въ чемъ нашла!

Есть игрушекъ въ свѣтѣ много,
Кромѣ сердца моего.
Отдай, Саша, ради Бога!
Я умру вѣдь безъ него.

Все богатство, все блаженство
Я имѣлъ лишь въ немъ одномъ;
Правды, свѣта совершенство
Имъ постигнулъ, не умомъ.

Такъ зачѣмъ въ одномъ предметѣ
Ты лишаешь вдругъ всего? —
Развѣ можно жить на свѣтѣ,
Не имѣвши ничего?

Ты-жъ съ собой его не носишь,
Что-же будетъ въ томъ пути?
Поиграешь — послѣ бросишь:
Гдѣ-же мнѣ его найти?

272.

Видѣлъ славный я дворецъ
Нашей матушки — царицы;
Видѣлъ я ее вѣнецъ
И златыя колесницы;

Все прекрасно! — я сказалъ,
И въ шалашъ мой путь направилъ:
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, не велики;
Но въ объятіяхъ твоихъ
Меньше-ль счастливъ я владыки?

Царь одинъ веселій часъ
Милліономъ покупаетъ;
А природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

Пусть пѣвцы не будутъ плесть
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ;
Ахъ! сравню-ли я ихъ лесть
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмитажъ мой — огородъ,
Скипетръ — посохъ; а Лизета —
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта.

И. Дмитріевъ.

273.

Тише, громкой соловей!
Слышишь!... въ хижинѣ моей
Раздается
И несется
Зефиромъ сквозь сей лѣсокъ
Моей Кати голосокъ!
Какъ малиновка весной,
Передъ утренней зарей,
Распѣваетъ
И плѣняетъ
Всѣхъ мелодіей своей,
Такъ онъ милъ душѣ моей.
Дай подкрадуся къ окну
И на милую взгляну!
Какъ день майскій,
Тихій райскій,
Катинька моя мила,
Такъ тиха, такъ весела!

А когда сгрустнется ей,
И она въ тоскѣ своей
Потихоньку,
Полегоньку
Нѣжну пѣсенку поетъ, —
Сколько новыхъ въ ней красотъ!
Иногда, за клависинъ,
Сѣвши, томной андантинъ
Заиграетъ,
И плѣняетъ
Всѣхъ, кому душа дана —
Съ кѣмъ сравняется она?
Съ кѣмъ? — нѣтъ въ свѣтѣ Катей двухъ!
Катинька, мой милой другъ!
Владѣй мною,
Я тобою,
Всѣхъ счастливѣе царей, —
Ты душа души моей!
Тише!.. встала, и вздохнула,
На окно ко мнѣ взглянула
Покраснѣла,
Поблѣднѣла; —
Я лечу въ объятья къ ней...
Громче, тихой соловей!

Магницкій.

274.

Вѣтеръ бурный
Воетъ въ полѣ,
Вѣетъ хладъ осенній;
Надъ кустами,
Надъ рѣкою
Вьется рой пернатыхъ.
Скоро къ югу
Понесутся
Дружною станицей, —
Отъ ненастья
Зимней стужи
Перелетны птицы,
Вѣтеръ бурный
Воетъ въ полѣ,
Вѣетъ хладъ осенній;
Грусть злодѣйка
Ретивое
Поминутно гложетъ!
Гдѣ отъ горя
Скрою сердце,
Гдѣ сыщу отраду?
Иль родился
Я на жертву
Вѣчному несчастью?....

Духъ холодный
Знать не можетъ,
Сколько я страдаю,
Свѣтъ коварный
Лишь смѣется
Надъ моей тоскою!..
Скоро птички
Унесутся
Отъ зимы суровой;
Скоро приметъ
Рой пернатыхъ
Край обетованный.
Но отъ горя,
Бѣдъ жестокихъ
Въ мірѣ нѣтъ пріюту.
Сердце ноетъ,
Изныватъ
Жертвой грусти вѣчной.

275.

Ахъ, ты поле мое,
Поле чистое!
Что въ тебѣ не цвѣтетъ
Все по-прежнему?
Гдѣ цвѣточки мои
Васильковые?

Пожелтѣла трава,
Ты шелковая!
Не видать мнѣ тебя,
Поле чистое!
Какъ ты будешь весной
Изукрашено!
Ужъ не рвать мнѣ цвѣтовъ
Колокольчиковъ,
И шелковой травы
Не топтать въ тебѣ!
Да къ чему-бы и жить
Мнѣ безъ милаго?
Не придетъ-ли мой другъ
Хоть на гробъ ко мнѣ
Не вздохнетъ-ли хоть разъ
На могилѣ онъ?
Ахъ, цвѣточки мои,
Незабудочки!
Разцвѣтите весной
На гробу моемъ!
Вы скажите ему,
Другу милому:
Не забыть мнѣ его
И въ сырой землѣ.

276.

Поверхъ дубчика
Два голубчика
Цѣловалися,
Миловалися,
Сизыми крыльями
Обнималися.
Вдругъ напалъ на нихъ
Младъ ясенъ соколъ:
Онъ какъ разъ убилъ
Сива голубя,
Мохноногова,
Пролилъ кровь его
По сыру дубу,
Разметалъ перья
По чисту полю,
И развѣялъ пухъ
По поднебесью.
Ахъ, расплакалась,
Разрыдалася
Тутъ голубушка
По голубчикѣ.
«Ты не плачь, не плачь,
Нѣжна пташечка!»
Младъ ясенъ соколъ

Ей возговорилъ:
«Я изъ-за моря
Изъ-за синяго,
Пригоню къ тебѣ
Стадо голубей:
Выбирай себѣ
Лучша голубя,
Чисто-сизаго,
Мохноногова.»
— Не лети, злодѣй,
За сине море! —
Говоритъ ему
Нѣжна пташечка:
— Не гони ко мнѣ
Голубей стада;
Ахъ! утѣшитъ-ли
Меня голубь твой!
Милымъ дѣтушкамъ
Не родной отецъ! —

277.

Лучина, лучинушка, березовая!
Ахъ! что-же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка, въ печи не была?
Или ты, лучинушка, не высушена?

Я была въ печи вчерешней ночи;
Лютая свекровушка водой полила.
Подружки — голубушки ложитеся спать,
Ложитеся спать, вамъ нѣкого ждать;
А мнѣ молодешенькѣ всю ночку не спать,
Всю ночку не спать, постелюшку стлать,
Постелюшку стлать, мила дружка ждать.
Первый сонъ заснула, мила друга нѣтъ;
Другой сонъ заснула, сердечнаго нѣтъ;
Третій сонъ заснула, заря бѣлый день.
На утренней зорюшкѣ мой милый идетъ.
Сапожки на ножкахъ поскрипываютъ,
Натуральной тросточкой постукиваетъ.

278.

Я бѣдная пастушка:
Мой міръ — лишь этотъ лугъ;
Собачка мнѣ — подружка,
Барашекъ — милый другъ!

Уборъ — простой цвѣточекъ,
А зеркало — ручей;
Убѣжищемъ — лѣсочекъ
Отъ солнечныхъ лучей.

Хвалиться я не смѣю
Наукой никакой;
Лишь пѣсни пѣть умѣю
И свой беречь покой.

Не буду вѣкъ влюбляться,
Не буду и плѣнять,
Чтобъ послѣ не крушиться
И сердцу не пѣнять.

279.

Ахъ, вы сѣни мои, сѣни,
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя,
Рѣшетчатыя!
Ужъ какъ, знать-то, мнѣ по сѣнямъ
Тѣмъ не хаживати,
Мнѣ мила дружка за рученьку
Не важивати!
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя, дубовыя,
За рѣшетчатыя.
Выпускала сокола
Изъ праваго рукава:

Ты лети, лети соколъ
Высоко и далеко,
И высоко и далеко,
На родиму сторону.
На родимой сторонѣ
Грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ,
Онъ немилостивъ ко мнѣ:
Не велитъ поздно ходить,
Съ молодцами говорить.
Я не слушаю отца,
Распотѣшу молодца!
Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца,
Онъ одинъ сынъ у отца,
Уродился въ молодца;
Зовутъ Ванюшкою,
Пивоварушкою!
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
Вы пожалуйте, дѣвицы,
На поварню на мою,
На поварню на мою,
Угощу васъ, напою!
На поварнѣ у меня
Пиво сладко на ходу,
Пиво сладко на ходу,
На халодненькомъ на льду.

280.

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ:
Сколько горестей смертельныхъ
Мнѣ въ разлукѣ должно снесть! 2.

Оставляю градъ любезный,
Оставляю и того,
Кто на свѣтѣ мнѣ милѣе
И дороже мнѣ всего. 2.

Премѣнить нельзя предѣла,
Нельзя страсти истребить:
Знать судьба мнѣ такъ велѣла,
Чтобъ одной въ пустынѣ жить. 2.

Въ тѣхъ мѣстахъ уединенныхъ,
Вображать буду тебя.
О надежда мыслей плѣнныхъ,
Ты тревожишь здѣсь меня! 2.

Повсечасно буду плакать
И тебя воспоминать:
Ты старайся, мой любезный,
Взоръ несчастной забывать. 2.

Ужъ вздыханьемъ и тоскою
Пособить не можно намъ,
Коль несчастны мы судьбою
И противны небесамъ. 2.

Здѣсь собранье, здѣсь веселье,
Здѣсь всѣ радости живутъ;
А меня на зло, мученье,
Въ мѣста страшныя влекутъ. 2.

Уменьши мое мученье
И въ разлукѣ тѣмъ увѣрь;
Не забудь меня несчастну,
Тѣмъ тоску мою умѣрь. 2.

Знаю, что и ты страдаешь
И вздыхаешь обо мнѣ;
Но и ты знай, мой любезный,
Что я мучусь по тебѣ. 2.

Ахъ, прости, прости любезный!
Разлучили насъ съ тобой;
Незабудь меня несчастну,
И не будь плѣненъ иной. 2.

281.

У вдовушки дочь красавица ростетъ,
Про нее слава хорошая идетъ:
Ея личико, какъ бѣленькой снѣжокъ,
Какъ за рѣчинькой слободушка стоитъ,
Во слободушкѣ молода вдова живетъ;
Щеки алы, словно розовый цвѣтокъ,
Брови черны, развеселые глаза,
Рѣчь умильна, политичныя слова.
Гдѣ родилася такая красота?
Красоты ее не можно описать,
И подобія нигдѣ не отыскать.
У воротъ дѣвка стояла съ молодцомъ,
Красавица говорила молодцу:
Полно, миленькой, въ компанію ходить,
Перестань, другъ, пусты рѣчи говорить,
Перестань ты меня, дѣвушку, сушить!,
Я со той тоски замужъ млада нейду;
Хоть пойду замужъ, за стара старика —
Старый мужъ не пуститъ никуда,
А хоть пуститъ, самъ за мною въ слѣдъ идетъ,
Меня молоду кручинушка беретъ.
Злые люди, вы уймитесь говорить,
Перестаньте меня, молоду, бранить!
А кто съ молоду не знаетъ той любви,
Какова любовь на свѣтѣ тяжела?
Остаюся я за старымъ молода.
Вѣтры дуютъ, лѣса клонятъ на меня,

Слышетъ сердце небылыя словеса:
Какъ мой миленькой, молоденькой хорошъ,
Хотѣлъ милый меня, дѣвку, снарядить.
Бѣлый цвѣтъ — не кажется младой;
Розовъ цвѣтъ — отъ солнышка бѣжитъ.
Лучше, лучше черно платьице возьму:
Въ черномъ платьѣ я въ компаньи покажусь;
Во всей славѣ въ монастырь-то я явлюсь,
И тогда млада, заочно я совсѣми распрощусь.

282.

Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверхъ, горя,
И освѣтило земный кругъ,
Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ,
Къ потоку чистыхъ водъ. 2.

Въ немъ видѣнъ былъ на днѣ песокъ;
Понравился ей струй тѣхъ токъ;
Раздѣвшись, стала мыться въ немъ,
Невидима нага, ни кѣмъ,
Плескалася водой. 2.

Вдругъ въ сторону простерла взоръ —
Идетъ пастухъ съ высокихъ горъ,
Который ею былъ плѣненъ,
И часто духомъ возмущенъ. —
Изъ струй спѣшила вонъ. 2.

Уже пастухъ къ струямъ прибѣгъ,
А ей еще далекъ былъ брегъ;
Она не знала, что начать,
Казаться, или утопать,
Смутившись въ мысляхъ вся. 2.

Нашла стыдъ скрыть единой путь,
Чтобъ бросясь въ глубину, тонуть.
Пастухъ, лишенный зрѣть красы,
И видя чуть одни власы,
Кидается съ бреговъ. 2.

Гдѣ дѣлось платье, гдѣ свирѣль?
Нагой нагу влечетъ на мель.
Страхъ гонитъ стыдъ, стыдъ гонитъ страхъ,
Пастушка вопіетъ въ слезахъ:
Забудь, что видѣлъ ты. 2.

Какую плату дашь мнѣ ты,
Что спасъ твои я красоты? —
Я не могу свирѣпой быть,
Но не хочу и такъ любить,
Какъ хочется тебѣ. 2.

Недолго продолжалась рѣчь,
Какъ начала любовь ихъ жечь,
Не молвитъ ужъ ни да, ни нѣтъ!
Потомъ вскричала: ахъ, мой свѣтъ!
Теперь я вся твоя!... 2.

283.

Скучно, матушка, весною жить одной,
А скучнѣй того, нейдетъ ко мнѣ милой,
И я съ горя, со кручины, молода,
Выйду, выйду, на крылечкѣ постою,
На всѣ стороны четыре посмотрю;
Что летитъ-ли, не летитъ-ли младъ соколъ,
Онъ не машетъ-ли, не машетъ-ли крыломъ.
И я выйду за новыя ворота,
Погляжу я вдоль по улицѣ въ конецъ,
Какъ нейдетъ-ли ко мнѣ миленькой дружокъ,
Вдоль по улицѣ мятелица мятетъ,
За мятелицей и милый мой идетъ;
И онъ машетъ своимъ шелковымъ платкомъ;
Ты постой, постой, красавица моя!
Позволь радость насмотрѣться на тебя,
На твою, радость, прекрасну красоту:
Красота твоя свела меня съ ума,
Сокрушила добра молодца меня.
Ты вездѣ, радость, красавицей слыла,
А какъ? нынче ты худа стала, блѣдна!

284.

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчи воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи!

Ахъ прошли, прошли
Наши красны дни,
Наши радости
Буйный вѣтръ унесъ!
Мнѣ отецъ родной
И родная мать
Подъ вѣнецъ идти
Не съ тобой велятъ!...
Не горятъ въ небесахъ
По два солнышка,
Не любить двухъ разовъ
Добру молодцу!...
Я послушаюсь отца, — матери
Подъ вѣнецъ пойду
Не съ тобой, душа!...
Обвѣнчаюся
Я съ иной женой;
Я съ иной женой,
Съ смертью раннею!...

285.

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала,
Полошла лишь къ ручеечку
Близъ зеленаго лужка.

Вижу баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди,
Лишь со мной онъ поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня.

«Здравствуй, милая красотка!
Чьей деревни и села?»
Вашей милости крестьянка, —
Отвѣчала ему я.

«Ты скажи, моя милая,
Изъ которой ты семьи?
— Коль изволишь знать Петрушу,
Я его, сударь, семьи.

«Не тебя-ли, моя радость,
Егоръ за сына просилъ?
Его сынъ тебя не стоитъ:
Не къ тому ты рождена.

«Завтра, завтра ты узнаешь,
Для кого ты суждена,
Гдѣ судьба твоя скрывалась,
Для кого ты рождена....»

Собирайтеся подружки,
На подворье на мое!
Собирайтесь поскорѣе!
Посовѣтуйте со мной!

Хотя льститъ быть госпожею —
Да Ванюшу очень жаль. —
— Всѣ подружки улыбнулись;
На отвѣтъ сказали ей:

«Что-же съ бариномъ намъ дѣлать?
Его воля, его власть!
По утру завтра узнаемъ,
Гдѣ судьба крылась твоя!...»

286.

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ;
        Сѣмка дѣвки на лужокъ,
        Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
Гдѣ мы вечерокъ рѣзвились,
Въ хороводѣ веселились;

Нутка приметесь опять
Тужъ игорку продолжать
Собирались, разыгрались
На лужку всѣ расплясались
Во пріятной тишинѣ,
Подъ березкою однѣ.
Вдругъ сталъ слышанъ голосокъ,
Раздалось эхо въ лѣсокъ:
Ахъ, красавица милая,
Свѣтикъ радость дорогая!
Гдѣ ты, гдѣ ты, ай, ау?
Безъ тебя я здѣсь умру!
Твой глазокъ меня не видитъ,
Знать, меня онъ ненавидитъ.
Вдругъ всѣ дѣвки спохватились,
И домой всѣ торопились;
Свѣтикъ Аннушка дружокъ
Одна села на лужокъ,
Изъ цвѣтовъ вѣнокъ вила,
Къ себѣ милаго ждала.
Не успѣла скласть въ пучечки,
Какъ выходитъ изъ-за рѣчки
Парень милой, красочокъ,
Свѣтикъ Аннушкинъ дружокъ.
Подошедъ къ ручкѣ прилегъ.
У Анюты сердце ёкъ;
Щечки розаномъ покрылись,
Сердце сердцу покорилось.
Ахъ, любовь, — счастье одно,
Отъ природы намъ дано.

287.

Не будите молоду
Ранымъ рано поутру;
Вы тогда меня будите,
Когда солнышко взойдетъ,
Роса на землю падетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужокъ,
Заиграетъ, во рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ:
Выгоняйте вы скотину
На широкую долину!
На зелену луго́вину.
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы,
Гонятъ малые ребята.
Ахъ, дѣвушки впереди,
Молодушки всереди,
А ребята позади.
Выгоняли на лужокъ,
Становились во кружокъ.
Одна дѣвка весела,
Въ хороводъ плясать пошла.
Она пляшетъ, рукой машетъ,
Пастуха къ себѣ манитъ:

«Поди ко мнѣ, пастушокъ,
Поди, миленькой дружокъ!»
Бросилъ стадо пастушокъ,
Пошелъ къ дѣвушкѣ въ кружокъ,
Ты скотинушку паси,
Ночевать ко мнѣ ходи,
Пастухъ ночьку ночевалъ —
Онъ овечку потерялъ.
А другую ночевалъ —
Онъ полстада растерялъ.
А какъ третью ночевалъ —
И все стадо потерялъ....
Ка-бы знала молода,
Не любила пастуха.

288.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ
Снѣги забѣлѣлись, забѣлѣлись,
Забѣлѣлися, моего дружка
Каменны палаты, то палаты,
У палатушекъ стоятъ два шатерка,
Шатры шелковые, шелковые,
Что во тѣхъ шатрахъ стоятъ вить два столика,
Столы дубовые, дубовые;
У столовъ стоятъ тамъ два стулика,
Стулья кленовые, кленовые.

Что сидятъ на нихъ два молодчика,
Парни молодые, молодые.
На столахъ стоятъ двѣ чернилицы,
Края золотые, золотые.
У молодчиковъ по перу въ рукахъ,
Перья лебедины, лебедины.
Добры молодцы пишутъ грамотки,
По бѣлой бумагѣ, по бумагѣ.
Противъ нихъ стоитъ красна дѣвица,
Сама горько плачетъ, горько плачетъ.
Добры молодцы красну дѣвицу,
Сидятъ унимаютъ, унимаютъ.
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не плачь, не печалься, не печалься!
Что не быть, не быть твоему дружку,
Не быть во солдатахъ, во солдатахъ.
А что быть-то быть твоему дружку,
Во Донскихъ казакахъ, во казакахъ.»

289.

Я вечоръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.

Долго, долго я ходила,
Погасалъ ужъ солнца свѣтъ;
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ!

Нѣтъ! цвѣточка дорогова
Я въ долинахъ не нашла,
Безъ цвѣточка голубова
Я домой — было пошла.

Шла домой съ душой унылой —
Недалеко отъ ручья
Вижу вдругъ цвѣточикъ милый,
Въ мигъ его сорвала я.

Незабудочку сорвала,
Слезы покатились вдругъ! —
Я вздохнула и сказала:
Незабудь меня, мой другъ!

Не дари меня ты златомъ;
Подари лишь мнѣ себя:
Что въ подаркѣ мнѣ богатомъ?
Ты скажи: люблю тебя!

К. Г. Хованскій.

290.

Лиза въ пяльцахъ что-то шила,
Я-же думалъ: какъ мила!
Вдругъ иголку уронила,
И, искавши, не нашла.

«Знать иголочка пропала»
Я вздохнувши ей сказалъ, —
«Вотъ она куда упала, —
И на сердце показалъ.

Лиза съ смѣхомъ мнѣ сказала:
«Негодится иглы красть.
Вѣдь она къ ногамъ упала,
Какъ-же въ сердце ей попасть?»

Что на свѣтѣ не бывало,
Безъ бѣды-ли жить кто могъ,
Сердце вѣдь мое лежало
У твоихъ, Лизета, ногъ.

291.

По всей деревни Катенька
Красоточкой слыла:
И въ самомъ дѣлѣ, Катенька
Премилая была.

Прекрасны русы локоны
По плечикамъ вились,
А глазки, только взглянь на нихъ —
Съ сердечкомъ распростись.

И всѣ удалы молодцы
За Катенькой гнались;
А жены съ мужьями
За Катеньку дрались.

Пятнадцать лѣтъ ужъ Катенька
На свѣтѣ прожила,
А все съ родимой матушкой
И ѣла, и пила.

Пойдутъ-ли красны дѣвушки
Въ воскресный день гулять,
Катюшѣ отъ Сысоевны
Нельзя никакъ отстать.

Какъ горькой хрѣнъ Сысоевна —
Была всѣмъ молодцамъ:
Частехонько за Катеньку
Хлестала по ушамъ.

Всѣхъ чаще отъ Сысоевны
Терёшка битъ бывалъ,
Всѣхъ чаще онъ на праздникѣ
Къ Катюшѣ подбѣгалъ.

Терёшка хватъ былъ молодецъ
И парень хоть куда;
Любилъ Катюшу страстно онъ —
И вотъ его бѣда!

Однажды, когда Катенька
Шла къ рѣчькѣ за водой,
Терёшка изъ-за кустика
Кричитъ: «Катя, постой!»

Катюша испугалася,
Взглянула на кустокъ,
И томное сердечушко
Забилось: токъ! токъ! токъ!

292.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ;
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ.
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ:
А цыгане — молодцы
Ни о чемъ не тужатъ,
Гей! цыгане, гей! цыганки,
Живо, веселѣе! 2.

Мы на горе не глядимъ,
Все съ весельемъ сносимъ;
Хоть по суткамъ не ѣдимъ,
Но не жнемъ, не косимъ;
Вмѣстѣ съ солнцемъ не встаемъ
Для дневной работы,
Лишь проснемся — и поемъ;
Нѣтъ у насъ заботы.
Гей! цыгане, гей! цыганки,
Живо, веселѣе! 2.

У цыгановъ круглый годъ
Праздникъ — новоселье
Имъ покровъ небесный сводъ,
А земля постеля.
Зимній холодъ не бѣда,
Вкругъ огня запѣли,
И не страшны намъ тогда
Вьюги и мятели.
Гей! цыгане, гей! цыганки
Живо, веселѣе! 2.

293.

Старый мужъ, грозный мужъ!
Рѣжь меня, жги меня; —
Я тверда, не боюсь
Ни меча, ни огня!

Ненавижу тебя,
Презираю тебя —
Я другаго люблю,
Умираю любя.

Рѣжь меня, жги меня —
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ!
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и свѣжъ, —
Какъ онъ любитъ меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ, —
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

А. Пушкинъ.

294.

Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Какъ на пристани корабельныя,
Молодой матросъ корабли снастилъ
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.
Что изъ высока нова терема,
Изъ косящетаго изъ окошечка,
Изъ хрустальныя изъ оконечки
Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая,
Усмотрѣвши, вышла на берегъ,
На Неву рѣку воду черпати,
Почерпнувъ, ведра поставила,
Что поставивши, слово молвила:

«Ахъ ты душечка молодой матросъ!
Ты зачѣмъ рано корабли снастишь
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ?»
Какъ отвѣтъ держитъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ, молодой матросъ.
— Ахъ ты гой еси красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу;
По указу я Государеву,
По приказу адмиральскому. —
Подняла ведры красна дѣвица;
Поднявши сама, ко двору пошла.
Изъ-подъ камня, изъ-подъ бѣлова,
Изъ-подъ кустика, изъ-подъ ракитова
Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
Что кипитъ сердце молодецкое
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
Не по братцѣ, и не по родной сестрѣ,
Но по душечкѣ красной дѣвушкѣ.
Перепала-ли ему вѣсточка:
Красна дѣвица немощна лежитъ;
Послѣ вѣсточки скоро грамотка:
Красна дѣвица переставилася!
Я пойду теперь на конюшій дворъ,
Я возьму коня, что ни лучшаго,
Что ни лучшаго, само-добраго,
Я поѣду-ли ко Божьей церкви,
Привяжу коня къ колоколенкѣ,

Самъ ударюсь объ сыру землю:
«Разступись ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернись ты, золота парча,
Пробудися ты, красна дѣвица,
Ты простись со мной, съ добрымъ молодцомъ,
Съ добрымъ молодцомъ, со дружкомъ своимъ;
Съ твоимъ вѣрнымъ полюбовникомъ!»

295.

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа,
Бѣлолица, круглолица
Авдотьюшка хороша.
Разыгравшись говорила:
«Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь,
Я со радости, со веселья,
Поиграть съ вами хочу.
Пріѣжалъ ко мнѣ дѣтина
Изъ Санктпитера сюда;
Серебромъ меня дарилъ,
Много золота сулилъ,

И меня красну дѣвицу,
Подговаривалъ съ собой,
«Поѣзжай со мной, Дуняша,
Поѣзжай» онъ говорилъ,
«Подарю тебя парчею,
И на шею жемчугомъ.
Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
А тамъ будешь госпожа,
И во всемъ этомъ уборѣ
Будешь вдвое хороша.»
Я сказала, что поѣду,
Да опомнилась опять.
— Нѣтъ, сударикъ, не поѣду,
Говорила я ему;
— Я крестьянкою родилась,
Мнѣ нельзя быть госпожей;
Я въ деревнѣ жить привыкла,
А тамъ надо привыкать;
Я совѣтую тебѣ
Искать равную себѣ.
Въ вашемъ городѣ обычай,
Я слыхала ото всѣхъ,
Вы всѣхъ любите словами,
А на сердце никого;
А у насъ-то лишь въ деревнѣ,
Здѣсь прямая простота;
Словомъ, мы кого полюбимъ,
Тотъ и въ сердцѣ вѣкъ у насъ.
Вотъ чему я веселюся,

Чему радуюсь теперь,
Что осталась жить въ деревнѣ,
И въ обманъ не отдалась.

296.

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что-же ты, ивушка, не зелена стоишь?
Или тебя, ивушку, солнышкомъ печетъ;
Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ?
Иль подъ корешокъ ключева вода течетъ?
Ѣхали бояре, изъ Нова-города,
Срубили ивушку подъ самой корешокъ,
Подъ самой корешокъ, ключева вода течетъ;
Стали они ивушку потесовати,
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку!
Сѣли они въ лодочку, поѣхали домой,
Взяли, подхватили красну дѣвицу съ собой;
Стали они дѣвушку выспрашивати,
«Дѣвица, дѣвица, красавица моя!
Что-же ты дѣвица, не весело сидишь,
Или ты, красная, думаешь о чемъ?»
Какъ-же мнѣ дѣвицѣ веселою-то быть,
Какъ-же мнѣ красной не задумываться!
Что это у батюшки выдумано,
У родимой матушки выгадано!

Меньшую сестру прежде замужъ выдаютъ,
Меньшая сестра, чѣмъ-же лучше меня,
Лучше меня или вѣжливѣе!
Меньшая сестра вѣдь ни ткать, ни прясть,
Ни ткать, ни прясть, только по воду ходить,
По воду ходить, со горы ведры катить,
И качу я, покачу со горы ведерки,
Станьте вы, ведерочки, полнымъ полны,
Полнымъ полны, со краями ровны!

297.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ —
Веселый сонъ;
И одинокой
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ...
Кругомъ постели
Нѣмая ночь;
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья;
Еще полна
Душа желанья,

И ловитъ сна
Воспоминанья.
Любовь! любовь!
Внемли моленье:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья;
И по утру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный....

298.

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ;
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ!
Славься симъ Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Воды быстраго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ предъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ злодѣи могли зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенныя простерть!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри, премудрая Царица,
Зри великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница —
Намъ законъ — душа одна.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Звукъ Измайла раздается
Здѣсь въ подсолнечной странѣ!
Зависть и вражда мятется,
И терзаются въ себѣ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри на блещущи соборы!
Зри на красный этотъ строй!

Всѣ сердца тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри, Царица! утѣшайся
На побѣдъ твоихъ вѣнецъ;
Зри, о мати! восхищайся
На любовь къ тебѣ сердецъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

299.

Ахъ! ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому!
Не по старому, не по прежнему?
Все ты прячешься за облака,
Закрываешься тучей темною.
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго крылоса,
У гробницы Государевой
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ;
Стоючи, онъ призадумался,
Призадумавшись, онъ плакать сталъ,

И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ручьи текутъ,
Возрыдаючи, онъ вымолвилъ:
Ахъ! ты матушка, сыра земля!
Разступись ты на всѣ стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча;
И ты встань, проснись Православный Царь,
Посмотри, Государь, на свою гвардію,
Посмотри на всю армію:
Уже всѣ полки во строю стоятъ,
Всѣ полковники при своихъ полкахъ,
Подполковники на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами
Офицеры передъ взводами,
А прапорщики подъ знаменами.
Дожидаются они полковника,
Что полковника Преображенскаго,
Капитана Бомбандирскаго!

300.

Чѣмъ тебя огорчила?
Ты скажи любезный мой!
Или тѣмъ, что полюбила;
Потеряла свой покой?

Ни покоя, ни здоровья
Не жалѣла для тебя;
Слышу, вижу, ты вздыхаешь —
Есть иная у тебя!
То разлучница моя,
Полюбовница твоя;
Вспоминаетъ мое сердце
По тебѣ, любезный мой.
Гори, сердце ретивое;
Разгорайся въ лицѣ кровь;
Гасни, гасни огонь страстный,
Исцѣляйся нѣжна грудь,
Смѣйся, варваръ, надо мною,
Какъ я буду слезы лить!
Я обмана твоего не знала,
Начала вѣрно любить,
Влюблена въ дружка смертельно
По несчастью своему.
Сколько милъ ты мнѣ, любезенъ,
Столько горестей терплю.
Столько горестей терплю,
Тебя миленькой люблю.
Ай вы кудри, мои кудри,
Кудри русые мои!
Не по прежнему кудеречки
По плечекамъ лежатъ,
Пе по плечикамъ лежатъ,
А развитися хотятъ;
Развивайся ты кудрявая,

Густая сторона,
Что густая сторона,
Красна дѣвица душа.

301.

Вспомнимъ, братцы, Россовъ славу,
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою державу:
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить!
Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ.
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ, или умремъ!
Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь Россіи у дверей,
Будемъ биться со врагами,
Не пропустимъ злыхъ звѣрей.
Вотъ рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечь и пламень къ намъ несутъ.
Врагъ строптивый мещетъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ;
Топчетъ нивы, палитъ домы,
Змѣемъ лютымъ въ Русь летитъ,
Русь святую раззоряетъ.
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:

Бранный жаръ въ крови пылаетъ,
Сердце просится на бой!
Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ.
Вѣра намъ и вѣрность свята:
Побѣдимъ, или умремъ.

302.

Звукъ унылый фортепьяна
Выражай тоску мою;
Я люблю хотя Тирана —
Облегчи печаль мою!

Удали ты на минуту
Грусть душевну отъ меня;
Я пью чашу скорби люту,
Пожалѣй хоть ты меня!

Ото всѣхъ я сокрываю
Злой судьбы моей предѣлъ;
И съ тобой лишь проливаю
Рѣки слезъ — вотъ мой удѣлъ!

Иногда со тяжкимъ стономъ
Я припомню клятву словъ,
Словъ священныхъ предъ простоломъ,
Гдѣ свидѣтель Богъ боговъ;

Судья правый, Богъ Хранитель!
Внемли сердца томный гласъ;
Водъ и суши Сотворитель!
Взгляни съ трона ты въ сей часъ!

Я колѣна преклоняю,
Новой жизни жду съ небесъ;
Къ небу руки простираю,
Бывъ покрыта токомъ слезъ.

Въ жертву сердце непорочно
Тебѣ, Боже! приношу
И во всемъ тебя не ложно,
Духомъ вѣры, я прошу!

Посели въ немъ чувства новы,
Разогрѣй остывшу кровь,
Надень сброшенны оковы
Всплamени опять любовь!...

303.

Взвѣйся, ласточка, вскружися,
Полети скорѣй, скорѣй!
Зачиликай, завертися
Надъ любезною моей!

Ниже, ниже къ ней спустися,
Все пониже, не робѣй;
Сядь на грудь къ ней, встрепенися,
И опять слети скорѣй.

Потихоньку чуть порхая,
Далѣ, далѣ отлетай,
И коль можешь, воздыхая,
Горьки слезы проливай.

Не забудь плачевнымъ тономъ
Тронуть нѣжный слухъ ее;
Не забудь плачевнымъ взоромъ
Озираться на нее.

Какъ увидишь, оглянувшись,
Что не видно ужъ драгой
Закружись, и обернувшись,
Полети назадъ стрѣлой.

Вѣйся, птичка, извивайся,
Громче, птичка, громче пой;
Если можешь, улыбайся,
Приближаяся къ драгой.

Прилети къ ней, подымися
Выше, выше, къ облакамъ,
И оттуда опустися,
Упади къ ея ногамъ.

Томный взоръ лишь обратится
На тебя драгой мой,
Сердце грустью въ ней пронзится,
Канетъ слезка изъ очей.

Бѣлой ручкой приласкаетъ
Мила Аннушка тебя,
И вздохнувъ — вздохнувъ узнаетъ,
Что летишь ты отъ меня.

Дай ей знать, съ какимъ мученьемъ
Разставался съ нею я,
И коль съ сладкимъ восхищеньемъ
Возвращусь къ ногамь ея.

304.

Если-бъ завтра да ненастье,
То-бы рада я была;
Если-бъ дождикъ, мое счастье —
За малинкой въ лѣсъ пошла.

Я-бы милому сказала,
Чтобы онъ за мною шелъ:
Вотъ что Аша разсуждала,
Съ поля идучи домой.

Завтра съ свѣтомъ я проснуся
И въ окошко погляжу,
Если дождикъ — отпрошуся,
Вотъ какъ маменькѣ скажу:

Отпусти меня родная,
Я малинки наберу,
Здѣсь дороженька большая,
Я продамъ все къ вечеру.

Теперь дождикъ, мокро въ полѣ,
Намъ не можно работать;
Ну чего-же мѣшкать долѣ?
Я пойду малинку брать.

Лишь отпустишь, я сберуся,
И умыться побѣгу;
Я на часъ остановлюся
Подлѣ рѣчки на лугу,

Я нарву цвѣточковъ съ поля,
За собой стану бросать
Чтобы мой милый Николя,
По слѣдамъ-бы могъ сыскать.

А не то аукну въ горѣ,
Ты ау, ау, мой свѣтъ!
Долети мой голосъ вскорѣ,
Гдѣ мой миленькой живетъ.

Какъ недавно, мой любезный,
Разсердился на меня;
Но увидя взоръ мой слезный,
Поцѣлуй, сказалъ, меня!

Я упрямиться не буду,
Не надѣлаю проказъ:
Если миленькій захочетъ,
Поцѣлую — хоть сто разъ.

Такъ мечтавши, пріуснула,
Встану рано на зарѣ;
Но проснувшися смутилась,
Ясно, ясно на дворѣ.

Изголовьице смочила
Горькими слезами я,
Не увижусь, говорила,
Ахъ!... сегодня съ милымъ я!

305.

На то-ль, чтобы печали
Въ любви намъ находить,
Намъ боги сердце дали
Способное любить?

Одно лишь чувство, страсти
Безъ бѣдъ, безъ злой напасти
На свѣтѣ есть-ли гдѣ?
Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ!
Съ нимъ горести жестоки —
Вездѣ, вездѣ, вездѣ!
Любилъ-ли кто въ вселенной
И мукъ не испыталъ?
Какой, какой влюбленный
Не плакалъ, не вздыхалъ?
Минута утѣшенья —
Годъ лютаго мученья;
А часто и на вѣкъ —
Бѣда, бѣда, бѣда!
О жалкое творенье
Влюбленный человѣкъ!
Все сердцу грусть, мученье,
Отрады ни на часъ;
Невольникъ въ заключеньи
Спокойнѣе сто разъ.
Коль страстно сердце въ горѣ —
Какъ лодка гибнетъ въ морѣ,
На что-жъ оно дано?
На зло, на зло, на зло!
Возмите-жъ боги сердце —
Назадъ, назадъ, назадъ!

306.

Ахъ! когда-бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды,
Веселясь-бы не встрѣчала
Полуночныя звѣзды;
Не лила-бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотаго я кольца;
Не была-бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца.

Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слила-бъ изъ воску яра
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего,
Нѣжно, нѣжно-бы взглянула,
Хоть однажды на него.

А потомъ-бы улетѣла
Со слезами и тоской,
Подгорюнившись-бы сѣла
На дорогѣ я большой.
Возрыдала-бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила....
Научите не любить.

И. Дмитріевъ.

307.

Позволь себѣ открыться
Объ участи моей;
Я долженъ покориться
Владычицѣ своей.

Всечасно восхищаюсь,
Дражайшая! тобой,
Тобой одной плѣняюсь,
Быть вѣчно хочу твой!

Почто мнѣ зла судьбина
Всѣхъ счастій не дала? —
Лишь ты-бы въ нихъ едина
Участницей была.

Тебя я обожаю,
Владычица сердецъ,
Въ тебѣ одной считаю
Порфиру и вѣнецъ.

Когда-бы я родился
Народомъ управлять,
Я-бъ трономъ не гордился,
Тебя сталъ обожать.

Красавицы всѣ въ свѣтѣ
Не милы для меня,
Въ одномъ твоемъ отвѣтѣ
И жизнь, и смерть моя.

Ты счастье составляешь
И ты его лишишь,
Ты жизнь мою скончаешь,
И ты мнѣ возвратишь.

Все въ свѣтѣ презираю,
Тебя одну любя,
Тебя я обожаю —
Вотъ счастье для меня!

Карай ты за признанье,
Содѣтельница бѣдъ,
Стерплю я наказанье —
Милѣй тебя мнѣ нѣтъ!

Владычица драгая!
Почувствуй жаръ любви,
Невольникомъ владая,
Оковы разорви.

Ты зло мое мученье
Окончи поскорѣй,
Подай мнѣ утѣшенье
Въ жестокой страсти сей.

Коль жаръ мой наградится
Хоть вздохомъ отъ тебя,
Несчастье истребится,
Умру тебя любя.

308.

Пожалуйте, сударыня, сядьте со мной рядомъ,
Пожалуйте, сударыня, наградите взглядомъ.
Прочь, прочь, отвяжись, какой безпокойный,
Прочь, прочь, отвяжись, того недостойный.
Пожалуйте, сударыня, прошу не сердиться,
Позвольте мнѣ, сударыня, въ любви изъясниться.
Прочь, прочь, отвяжись, какой безпокойный,
Прочь, прочь, отвяжись, того недостойный.
Пожалуйте, сударыня, избавьте отъ муки
Пожалуйте разцѣловать ваши бѣлы руки.
Прочь, прочь, отвяжись, какой безпокойный,
Прочь, прочь, отвяжись, того недостойный.
Пожалуйте, сударыня, за мои къ вамъ ласки
Удостойте разцѣловать щечки, губки, глазки.
Прочь, прочь, отвяжись, какой безпокойный,
Прочь, прочь, отвяжись, того недостойный.
Пожалуйте, сударыня, будьте повольнѣе;
Вы прекрасны, вы любезны, вы мнѣ всѣхъ милѣе,
Прочь, прочь, отвяжись, какой безпокойный,
Прочь, прочь, вамъ скажу, вы очень мнѣ льстите,

Пожалуйте, исцѣлите мое сердце страстно,
Оно будетъ, сударыня, на вѣкъ вамъ подвластно.
Прочь, прочь...... иль постой...
Не могу въ томъ спорить:
Когда буду я твоей, все могу позволить!

309.

Ты поди, моя коровушка, домой,
Пропади, моя головушка долой!
Ай! люли, люли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!
Ужъ какъ всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ черные бобры.
Ай! люли, и прочее.
Ужъ какъ мой-то мужиченка,
И онъ весь-то съ кулаченка.
Ай! люли, и прочее,
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Погубилъ мою головушку.
Ай! люли, и прочее.
Снарядилъ онъ мнѣ работушку,
Некошную вить заботушку:
Ай! люли, и прочее.
Отворяй-ко жена широкія ворота,
Принимай-ко жена ты корову за рога.
Ай! люли, и прочее.

Ужъ я встану-ли ранешенько;
Я умоюся бѣлешенько.
Ай! люли, и прочее.
Погоню-ли я корову на росу,
А на встрѣчу мнѣ медвѣдь изъ лѣсу.
Ай! люли, и прочее.
Я медвѣдя испугалася,
И за кустики бросалася.
Ай! люли, и прочее.
Во лугахъ-ли, во зеленыхъ лугахъ,
Принимала я корову за рога:
Ай! люли, и прочее.
Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоеная!
Ай! люли, и прочее.
У насъ горенка не топленая,
А ребятушки не кормленыя,
Ай! люли, и прочее.
А телятушки не поеные.
Какъ ворчитъ мужъ супостатъ.
Ай! люли, и прочее.
Онъ велитъ мнѣ дѣтей кормить,
Приказалъ онъ мнѣ коровушку доить:
Ай! люли, и прочее.
Ты коровушку подой, да подой,
А подойничекъ помой, да помой,
А телятушекъ напой, да напой.
Ай! люли, люли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя.

310.

При долинушкѣ стояла, калину ломала,
Я калинушку ломала, въ пучечки вязала,
Я въ пучеченки вязала, въ дорожку бросала,
Я въ дороженьку бросала, друга возвращала:
Воротись, моя надёжа, воротися сердце,
Не воротишься, надёжа, хотя оглянися,
Не оглянешься, надёжа, махни черной шляпой.
Черной шляпой пуховою, правою рукою.
Загадаю я загадку, изволь разгадати:
«Отчего-то кудри вьются, отчего сѣкутся?»
Со радости кудри вьются, съ печали сѣкутся.
Изъ далече изъ Украйны, ѣдетъ младой школьникъ.
Онъ на ворономъ на конѣ, въ нѣмецкомъ уборѣ,
На школьничкѣ рубашечка тонка полотняна;
Не матушка ему шила, не сестра дарила,
Ему сшила, подарила купеческа дочка.
Его матушка журила, не худу учила:
Ахъ! ты, сынъ-ли, мой сыночикъ, ясный соколочикъ,
Тебѣ полно, сынъ, ходити къ купеческой дочкѣ,
Тебѣ полно, сынъ, любити купеческу дочку!
Изведетъ тебя сыночка купеческа дочка.
Я велю тебя поймати, велю приковати,
Велю, велю приковати къ каменной палатѣ.
Не куй, не куй меня, мати, къ каменной палатѣ,

Прикуй, прикуй меня, мати, къ дѣвичьей кровати,
Я у дѣвичьей кровати радъ годъ годовати,
Радъ хоть годъ я годовати, и вѣкъ вѣковати;
У дѣвушекъ вечеринки всегда веселеньки,
Дѣвки скачутъ, красны пляшутъ, всегда веселятся,
А я съ горя, со кручины на кроватку лягу,
Со великія печали дѣвку поцѣлую,
А къ отрадѣ моей грусти прижму ко сердечку.

311.

Полно, полно, зябликъ милый,
О невѣрной тосковать!
Пролетѣлъ твой вѣкъ счастливый,
Ты престань о ней вздыхать!

Не тужи о той всечасно,
Коль могла невѣрной быть;
Хоть измѣну снесть ужасно —
Но старайся позабыть.

Оставляй скорѣй лѣсочикъ,
Гдѣ она гнѣздо свила;
Не грусти о ней, дружочикъ!
Не убавишь грустью зла.

Вѣрь, сама невѣрна вскорѣ
Будетъ чувствовать тоску;
Полетитъ въ слезахъ и горѣ
Въ томъ искать тебя лѣску.

На березкѣ гдѣ вѣтвистой
Ты невѣрную узналъ;
Гдѣ твой голосъ нѣжный, чистый,
Ново чувство ей внушалъ.

Но пускай летитъ напрасно,
Вспомня поздно ужъ тебя;
Съ нею быть тебѣ опасно:
Береги, мой другъ, себя!

Улетай — и въ огородѣ
Сядь на липочку мою;
Тамъ со мною на свободѣ
Позабудешь грусть свою.

Я измѣну, другъ любезный,
Самъ несносну испыталъ!
И въ страданьи лилъ токъ слезный —
Умереть сто разъ желалъ.

Но въ объятіяхъ природы
Истребилъ ту нѣжну страсть!
Провожу въ весельи годы,
И незнаю, что напасть.

312.

Цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли,
Любилъ, любилъ милый другъ, да покинулъ;
Покинулъ душа моя не надолго,
На малое времечко, на часочикъ;
Часочикъ-то кажется за недѣльку,
Недѣлька-то кажется са за голочикъ —
Денечекъ-то кажется за годочикъ. —
Поѣхалъ мой миленькой въ городочикъ;
А я за милымъ дружкомъ не гонюся —
Гонися, душа моя, онъ за мною,
За моей за дѣвичьей красотою;
Напишу я грамотку веселую,
Пошлю къ другу служеньку молодую; —
Сама-бъ я млада пошла, да боюся.
Пойду, пойду къ батюшкѣ да спрошуся;
Сударынѣ матушкѣ доложуся:
Пусти, меня матушка, погуляти!
Гуляй, гуляй, дитятко, да недолго;
Недолгое времячко, лишь часочикъ.
Вечоръ у насъ, дитятко, сваты были,
Хотятъ твою косыньку расплетати,
Буйную головушку расчесати.
Въ сыромъ бору сосенка зелененька,
А я у васъ, матушка, молоденька,
Руса моя косынька коротенька;
Я умомъ своимъ и разумомъ глупенька.

313.

Нѣтъ Машиньки милѣе,
Прекраснѣе, умнѣе,
Какъ цвѣтикъ хороша,
Она мнѣ жизнь, душа.

Я Машу обожаю,
Ей сердце посвящаю,
И душу ей дарю:
Въ ней счастіе все зрю.

Лилеи пожелтѣютъ,
И розы поблѣднѣютъ
При миленькихъ рукахъ,
При Машиныхъ щекахъ

Нельзя, чтобъ встрѣтясь съ нею,
Не быть плѣненнымъ ею,
Ей сердце не отдать,
И вѣкъ не обожать!

Невинность съ красотою
Увидишь предъ собою,
Гдѣ Машинька сидитъ,
Играетъ, говоритъ.

Мила, умна, безцѣнна!
Съ чѣмъ можетъ быть сравненна?
Признаться долженъ свѣтъ,
Что ей подобной нѣтъ!

314.

Ахъ, ты, день-ли мой, денечикъ,
День прекрасный, дорогой!
Ахъ, денечикъ мой прекрасный,
Мнѣ тебя ужъ не видать.
Ахъ! ты миленькій дружочикъ,
Мнѣ съ тобою не живать.
Забывай меня, любезный,
Ты на вѣки забывай,
И къ несносному мученью
Обо мнѣ не вспоминай;
А я съ горя, со кручины
Во темны лѣса пойду,
Закричу-ль, закричу-ль я
Громкимъ голосомъ своимъ:
Вы долины и дубровы!
Пожалѣйте обо мнѣ:
Ахъ, вы звѣри, звѣри люты,
Собѣгайтеся сюда:
Вы возмите, растерзайте
Мое тѣло по частямъ.

Вы оставьте, сберегите
Ретиво сердце мое,
Ахъ, вы птицы, вы пернаты,
Вы слетайтеся сюда,
Вы возмите, поднимите
Ретиво сердце мое.
Поднимите, отнесите
Ко дружечку моему;
Пусть увидитъ, пусть узнаетъ,
Какъ любила вѣрно я;
Пусть, узнавши, пожалѣетъ,
Пусть поплачетъ обо мнѣ! —

315.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту трава росла,
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая;
И я въ три росы косила, ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Слышитъ, чуетъ мое сердце,
Слышитъ, чуетъ мое сердце ретивое:
Что задумалъ, моя радость,
Что задумалъ, моя радость, другъ жениться.
Онъ не хочетъ со мной бѣдной,
Онъ не хочетъ со мной бѣдною проститься.

Какъ поѣдешь, моя радость,
Какъ поѣдешь, моя радость, другъ жениться:
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ,
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ, другъ, проститься;
Неравно, моя надежа,
Неравно, моя надежа, что случится:
Черезъ рѣченьку поѣдешь, другъ, утонешь,
Черезъ быстру понесешься,
Черезъ быстру понесешься — захлебнешься,
Про меня красну дѣвицу,
Про меня красну дѣвицу воспомянешь,
Какова-то я младенька,
Какова-то я младешенька бывала,
По утру ранымъ-раненько,
По утру ранымъ-ранешенько вставала,
На босу ножку башмачки,
На босу ножку башмачки надѣвала,
А на плечи солопчикъ накидала,
На головушку платочикъ повязала,
Встрѣтить гостя дорогова поспѣшала,
Я мила дружка за ручки принимала.

316.

Я вечеръ млада во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ,
Не у батюшки, не у матушки,
Я была млада у мила дружка,

У мила дружка, у сердечнаго,
Я не медъ пила, и не полпивцо,
Я пила млада сладку водочку,
Сладку водочку, все вишневочку.
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила млада изъ полуведра,
Изъ полуведра, черезъ край пила.
И я лѣсомъ шла, не бояласяя,
И я полемъ шла, не шаталася;
Ко двору пришла, пошатнулася,
За верёюшку ухватилася.
Верея-ль моя, ты верёюшка,
Поддержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную и похмѣльную;
Не увидѣлъ-бы свекоръ батюшка,
Не сказалъ-бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.
Ужъ какъ мой-то мужъ горькой пьяница:
Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ,
Съ воды пьянъ живетъ, съ квасу бѣсится.
Надо мной младой онъ ломается.
У меня младой въ домѣ убрано:
Ложки вымыла, во щи вылила,
Порогъ вымыла, въ горохъ вылила,
Чашу вымыла, въ кашу вылила,
Косяки скребла, пироги пекла.

317.

Ты воспой, воспой младъ жавороночикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ!
Добрый молодецъ, сидя въ темницѣ,
Пишетъ грамотку къ отцу, къ матери.
Ни перомъ пишетъ, ни чернилами,
Пишетъ грамотку горючьми слезьми.
Во письмѣ пишетъ добрый молодецъ:
Государь ты мой, родной батюшка,
Государыня родна матушка,
Выкупайте вы добра молодца,
Своего сына вы родимаго!
Отецъ съ матерью отказалися
И весь родъ, племя отрекалися:
Въ родѣ нашемъ-де воровъ не было,
Воровъ не было, ни разбойниковъ.

Ты воспой, воспой младъ жавороночикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ!
Добрый молодецъ пишетъ въ темницѣ
Ко душѣ своей красной дѣвицѣ:
Ты душа моя красна дѣвица,
Моя вѣрная полюбовница!
Выручай меня добра молодца.
Вдругъ возговоритъ красна дѣвица:

Ахъ! вы нянюшки, мои мамушки!
Мои сѣнныя вѣрны дѣвушки!
Принесите вы золоты ключи,
Отпирайте вы ларцы кованы,
Доставайте вы золоту казну,
Выкупайте вы добра молодца,
Друга милаго и сердечнаго!

318.

Сизъ голубчикъ — душа мой,
Жаль разстаться мнѣ съ тобой,
Распроститься, дорогой,
Милъ на вѣки отъ тебя
Побѣгу въ темны лѣса,
Гдѣ ракитовы куста,
Гдѣ вся травка зелена,
Гдѣ милъ ласковъ до меня,
Гдѣ пріятно цѣловалъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Онъ разлапушкою звалъ:
«Ты разлапушка — душа!
«Лебедь бѣлая моя!» —
Я гуляла во саду,
Со травы цвѣты рвала,
Вѣнокъ милому плела.
Я надѣла тотъ вѣнокъ,
Въ путь дороженьку пошла.

На дорожку выхожу,
    На широкой становлюсь;
Я сама себѣ дивлюсь. —
    Никого я не боюсь:
Ни курьера, ямщика,
    Ни Донскаго казака,
Ни простаго мужика.
    Одного только боюсь,
Своего мила дружка,
    Вани ясна сокола.

319.

Ахъ, дѣвица, красавица!
    Любилъ тебя, я счастливъ былъ,
Любить не сталъ, несчастливъ сталъ;
    Ахти, горе великое!
Тоска — печаль несносная!
    Куда бѣжать тоску дѣвать?
Пойду съ горя въ чисто поле:
    Въ чистомъ полѣ трава ростетъ;
Трава ростетъ шелковая,
    Цвѣты цвѣтутъ лазоревы. —
Ахти, горе великое!
    Тоска — печаль несносная!

Куда бѣжать, тоску дѣвать?
Въ лѣса бѣжать — лѣса темны;
Въ кусты бѣжать — кусты часты;
Кусты часты, ракитовы.

320.

Долина, долинушка,
Раздолье широкое!
На тебѣ, долинушкѣ,
Ничего неродилось:
Ни грибка, ни ягодки,
Ни черной смородинки,
Не горькой калинушки,
Ни сладкой малинушки.
Только на долинушкѣ
Повыросла рощица;
Рощица березова,
Листьице широкое,
Изъ-за той-ли рощицы
Туманъ разстилается,
Заря занимается,
Солнце выкатается.
Грѣетъ, грѣетъ солнышко
Зимой не по-лѣтнему;
Любитъ парень дѣвушку
Любитъ не по-прежнему.

Любилъ, все обманывалъ;
Замужъ подговаривалъ:
«Пойди за мужъ, дѣвица,
«За меня, за молодца.»
— У меня у дѣвушки
Въ думушкахъ весна прошла;
Всю весну продумала,
Все лѣто проплакала.
Думаю, подумаю:
Кого полюбить-бы мнѣ? —
Полюбить мнѣ стараго?
Съ старымъ жить не хочется.
Полюбить мнѣ вдоваго?
Вдовый горькій пьяница,
Полюбить женатаго?
Такъ жена осердится,
Полюбить мнѣ холоста?
Холостъ скоро женится,
Полюбить солдатушку?
Солдатъ задушевный другъ:
Солдатъ во походъ пойдетъ,
Дѣвушку съ собой возметъ.

321.

Очи мои, очи,
Свѣтъ, ясные очи!
Не даютъ покоя
Во всѣ темны ночи!
«Долго-ль, дорогая,
«За тобой ходити,
«Гостинцы носити,
«Милости просити?
«Или, дорогая,
«Иль ты мнѣ невѣришь?
«А я тебѣ вѣрю.
«Вели стлать постелю.
«Стели, моя радость,
«Стели, дорогая!
«Стели, дорогая,
«Пашинька милая!
«А я къ тебѣ буду,
«И не преминую.» —
Ай, по саду, саду,
Саду, зеленому,
Ходила, гуляла
Красная дѣвица,
Щипала, ломала
Съ винограду вѣтки,

Метала, бросала
Къ любезному въ спальню...
«Знать — что у милаго
«Дома нездорово:
«Закрыты окошки
«Черною тафтою,
«Черною тафтою
«Съ бѣлой бахрамою,
«Нѣту у милаго
«Любимой примѣтки:
«Хрустальна графина
«Со вейновой водкой;
«Со вейновой водкой,
«Съ серебряной пробкой.
«Изъ него съ любезнымъ
«Мы ее пивали.»

322.

Какъ у нашего широкаго двора
Собирались красны дѣвушки въ кружокъ.
Они думали: какой игрой играть? —
«Семка въ жмурки, Семъ въ веревочку начнемъ?»
Одна дѣвка прослезилася въ кругу:
«Вы играйте, красны дѣвушки, однѣ;
«А какъ мнѣ младой игра на умъ нейдетъ:
«Милъ сердечный другъ въ умѣ моемъ живетъ;

«Живучи въ умѣ, сердечушко крушитъ!
«Ничего-бы я на свѣтѣ не взяла,
«Только, чтобъ ему мила равно была:
«Это больше всего стоитъ для меня! —
«Ка-бы знала, ка-бы вѣдала, мой свѣтъ, —
«Что захвачено сердечушко твое, —
«Не глядѣла-бъ я на прелести твои;
«Глазъ прекрасныхъ убѣгала-бы твоихъ!
«Ахъ, надежда, обольстила ты меня;
«Обольстила; да ужъ поздо знать дала.
«Знаю, батюшка, прельщзетъ кто тебя·
«Разлучаетъ насъ сударушка съ тобой!»

323.

Я нигдѣ дружка невижу:
Ни въ долинахъ, ни въ лѣсахъ;
Только тѣнь лишь дорогова
Завсегда въ моихъ глазахъ.

Нѣту слуху по лѣсочкамъ,
Изъ ружья гдѣ милъ стрѣлялъ;
Нѣту слѣду въ чистомъ полѣ,
Гдѣ милъ въ саночкахъ ѣзжалъ.—

Ахъ, ты купчикъ, мой голубчикъ!
Жаль, разсталася съ тобой.
Ты залогъ сердцу оставилъ:
Страдать вѣчно по тебѣ.

Я любить равно умѣю,
Какъ и въ городѣ у васъ;
Но сказать того не смѣю,
Что страдаю всякій часъ.

Городской любви примѣрной
Не хочу я брать въ примѣръ;
Любить нѣжно и быть вѣрной —
Деревенскій нашъ манеръ.

Непрогнѣвайся, пожалуй,
Что я дерзко говорю:
Я природы, вѣдь, крестьянской,
Безъ политики живу.

Я люблю дружка милова
И въ деревнѣ, и въ Москвѣ.
Не забуду мила друга
Я ни въ явѣ, ни во снѣ.

324.

Вечоръ былъ я на почтовомъ на дворѣ,
Получилъ письмо отъ дѣвушки сейчасъ,
Сталъ читать я, полились слезы изъ глазъ.
Пишетъ, пишетъ разкрасавица моя:
«Приди, батюшка, смертельно я больна;
«А не придешь: скоро жизни я лишусь;
Съ тобой, батюшка, заочно распрощусь.»
— Ахъ, дѣвицы, разсудите грусть — печаль:
Мнѣ красавицу смертельно очень жаль.
Не мила мнѣ здѣсь прекрасна сторона:
Не гуляетъ здѣсь красавица моя,
Хороводы не утѣшатъ моихъ слезъ!
Я пойду съ горя по плакать въ темный лѣсъ.
Я пойду-ль еще по тѣмъ милымъ слѣдамъ,
Гдѣ я прежде со красавицей гулялъ, —
Гдѣ любезную пріятно цѣловалъ.
На томъ мѣстѣ ужъ и травка не ростетъ;
На томъ мѣстѣ и цвѣточки не цвѣтутъ,
На кусточкахъ мелки пташки не поютъ,
Небеса-то покрывались темнотой!
Я скорешенько ко дѣвушкѣ пошелъ.
Я тихохонько въ окошко постучалъ:
«Отопри двери красавица,» сказалъ.
Со постелюшки вскочила молода,

Отпирала широкія ворота,
Принимала за бѣлы руки меня;
Цѣловала во сахарныя уста.
«Здравствуй, батюшка, красавчикъ дорогой,
«Привела насъ судьба видѣться съ тобой.»

325.

По улицѣ мостовой,
По широкой, столбовой,
По широкой, столбовой
Шла дѣвица за водой;

За ней парень молодой,
Кричитъ дѣвицѣ: «постой!
«Красавица, подожди.
«Пойдемъ вмѣстѣ за водой;

«Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
«За холодной, ключевой.»
Ахъ, ты, парень, паренекъ,
Твой глупенекъ разумокъ!—

Не кричи во весь народъ:
Мой батюшка у воротъ; —
Зоветъ меня въ огородъ
Чесноку, луку полоть.

И я въ праву руку луку,
Во лѣвую чесноку. —
Я по цвѣтикамъ пойду,
По лазоревымъ гулять;

По лазоревымъ гулять,
Цвѣта алаго искать.
Не нашла цвѣта алова,
Супротивъ дружка милова.

Какъ мой миленькой хорошъ,
Чернобровъ душа, пригожъ,
Чернобровъ душа, пригожъ;
Мнѣ подарочикъ принесъ.

Подарочикъ дорогой:
Съ руки перстень золотой.
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь.

Не хочу перстня носить;
Хочу такъ дружка любить.
«Ты куда, надежа — другъ,
«Собираешься, куда?» —

Собирался мой милой,
Собирался дорогой,
Что на Волгу на рѣку,
На крутой на бережокъ;

На крутой на бережокъ,
Онъ на желтенькой песокъ.
Ужъ я по-воду пойду,
На крутой берегъ взойду.

Туда, сюда погляжу:
Куда рѣченька бѣжитъ?
Волга рѣченька быстра —
Скоро судно пронесла.

326.

Во саду-ли, въ огородѣ
Дѣвица гуляла,
Невеличка, круглоличка,
Румяное личко.

За ней ходитъ, за ней бродитъ
Удалой молодчикъ;
За ней носитъ, за ней носитъ
Дороги подарки.

Дорогіе тѣ подарки:
Кумачи китайки. —
«Кумачу я не хочу,
«Китайки не надо.

« Принеси, моя надежа!
« Алаго гризету,
« На двѣ шубки, на двѣ юбки,
« На двѣ тѣлогрѣи.

« Чтобъ не стыдно было дѣвкѣ
« На улицу выдти.
« Перешей, моя надежа,
« Въ нѣмецкое платье. —

« Благодарствую, молодчикъ,
Снабдилъ ты дѣвицу! » —
Я пойду-ли молоденька
Во торгъ торговати;

Что во торгъ-ли торговати,
На рынокъ гуляти.
Я куплю млада младенька
Пахучія мяты.

Посажу я эту мяту
Подлѣ своей хаты.
« Не топчи, бѣлъ, кудряватый.
« Пахучія мяты.

« Я не для тебя сажала,
« Водой поливала,
« Для кого я поливала,
« Того обнимала. »

327.

Какъ на улицѣ шумятъ,
Сарафанъ бабы дѣлятъ.
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
Кому клинъ дать, кому станъ,
Кому весь-бы сарафанъ?
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
А большимъ-бы господамъ
На попоны лошадямъ?
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
А боярскимъ дочерямъ
На манжеты къ рукавамъ?
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
Вышла дѣвка молода,
По расхвасталась она:
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
«Какъ вечоръ меня милой
«Цѣловалъ да миловалъ;
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
«Крѣпко къ сердцу прижималъ,
«Онъ сударушкою звалъ.
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
«Ты, сударашка моя,
«Вѣрно любишь-ли меня?»
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!
Какъ тебя мнѣ не любить?
Не могу тебя забыть.
    Ой, вы, дѣвки! ой, вы, бабы молодыя!

328.

Пряди, моя пряха,
Пряди не лѣнися.
«Рада-бы я пряла —
«Меня въ гости звали.

«Звали, позывали
«Къ сосѣду въ бесѣду:
«У сосѣда будетъ
«Мой милый, хорошій.

«Мой милый, пригожій,
«Бѣлый кудряватый,
«Холостъ, не женатый. —
«Вотъ ѣдетъ мой милый.

«На ворономъ конѣ,
«Въ бѣломъ балахонѣ;
«Шапочка съ углами,
«Головка съ кудрями.»

«Къ рощамъ подъѣзжаетъ—
«Рощи зелѣнеютъ,
«Къ садамъ подъѣзжаетъ —
«Цвѣты разцвѣтаютъ;

Къ двору подъѣзжаетъ; —
Дѣвица встрѣчаетъ:
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

329.

Ахъ, ты, ночинька,
Ночька темная;
Ты молодушка,
Ты молодинька!

Ты, головушка,
Ты побѣдненька!
Съ кѣмъ ночь темную
Ночевать тебѣ?

Съ кѣмъ осеннюю
Коротать тебѣ? —
«Лягу спать одна,
«Безъ мила дружка.

«Безъ мила дружка
«Беретъ грусть, тоска;
«Беретъ грусть, тоска:
«Далеко живетъ;

«Далеко живетъ,
«Онъ за рѣченькой. —
«Ужъ я съ той тоски
«Погулять пойду.

«Погулять пойду,
«Повидаюсь съ нимъ.
«Машетъ милый мнѣ
«Ручкой правою;

«Ручкой правою,
«Шляпой черною.» —
Перейди ко мнѣ
Ты за рѣченьку. —

«Перешла-бы я —
«Перехода нѣтъ.
«Переходъ хоть есть:
«Тонка жордочка!»

330.

Канареечка любезна!
Утѣшай хоть ты меня;
Скорбь моя тебѣ извѣстна,
Что веду я жизнь стеня.

Нѣтъ надежды къ облегченью
Бѣдну сердцу моему;
Ничего нѣтъ къ утѣшенью,
Но къ несчастью моему.

Скорбь за скорбію стремится,
Помогай мнѣ, мой Творецъ!
За слезой слеза катится,
Боже! будетъ-ли конецъ!

Ты владѣтель надъ сердцами,
Помогай несчастной мнѣ;
Долго-ль литься мнѣ слезами,
Жить въ несчастьи, какъ въ огнѣ?

Хищникъ вольности любезный!
Отъ меня ты улетѣлъ!
Другъ мой милый, другъ безцѣнный
Со мной бѣдной разлученъ!

Онъ живетъ гдѣ я незнаю,
Можетъ быть меня забылъ;
Я объ немъ здѣсь умираю,
Онъ мнѣ можетъ измѣнилъ.

О жестокіе мущины!
Для чего мы любимъ васъ?
Совсѣмъ часто безъ причины
Вы убійцы бѣдныхъ насъ.

Но ужъ я и позабыла
Канареечку свою,
Я объ чемъ ее просила,
Отнесть пѣсенку сію.

Отворю я тебѣ клѣтку,
Лети къ другу моему:
Сядь въ саду его на вѣтку,
Отдай пѣсенку ему.

331.

Я птичкой быть желаю,
Вездѣ чтобы летать;
Я все тогда узнаю,
Не буду тосковать.

Во слѣдъ-бы полетѣла,
За тѣмъ, кого мнѣ жаль;
И въ радости-бъ запѣла:
Прошла моя печаль.

Того-бы веселила,
Кто тужитъ обо мнѣ;
Съ тѣмъ скуку-бы дѣлила,
Кто милъ и дорогъ мнѣ.

Онъ сталъ-бы меня нѣжить,
Ласкать и цѣловать;
Я-бъ ласки ему тѣ-же
Старалась повторять.

Мы были-бъ неразлучны
И въ осень; и весной,
И бывъ благополучны,
Вкушали-бы покой.

Коль птичкой быть не можно,
Надеждой веселюсь;
Ласкать себя возможно —
Я ввѣкъ не премѣнюсь.

332.

Льются слезы, духъ мятется,
Томно сердце, томно бьется;
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

У кого спрошу, кто скажетъ,
Кто несчастному покажетъ,
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Пастушокъ въ лугахъ душистыхъ,
При ручьяхъ пастушка чистыхъ.
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Земледѣлецъ, не видалъ-ли,
Ловчій, въ полѣ не слыхалъ-ли,
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Злу тоску мою прервите,
Милы дѣвушки, скажите,
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Нимфы рощицъ ароматныхъ,
Нереиды водъ прохладныхъ,
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Ты, кого лелѣютъ смѣхи,
Сынъ веселья, сынъ утѣхи,
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Сердце страстію пронзенно,
Сердце грустью удрученно,
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Нѣтъ ее! мой духъ терзайся,
Лейтесь слезы, грудь пронзайся,
Бѣдный, бѣдный въ свѣтѣ я!
Нѣтъ ея!

Нѣтъ ея! коль измѣнила,
Коль другова полюбила.
Коль иной ей милъ, не я!
Нѣтъ ея!

Скоро, скоро тотъ несчастный
Ей плѣненный, ею страстный,
Скажетъ также — какъ и я:
Нѣтъ ея!

333.

Какъ мнѣ быть,
Какъ мнѣ жить,
Безъ милаго моего?
Какъ забыть,
Не любить
Что милѣе мнѣ всего?

Мнѣ минута безъ милаго
Долѣ кажется ста лѣтъ;
Что мнѣ нужды до инаго —
Онъ одинъ мнѣ цѣлый свѣтъ!
Ахъ, бѣда,
Нѣтъ слѣда
Моему горю помочь.
Я млада,
Завсегда
День вздыхаю, не сплю ночь!
Ахъ, тому не можно статься,
Чтобъ твоею мнѣ не быть,
Льзя-ли, льзя-ли съ тѣмъ разстаться,
Кого вѣкъ клялась любить!
Мой милой,
Вѣкъ будь мой!
Вѣчно буду я твоя;
И съ тобой,
Всей душой
Жить въ любви готова я.
Ты въ любви моя отрада,
Ты все счастіе мое;
Ты и честь моя, и слава,
И блаженство все мое!

334.

Снѣги бѣлые, пушисты
Ужъ покрыли поле все;
Лишь одно они не скрыли
Горе лютое мое.

Какъ кусточикъ среди поля
Одинехонекъ стоитъ;
Иней клонитъ къ землѣ вѣтки;
Ни листочка нѣтъ на немъ!

Такъ безъ милаго я друга
Здѣсь тоскую все одна;
Сердце все печаль стѣснила
И утѣхи скрылись всѣ.

Злу кручину, чтобъ размыкать,
Выйду я на бугорокъ;
На изсохшій тамъ пенечикъ,
Подгорюнясь, сяду я.

Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ мой миленькой живетъ,
Погляжу, вздохну и — слезы
Навернутся на глазахъ,

Замелькаютъ на рѣсницахъ,
И невзвижу свѣта я;
Градомъ слезы покатятся
Горьки быстро по лицу.

Замретъ сердце и заноетъ,
Обольется кровью въ мигъ;
Духъ займется, грудь стѣснится,
Вздохъ за вздохомъ полетитъ.

Слеза канетъ, снѣгъ растаетъ,
И исчезнетъ онъ подъ ней.
Слезы льются, а не смоютъ
Горе сердца моего.

Пусть не смоютъ, пусть ручьями
Онѣ по груди текутъ;
Льзя-ль безъ друга жить не въ горѣ!
Сердцу пища лишь оно!

335.

Мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ,
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ.
Въ деревнѣ всѣ мои подружки,
Разумны стали другъ-отъ-дружки;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ! 2.

Пригожей всѣ меня зовутъ:
Мнѣ надобно подумать тутъ,
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ! 2.

Онъ скажетъ: я тебя люблю!
Любовь и я ему явлю,
И тѣ-жъ скажу ему три слова,
Въ томъ нѣтъ урона никакова,
Любовь и я ему явлю! 2.

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попроситъ онъ въ любовь задатокъ;
Что дать, не знаю я ухватокъ,
Не знаю я любовныхъ словъ! 2.

Дала-бъ ему я посохъ свой.
Мнѣ посохъ надобенъ самой,
Звѣрей чтобы остерегаться,
Съ собачкой мнѣ нельзя разстаться,
Мнѣ посохъ надобенъ самой! 2.

Въ пустой и скучной сторонѣ,
Свирѣлки также нужны мнѣ;
Овечку-бъ дать ему я рада,
Когда-бы не считали стада;
Свирѣлки также нужны мнѣ! 2.

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцѣлуй дала.
Не ужъ-ли пастуху въ награду
За прежнюю его досаду,
Пастушка поцѣлуй дала? 2.

Какая прибыль отъ того?
Я въ томъ не вижу ничего;
Не станетъ вѣрить онъ обману,
Когда любить его я стану;
Я въ томъ не вижу ничего! 2.

Любовь, владычица сердецъ,
Какъ быть — научитъ наконецъ,
Любовь своей наградой платитъ,
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ;
Какъ быть — научитъ наконецъ! 2.

Пастушка говоритъ тогда:
Пускай пастухъ придетъ сюда,
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду; —
Пускай пастухъ придетъ сюда! 2.

336.

Винятъ меня въ народѣ,
Любить мнѣ не велятъ:
Вольно-жъ было природѣ,
На свѣтъ меня создать:

За то нельзя сердиться,
Что чувствую любовь —
Желалъ-бы не родиться,
И не вспалять-бы кровь.

Но бывъ уже на свѣтѣ,
Нельзя тому не быть,
Коль узришь что въ предметѣ
Достойное любить,

Я страстенъ сталъ къ Юнонѣ,
Но какъ тому помочь?
И что взять къ оборонѣ,
Сей пламень превозмочь?

Я самъ зрю неравенство
Симъ пламенемъ горѣть;
Но чувствую блаженство
Мнѣ съ онымъ умереть!

Разсудокъ хотъ вѣщаетъ:
Себя ты не губи!
А сердце повторяетъ:
Пожалуйста люби!

337.

Винятъ меня на свѣтѣ,
Что къ милой я горю;
Но я въ ея предметѣ,
Одно блаженство зрю.

Нельзя забыть небесный
Видъ ангела сего.
Видъ милый и любезный
Для сердца моего!

И кто-бъ, ее увидя,
Не началъ обожать?
Весь міръ возненавидя,
Лишь ею-бъ сталъ дышать!

Въ ней кротость обитаетъ
Со младостію лѣтъ;
Какъ солнышко блистаетъ
Средь множества планетъ!

Такъ всѣхъ она собою
Прекраснѣй и милѣй;
Не можетъ красотою
Никто сравняться съ ней!

Лице ея столь нѣжно,
Какъ лилія бѣла;
Такъ живо и прелестно,
Какъ роза разцвѣла!

Коль взоромъ удостоитъ
Она меня своимъ,
Взоръ кроткій успокоитъ
Всѣ горести мои.

Я сердце ей вручаю,
Жизнь, душу и себя;
Блаженство въ томъ считаю:
Умру ее любя!

338.

Примѣчайте, люди злые,
Осуждайте, что люблю!
Ваши замыслы пустые —
Я не васъ, себя гублю, —

Что вамъ нужды, что вздыхаю?
Вздохи васъ не тяготятъ,
Мудрено, со всѣмъ не знаю.
Для чего въ любви мѣшать?

Предлагайте, кто умѣетъ,
Свои чувства истребить;
Бывъ влюбленъ, потомъ успѣетъ,
Снова свой покой найти.

Нѣтъ! я чувства свои знаю,
Мнѣ нельзя перемѣнить;
Хоть напрасно я вздыхаю,
Но клянусь по гробъ любить.

339.

Не садись на эту вѣтку;
Иль не видишь, что на ней
Злой ловецъ поставилъ клѣтку
Для погибели твоей?
Посмотри, какъ въ ней порхаетъ
Участь горьку проклинаетъ
Зябликъ — жертва простоты!...
Попадешься вѣдь и ты...

И наступитъ время грозно,
Если въ клѣточку запрутъ,
Будешь каяться, но поздно —
Ужъ на вѣкъ остался тутъ!
Взглянешь въ полѣ на цвѣточки,
Вспомнишь ручейки, кусточки,
О подружкѣ воздохнешь,
Тихо томно запоешь:

« Для чего, увы! прельщался
« Я приманки красотой?
« И теперь-бы наслаждался
« Въ полѣ волею златой!
« Тамъ сидѣлъ-бы, гдѣ милѣе,
« Тамъ порхалъ, гдѣ веселѣе
« И съ подружкой въ красны дни,
« Пѣлъ-бы пѣсенки одни.... »

Такъ богатствомъ обольщаютъ
Часто дѣвушекъ сердца;
Часто дѣвушки считаютъ
Счастье въ пышности вѣнца;
Но алмазы, изумруды,
Жемчуговъ большія груды,
Хоть сперва и поблестятъ,
А всего не замѣнятъ....

Если нѣтъ въ душѣ покою,
Что алмазъ и изумрудъ?

И чрезъ золото рѣкою
Слезы горькія текутъ,
Не въ одномъ богатствѣ счастье....
Развѣ въ хижинахъ ненастье,
А въ чертогахъ ясный день?
Нѣтъ! вездѣ и свѣтъ и тѣнь!...

Ахъ по сердцу выбирайте,
Хотя съ посохомъ однимъ;
Съ милымъ душу сопрягайте,
Вы увидите, что съ нимъ
Безъ богатства, вы богаты —
И шалашъ тотъ на палаты
Не смѣняете ни чьи,
Гдѣ текутъ съ любезнымъ дни.

340.

Отдохни, сердечко бѣдно,
И на лѣто оглянись:
Все страдать тебѣ вѣдь вредно,
Успокойся, улыбнись.

Иль ни что тебя не нѣжитъ,
Иль ты образъ сироты?
Грусть несчастнымъ принадлежитъ.
Такъ не даромъ ноешь ты!

Видишь въ мірѣ охладѣло
Совсѣмъ чувство у людей;
Иль ты тронуть захотѣла
Горькой участью своей.

Перерви сердечны стоны,
Ихъ унять никто нейдетъ;
Люди чтутъ лишь милліоны,
А до сердца дѣла нѣтъ!

341.

Смолкни пташка, канарейка!
Полно громко разпѣвать,
Перестань, ты мнѣ, злодѣйка,
Ретивое надрывать.

Все давно забыто было,
Пташка, лютый мой злодѣй!
Ты все снова пробудила
Звонкой пѣсенькой своей!

Ужъ ко мнѣ не воротиться
Яснымъ днямъ весны моей;
Отвыкаетъ сердце биться,
Вспоминаючи объ ней! —

После солнышка къ ненастью
Тяжеленько привыкать;
Ахъ, несчастному о счастьи
Хуже смерти вспоминать.

342.

Ахъ! какъ скучно мнѣ одной!
Гдѣ дѣвался мой покой!
Я любила завсегда,
Пасти стадо здѣсь одна.
Нынѣ, стадо поди прочь!
День темнѣе, нежель ночь;
Стражду, рвуся, слезы лью,
Отъ чего?.. Ахъ! я люблю.
Злой пастухъ плѣнилъ меня;
Гдѣ ты? плачу безъ тебя!
Онъ мнѣ часто говорилъ,
Умились, люби, твердилъ.
Я внимала его рѣчь,
Не стараяся пресѣчь;
Отъ того терплю напасть,
Отъ кого узнала страсть.
Вотъ онъ, вижу за рѣкой;
Вотъ, и машетъ мнѣ рукой;
Овцы! нужды мнѣ въ васъ нѣтъ,
Коль пастухъ къ себѣ зоветъ.

Ай, ау, мой свѣтъ, постой!
Я останусь тамъ съ тобой,
Нѣту силы огня скрыть,
Коль вся кровь во мнѣ кипитъ.

343.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе,
Все, какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякхъ надежду кинь;
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тотъ же самой цвѣтъ;
Но не та ужъ стала!
Аромата нѣтъ...

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы! опасенъ
Для красоты порокъ.

И. Дмитріевъ.

344.

Ахъ! по мосту, мосту, по калинову мосту,
Ужъ какъ шелъ, прошелъ дѣтинка, голубой на
немъ кафтанъ.
Голубой на немъ кафтанъ, полы машутся
А гризетовой камзольчикъ раздувается.
Миткалевая рубашечка бѣлѣется;
А на шейкѣ-то платокъ, будто аленькой цвѣтокъ
Во карманѣ-то другой итальянской голубой;
Во правой-то во рукѣ тросль серебряная,
Во тросточкѣ ленточка пукетовая;
Онъ тросточкой подпирается,
Самъ пукетовой лентой похваляется:
То-то лента, то-то лента, то-то ленточка ала!
Эту ленту, эту ленту мнѣ сударушка дала,
Что сударушка дала и пожаловала.
Когда выйду на крыльцо, вижу лапушку въ лицо;
Передъ молодцомъ дѣвица призадумавшись стоитъ
Призадумавшись стоитъ, сама рѣчи говоритъ:
Полюби школьну, манерну, коль тебѣ я не мила.

Ахъ! ты меня, голубушка, высушила,
И ты вынула румянецъ изъ бѣлаго лица,
Что изъ бѣлаго лица, у доброва молодца,
Ахъ, школьная, манерная сударушка моя!
Какъ увидѣла его, родна матушка въ окно,
Изъ того-ли изъ окна, изъ косящетаго:
Ахъ! ты сынъ-ли мой сынокъ, чадо милое мое!
Тебѣ полно сынъ дурить, за охотою ходить,
За охотою ходить, черныхъ соболей ловить,
Черныхъ соболей ловить, красныхъ дѣвушекъ дарить.
Ахъ! ты мать моя, мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять за охотою ходить,
Черныхъ соболей ловить, красныхъ дѣвушекъ дарить.

345.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, святое прежде.
Зачѣмъ въ мою тѣснится грудь?
Могу-ль сказать: живи, надеждѣ?
Скажу-ль тому, что было: будь!
Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населется!
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ!
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины!
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены! —

346.

Взвѣйся выше, понесися
Сизокрылой голубокъ!
На томъ мѣстѣ опустися,
Гдѣ мой миленькой дружокъ.

Ты скажи какъ сердце ноетъ,
Сердце вѣрное ему:
То забьется, то застонетъ,
Улетѣть хочетъ къ нему.

У кусточка, гдѣ любезный
Меня страстно цѣловалъ,
Я тамъ лью теперь токъ слезный,
И кусточекъ тотъ завялъ.

Соловей, на вѣткѣ сидя,
Пѣсни громкія здѣсь пѣлъ;
Теперь, милаго не видя —
Въ лѣсъ дремучій улетѣлъ!

Та зеленая дубрава,
Что отъ зноя, въ жаркій день,
Принимала дорогова
И меня къ себѣ подъ тѣнь. —

Свой зеленый цвѣтъ теряетъ
Безъ тебя, любезный мой!
И всякъ часъ напоминаетъ,
Что ужъ нѣтъ тебя со мной.

И въ ручьѣ, что извиваясь,
По песку тихо бѣжалъ,
При которомъ ты, видаясь,
Часто ягоды мнѣ бралъ.

Вдругъ вода съ пескомъ взмутилась
Тамъ, и ягода горька
Съ той минуты, какъ лишилась
Я любезнаго дружка.

Ахъ! не медли ни минуты,
Ко мнѣ, милой, прилети,
И, прервавъ страданья люты,
Ты въ веселье преврати.

Все переродится:
Печаль — въ радость, слезы — въ смѣхъ.
Когда милой возвратится —
Я счастливѣй буду всѣхъ!

П. Николаевъ

347.

Ахъ! что это за сердце во мнѣ все изныло?
Знать, что я милаго, вѣрно, полюбила.
Что это за милой не даетъ покою,
Принуждаетъ, радость, всегда быть съ собою
Полно же браниться, пора помириться.
Не смутить бывало очи сидѣть до полночи,
Видишь я страдаю, а ты лицемѣришь,
А ты лицемѣришь, сушишь, не жалѣешь.
Не можно-ли радость на вздохъ умилиться,

На вздохъ умилиться, сердцу покориться,
Или вы забыли, какъ прежде любили?
И конечно, радость, любви измѣнили,
Любви измѣнили, ину полюбили:
Иная милая ни чѣмъ меня лучше.
Лицемъ не бѣлѣе, бровью не чернѣе;
Развѣ тѣмъ получше, что живетъ поближе
И ходитъ почаще. —

348.

Полно, сизенькой, кружиться
Голубочикъ надо мной;
Лучше вдаль тебѣ пуститься,
Вдаль, туда — гдѣ милой мой.

Полети къ нему скорѣе,
Долети къ душѣ моей;
Проворкуй ему жальчѣе,
Что не вижу ясныхъ дней;

Что со мною горесть люта
И тоска со мной вездѣ;
Вѣкомъ кажется минута,
Всѣ шаги мои къ бѣдѣ.

Какъ листокъ отъ вѣтра бьется,
Бьется сердце такъ мое;
Къ другу движется, несется,
Тащитъ горе все свое.

Ахъ! не туча развилася,
Льетъ не сильный дождь, гроза;
То по другѣ пролилася
Горькая моя слеза.

Все я, голосомъ унылымъ,
Все, что встрѣчу, то прошу:
Дай увидѣться мнѣ съ милымъ,
Для него лишь я дышу;

Для него не умираю,
Горемъ мучусь я моимъ;
Не на муки я взираю —
На мои свиданья съ нимъ;

Не тяжелы вздохи числю,
Ихъ не можно перечесть,
Я о томъ, о томъ лишь мыслю,
Чтобъ себя къ нему донесть.

Онъ все то, что въ свѣтѣ мило,
Мило сердцу моему;
Нѣтъ его — и все постыло:
Я не рада ничему.

Безъ того, о комъ рыдаю
И кого прошу у всѣхъ,
Не найду и не желаю
Ни сокровищъ, ни утѣхъ.

Чтобы съ милымъ повидаться,
Бурно море преплыву;
Чтобы съ милымъ не разстаться,
Смерть я жизнью назову.

Ахъ! лети, и все до слова
Голубокъ ему скажи;
Возврати мнѣ дорогова,
Душу въ тѣлѣ удержи.

Умереть его дождуся,
Силы всѣ на то сберу;
На него я наглядуся —
И отъ радости умру! —

А. Нелединскій-Мелецкій.

349.

Почто ты сердце страстнымъ
Природой мнѣ дано,
Когда мнѣ быть несчастнымъ
Судьбой положено?

Коль каждую минуту
Вкушать лишь горесть люту.
Отрады никогда.
Бѣда, бѣда, бѣда!
Лишь сердцу огорченья
Всегда, всегда, всегда!
Божественнымъ восторгомъ
Почто любовь зовутъ,
Когда предъ этимъ богомъ,
Любимцы слезы льютъ?
Когда ея награда —
Познать жестокость ада,
И въ свѣтѣ быть ничто, —
На что, на что, на что?
Такой быть жалкой жертвой
Почто, почто, почто?
О вы, которыхъ страстна
Любовь сердца зажгла!
Познайте, сколь опасна
Амурова стрѣла.
Я раненъ — и страдаю,
Люблю — утѣхъ не знаю;
Но я-бъ и не любилъ —
Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ, нѣтъ силъ!
Кто умеръ не любивши —
Не жилъ, не жилъ, не жилъ!

350.

Счастливый, нѣжный голубочикъ!
Оставь голубочку свою;
Слетай къ моей хоть на часочикъ,
Скажи, скажи тоску мою.

Тоску мою, тоску плачевну,
Унылу, горьку проворкуй;
Анюту милу, несравненну
Пріятно, нѣжно поцѣлуй.

Садись на грудь Анютѣ смѣло,
На сердце ножку положи;
Цѣлуя бѣло нѣжно тѣло,
Что видѣлъ, слышалъ разскажи.

Вспорхни на ручку, на другую,
И ножки милой не забудь;
Какъ разцѣлуешь дорогую,
Лети, скорѣй пущайся въ путь.

Лети ко мнѣ, лети скорѣе,
Голубчикъ нѣжный, дорогой!
Чтобъ тѣмъ пріятнѣе, милѣе
Лобзалъ я носикъ милый твой.

Утѣшь несчастнаго въ разлукѣ,
Отраду въ горести подай;
Весельемъ будь мнѣ въ смертной скуки.
Прости — скорѣе прилетай!

315.

Ты погибель мою строя,
Тѣмъ доволенъ-ли тиранъ,
Что лишилъ меня покоя,
Совершилъ свой злой обманъ!

Обольстилъ меня слезами,
Ложной клятвой обманулъ,
И притворными словами
Мой невинный духъ тронулъ?

Вспомни, вспомни, какъ ласкался,
Какъ, ты въ первый разъ предсталъ;
Какъ вздыхая, ты смущался,
Какъ божбой меня прельщалъ.

Я гордилась предъ тобою,
Презирала нѣжну страсть,
Но жестокою судьбою
Не избѣгла свою часть.

Ты быть вѣрнымъ мнѣ казался,
Нѣженъ голосъ былъ мнѣ твой;
Духъ красой твоей прельщался,
Привыкала быть съ тобой.

Я виновна, что сказала
Рано о любви своей;
Рано слабость оказала,
Не знавъ вѣрности твоей.

Съ утѣшеніемъ внимала,
Что языкъ твой говорилъ;
Я во снѣ тебя видала —
И тотъ сонъ бывалъ мнѣ милъ.

Нынѣ духъ твой измѣнился,
Нѣжны рѣчи всѣ забылъ;
Словомъ — ты иной плѣнился,
А меня ты позабылъ.

Позабылъ.... будь тѣмъ доволенъ,
Смѣйся, зря, кака я терплю!
Знаю я, что ты сталъ воленъ, —
Знай, что я тебя люблю.

Но теперь ты въ награжденье
За мою нелестну страсть,
Ввергнулъ ты меня въ мученье,
Совершилъ мою напасть.

Веселись, мой побѣдитель,
Смѣйся слабости моей!
Вспомни, чей ты былъ любитель
И кому былъ всѣхъ милѣй!

Нынѣ плачь ты передъ нею,
Какъ ты плакалъ предо мной;
Клятвой увѣряй своею,
Что плѣненъ ты не былъ мной.

Клятва клятвѣ измѣнила —
Тухни жаръ мой день отъ дня!
Уже я тебя забыла —
Забывай и ты меня!

352.

Молчите струйки чисты
И дайте мнѣ вѣщать;
Вы птички голосисты
Престаньте воспѣвать.

Пусть въ рощахъ раздаются
Плачевныя слова;
Ручьями слезы льются
И стонутъ дерева.

Ты здѣсь, моя отрада,
Любезный пастушокъ,
Со мной ходилъ отъ стада
На крутой бережокъ.

Ужъ солнышко спустилось
И сѣло за горой,
И полѣ окропилось
Вечернею росой.

Я въ горькой скукѣ трачу
Прохладные часы,
И наединѣ плачу,
Лишась твоей красы.

Цѣлую тѣ пруточки,
Съ которыхъ ты срывалъ
Прекрасные цвѣточки
И мнѣ пучки вязалъ.

Слезами обливаю
Зеленые листы;
Въ печали презираю
Пріятные плоды.

Я будто вижу часто
Тебя во древесахъ;
Бѣгу туда напрасно,
Хочу обнять въ слезахъ.

Но только тѣнь пустая
Меня несчастну льститъ;
Смущаюся, теряя
Пріятной мнѣ твой видъ.

Лишь только вѣтръ листами
Тихонько потрясетъ,
Я тотчасъ межъ кустами
Тебя ищу, мой свѣтъ!

Отъ всякой перемѣны
Всечасно я крушусь,
И муча слабы члены,
На всякой слухъ стремлюсь.

353.

Я въ печали пребываю
И покоя не сыщу;
Дни счастливы вспоминаю,
Всегда плачу и грущу.

Гдѣ-жъ тѣ дни отъ насъ сокрылись,
Дни блаженные для насъ!
Ахъ! ужъ видно удалились
На всегда отъ нашихъ глазъ!

Лучь надежды тотъ сокрылся,
Что насъ прежде озарялъ;
Я съ надеждою простился,
И несчастливъ съ тѣхъ поръ сталъ.

Знаю, что и ты страдаешь,
Равно также, какъ и я,
Плачешь, стонешь и вздыхаешь,
Горька участь и твоя.

Нѣтъ ни тѣни къ утѣшенью,
Рокъ жестоко гонитъ насъ!
Ждать тогда конца мученью,
Какъ вздохнемъ въ послѣднiй разъ.

Тамъ — за гробомъ, нѣтъ разлуки;
Вѣкъ съ тобою буду жить;
Тамъ весела жизнь, безъ скуки,
И помѣхи нѣтъ — любить!

354.

Бывало, я съ Лизетой
Близъ милой рѣчки этой
Овечекъ вмѣстѣ пасъ;
Мы бѣгали, играли,
Другъ друга забавляли,
Казался день за часъ.

Бывало, я съ Лизетой
Среди лужайки этой
Въ горѣлочки игралъ;
Или ей рвалъ цвѣточки,
Она плела вѣночки
И мнѣ давала въ даръ,

Бывало, я съ Лизетой
Въ дубовой рощѣ этой
Ходилъ грибовъ искать;
И каждый мы грибочикъ
Въ одинъ все кузовочикъ
Уговоримся класть.

Бывало, я съ Лизетой
Въ день майскій, среди лѣта,
На берегу ручья,
Подъ сей кудрявой, гибкой,
Зеленой, милой липкой
Пѣснь слушалъ соловья.

Бывало, я съ Лизетой
Свирѣлочкою этой
Пѣлъ нѣжную любовь;
Симъ чувства, духъ питая,
Лизету обнимая,
Воспламенялъ въ ней кровь.

Однажды я Лизету,
Зефирами раздѣту,
Забвенну сномъ — я видѣлъ здѣсь;
На ту красу взирая,
Я таялъ обмирая —
И... если-бы не честь...

А нынѣ стражду, рвуся,
Лью слезы и мятуся,
Не зря отрадъ нигдѣ;
Безъ миленькой Лизеты
Почто мнѣ жить на свѣтѣ?
Пожертвую судьбѣ!

Мѣста всѣ премѣнились,
Безъ ней утѣхи скрылись,
Не зрю отрадъ ни гдѣ;
Безъ миленькой Лизеты
Не для чего жить въ свѣтѣ —
Пожертвую судьбѣ!

355.

Весела тогда бываю
И довольна я судьбой,
Все на свѣтѣ презираю,
Когда миленькой со мной!

Съ нетерпѣньемъ ожидаю,
Чтобъ скорѣе шелъ домой;
Для чего-жъ того желаю?
Будетъ миленькой со мной.

То мнѣ служитъ въ утѣшенье,
Было-бъ въ тягость что одной;
Раздѣляетъ упражненье
Всегда миленькой со мной.

Какъ музыка не играетъ,
Забавляясь межъ собой;
Но то лучше утѣшаетъ,
Что мой миленькой со мной.

Тоску книга отнимаетъ
И питаетъ разумъ мой;
Но то больше забавляетъ,
Что мой миленькой со мной.

Иногда, гуляя въ полѣ,
Птички слухъ плѣняютъ мой;
Не завидую ихъ долѣ,
Если миленькой со мной.

Городами не прельщаюсь,
Здѣсь вкушаю я покой;
Всей утѣхой наслаждаюсь,
Когда миленькой со мной.

Не желая славы, злата
И считаю ихъ мечтой,
Я счастлива и богата,
Когда миленькой со мной.

356.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ
Лавры! я васъ не ищу;
Я и мирточкой доволенъ,
Коль отъ милой получу

Будь мудрецъ — свѣтиломъ міра,
Будь герой вселенной страхъ:
Рано-ль, поздно-ли, Темира,
Всякъ истлѣетъ, будетъ прахъ.

Розы-ль дышатъ надъ могилой,
Иль полынь надъ ней растетъ:
Все равно, о, другъ мой милой!
Въ прахѣ чувствія ужъ нѣтъ.

Прочь-же, скука! прочь забота!
Вспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ оборота;
Дорогъ, дорогъ каждый часъ!

Можетъ быть въ сію минуту,
Милый другъ, всесильный рокъ,
Посылаетъ парку люту
Дней моихъ прервати токъ.

Ахъ! почто-же медлить болѣ
И съ тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколѣ
Бьются въ насъ еще сердца.

И. Дмитріевъ.

357.

Приди, приди на этотъ лугъ,
Гдѣ слезы лью теперь напрасно,
Жестокій, милый сердцу другъ!
Ахъ! какъ невѣрнымъ быть ужасно!
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!

Одной на свѣтѣ скучно жить;
Тотъ камень, кто не знаетъ страсти;
Чтобъ часъ одинъ любимой быть,
Я годы проведу въ напасти.
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!

Въ тебѣ ни чувствъ, ни сердца нѣтъ,
Когда мой гласъ тебя не тронетъ!
Тебя твой прежній другъ зоветъ,
Зоветъ со вздохомъ, плачетъ, стонетъ.
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!
Ахъ! время быстро пролетитъ
И я увяну непремѣтно;
Тебя мой образъ поразитъ;
Раскаешься, но будетъ тщетно.
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!
Вздохнешь по мнѣ, но Лизы нѣтъ!
Съ душой, исполненной тобою,
Она оставила сей свѣтъ,
И гробъ ее покрытъ травою.
Тогда придешь на этотъ лугъ,
Но будетъ поздно, милый другъ!

358.

Въ рощахъ здѣшнихъ воспѣваетъ
На кусточкѣ соловей;
Онъ мнѣ, слышится, вѣщаетъ:
«Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!»

Травка, быліе, цвѣточикъ,
Желты классы, видъ полей,
Всякой мнѣ твердитъ листочикъ:
«Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!»

Межъ зелеными брегами
Тихо катится ручей;
Слышу онъ журчитъ струями:
«Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!»

На поля зефиры мчатся,
И опять летятъ съ полей;
Шумомъ ихъ слова твердятся:
«Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!»

Пастухи бѣгутъ ко стаду,
Всякъ съ подружкою своей;
Мнѣ твердятъ, рѣзвясь, въ досаду:
«Нѣтъ съ тобой твоихъ друзей!»

Нѣтъ ихъ, нѣтъ со мной конечно;
Нѣтъ моихъ веселыхъ дней,
Лишь мученіе сердечно
Мнѣ осталось безъ друзей.

Въ дружбѣ сладость заключенна,
Вся отрада въ жизни сей!
Въ сердцѣ радость умерщвленна,
Все противно безъ друзей!

Я безъ васъ, друзья любезны,
Лишена утѣхи всей!
Лейтесь, лейтесь, токи слезны!
Нѣтъ со мной моихъ друзей!

К. К. У—И.

359.

Я цыганка молодая,
Я цыганка не простая,
Знаю ворожить. 2.
Положи-ка мнѣ на ручку,
Положи мнѣ денегъ кучку,
Всю правду скажу. 2.
Все, что было, я узнаю
И что будетъ — отгадаю,
Ни въ чемъ не солгу. 2.
Если что съ тобой случится,
Если горе приключится,
Меня позови. 2.
А теперь прощай, дружочикъ,
Ты мой сизой голубочикъ,
Мнѣ пора домой. 2.

360.

За горами, за долами,
За лѣсами, межъ кустами
Лужечикъ тамъ былъ; 2.
На лужку росли цвѣточки,
Вокругъ милы ручеечки
Блистали въ струяхъ; 2.
Птички нѣжны пѣсни пѣли,
Слышны были тамъ свирѣли,
Соловей свисталъ; 2.
Вся природа веселилась,
И утѣха тамъ рѣзвилась,
Вѣялъ вѣтерокъ. 2.
Недалече тамъ былъ холмикъ,
А на холмикѣ былъ домикъ
На всей красотѣ; 2.
Подлѣ домика дубочикъ,
Гдѣ сидѣлъ душа молодчикъ
Въ кручинѣ, тоскѣ; 2.
Поджавъ рученьки сидѣлъ,
На цвѣточки онъ смотрѣлъ,
Пѣсеньку запѣлъ: 2.
Ахъ! ты милая моя!
Миловидная моя!
Скучно безъ тебя! 2.

Безъ тебя мнѣ все не мило,
Все не мило, все постыло,
Скрылся свѣтъ изъ глазъ! 2.

Всѣ кусточки и листочки,
И прозрачны ручеечки
Здѣсь не веселятъ; 2.

Они грусть лишь умножаютъ,
И о томъ напоминаютъ,
Какъ рѣзвились здѣсь; 2.

Мы играли въ мотылечки,
А любовь плела вѣночки
Всякой вечерокъ; 2.

Цѣловались, миловались,
Птички, глядя, любовались,
Какъ любились мы; 2.

А теперь въ несносной скукѣ,
Съ тобой, милая въ разлукѣ —
Въ смертельной тоскѣ! 2.

Нѣтъ минуты, ни часа,
Чтобъ не зрѣлася краса
Твоя въ сихъ мѣстахъ, 2.

Гдѣ всегда часто гуляли
Съ тобой, пѣсенки пѣвали,
Сидя на травѣ; 2.

Вдали эхо раздавалось,
А сердечко восхищалось
Среди всѣхъ отрадъ; 2.

А теперь сердечко ноетъ,
Во разлукѣ плачетъ, стонетъ
Добрый молодецъ. 2.
Не тужи, не плачь дѣтинка,
Не жалуйся сиротинка,
Увижусь съ тобой! 2.
Опять будемъ мотылечки,
И по прежнему дружечки
Съ тобой, милый другъ! 2.

361.

Деньги все превозмогаютъ,
Имъ ни въ чемъ препятствій нѣтъ.
Деньги всѣмъ повелѣваютъ,
И ворочаютъ весь свѣтъ.

Съ деньгами вѣсы Ѳемиды,
Какъ угодно мнѣ, верчу;
Правду, ложь я въ разны виды,
Какъ мнѣ надо, превращу.

Деньгами я закидаю
Цѣлой свѣтъ, на мѣсто стрѣлъ,
Всѣхъ душами овладаю,
Не вредя тирански тѣлъ.

Звонкій мнѣ металлъ настроитъ
Лиры авторовъ плѣня,
И за деньги удостоитъ
Вѣчности поэтъ меня.

Иль любовь имѣвъ въ предметѣ,
Золотцомъ лишь позвоню,
Лучшихъ прелестей на свѣтѣ
Полюбить себя взманю.

На красавицъ я суровыхъ,
Гордыхъ, суевѣрныхъ, злыхъ,
Денежны вложу оковы
И вздыхать заставлю ихъ.

Замковъ и садовъ настрою,
Домъ мой будетъ храмъ боговъ;
Въ потолкахъ прудовъ нарою,
Накуплю толпы рабовъ.

Въ цѣлой что родятъ природѣ
Отдаленные края,
Съ деньгами, къ моей угодѣ,
На столѣ имѣю я.

Что паритъ подъ небесами,
Въ безднахъ скрыто что на днѣ,
Сильныхъ денегъ чудесами
Все очутится ко мнѣ.

Не боюсь я согрѣшенья;
Мнѣ за нѣсколько мѣшковъ
Папа пришлетъ разрѣшенье
Бывшихъ, будущихъ грѣховъ.

Словомъ, что ни пожелаю,
Съ деньгами легко весьма;
Только вотъ бѣда, не знаю,
Льзя-ль на нихъ купить ума.

362.

Злой пастухъ!
Весь твой духъ
Нынѣ премѣнился
Ты иной
Красотой
Знать теперь плѣнился;
На лугахъ
При рѣкахъ
Безъ меня гуляешь;
Тутъ, гдѣ я
Для тебя,
Прочь ты убѣгаешь.
Чѣмъ-же, злой!
Предъ тобой
Стала я виновна?

Та-ль вина,
Что сильна
Страсть къ тебѣ любовна?
Для чего-жъ
Вводишь въ тожъ
Нынѣ и другую?
Иль, склоня,
Какъ меня,
Ввесть въ вину-жъ такую?

Вредно вамъ,
Пастухамъ,
Вредно вамъ ввѣряться;
Прежде въ лесть,
Всѣмъ, что есть,
Чтитесь заклинаться:

Вся та рѣчь
Станетъ течь
Послѣ за водами;
Слезный гласъ,
Спустя часъ,
Мчится за вѣтрами.

Ты звѣрей
Всѣхъ лютѣй,
Обманувъ несчастну;
Растерзавъ,
Власть отнявъ,
Ты оставилъ страстну.

Сладкой вѣкъ
Мой утекъ
Въ слѣдъ душѣ невѣрной.
Льстя себя,
Вѣрна я
Въ горести безмѣрной.

363.

Не бранитесь съ молодцами
Вы, дѣвицы, никогда:
Рождены они жить съ вами,
Вамъ безъ нихъ придетъ бѣда.

Ложны вамъ внушили слухи,
Что лукавъ и льстивъ женихъ —
Это вздумали старухи,
Что, ставъ мужемъ, будетъ лихъ.

Не досталось вамъ мудриться
И такъ строго выбирать;
Нужды нѣтъ и торопиться —
Только бойтесь опоздать.

Престарѣлыя дѣвицы
Изъ себя что кажутъ — смѣхъ!
Онѣ злобны, точно львицы,
Что лишилися утѣхъ.

Потерявъ уже надежду,
Въ комъ-бы нѣжность возбудить,
Берутъ зависти одежду,
Чтобъ другимъ ею вредить.

Исправляйте въ насъ пороки
Добродѣтелью своей,
И достоинства высоки
Поселите вы въ мужей.

Для блаженства васъ природа
И на свѣтъ произвела,
Для утѣхи смертна рода
Нѣжно чувствіе дала.

Клонетъ вѣтку къ землѣ стужа,
Изсыхаетъ корешокъ;
Сохнетъ дѣвушка безъ мужа,
Какъ ощипанный цвѣтокъ.

364.

Тебя я въ сердце заключаю,
О Софья, рай моихъ очей!
Тобою бывъ любимъ, считаю
Себя счастливѣе царей!

Тогда лишь я узналъ блаженство,
Какъ ты мнѣ отдала себя;
Ахъ, есть-ли въ мірѣ совершенство,
Чтобъ лучше быть могло тебя!

Но вдругъ внезапныя препоны
Прервать старались нашу страсть,
Любовь, въ твоихъ серцахъ законы
Берутъ надъ цѣлымъ свѣтомъ власть.

Любя, мы все преодолѣли —
О, сколь благополученъ я!
Печали скрылись, улетѣли —
Я, Софья, твой, а ты моя!

365.

Проходи ты, лѣто красное, скорѣй,
Ты поблекни красота луговъ, полей,
Пожелтѣйте всѣ кусточки на древахъ,
Не теките воды быстры въ ручейкахъ!
Другъ сердечный уѣзжаетъ отъ меня!
Все мнѣ скучно, все не мило бэзъ него,
Я лишилася веселія всего.
Не забудь меня, мой миленькой дружокъ,
Къ бѣдной дѣвушкѣ не будь ко мнѣ жестокъ!
Ты не дай съ тоски, съ кручины умереть.
Ахъ, легко-ли сердцу милаго не зрѣть!
Вспоминай, мой другъ, почаще обо мнѣ
На чужой и незнакомой сторонѣ!
Хоть увидишь и пригожѣе меня,
Но найдешь-ли, чтобъ любилъ кто такъ тебя?
Будь извѣстенъ — мнѣ никакъ не перенесть,
Какъ услышу отъ людей я добрыхъ вѣсть,
Что другую ты увидѣлъ, полюбилъ,
Что меня, мой свѣтъ, покинулъ, позабылъ:
Не сыщу ни въ чемъ отрады я себѣ,
Пропаду млада я съ горя по тебѣ;
Смерти будешь ты причиною моей,

Станешь Богу отвѣчать одинъ ты въ ней!
Можетъ быть тогда вспомянешь и меня,
Но въ сырой землѣ лежать ужъ буду я;
Ты напрасно станешь плакать, тосковать.
Ахъ, слезами изъ могилы не поднять.

366.

Въ посидѣлкахъ дѣвки пряли,
Веселилися, играли,
Всякая съ своимъ дружкомъ.
Ай люли, ай люли!
Всякая съ своимъ дружкомъ!
Тутъ дѣтинка дѣвкѣ красной
Бросилъ взоръ прелестный, страстной.
Что-то на ухо шепнулъ;
Ай люли! ай люли!
Что-то на ухо шепнулъ!
Что шепнулъ! — я не слыхала,
Только дѣвушка узнала,
Что ее онъ полюбилъ;
Ай люли, ай люли!
Что ее онъ полюбилъ!
Разлучить ихъ не старайтесь,
И на власть не полагайтесь:
Гдѣ любовь, тамъ власти нѣтъ;
Ай люли, ай люли!
Гдѣ любовь тамъ власти нѣтъ!

Вотъ слова ихъ: «наша хата
«И безъ золота богата,»
«Будемъ въ ней всегда плясать;»
Ай люли, ай люли!
Будемъ въ ней всегда плясать!

367.

Юность! юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь;
Пой, пляши, люби, рѣзвися!
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

Други! матери — природы
Слышите-ль пріятный гласъ?
Составляйте-жъ хороводы,
Пойте, вашъ доколѣ часъ.

Въ жизнь однажды срокъ утѣхамъ;
Пролетя не придутъ вновь!
Дайте руку играмъ, смѣхамъ,
Призовите и любовь.

А пѣвца, который съ вами
Ужъ рѣзвиться устарѣлъ,
Увѣнчайте хоть цвѣтами!
Чтобъ еще онъ вамъ пропѣлъ.

Юность! юность! веселися,
Веселись пока цвѣтешь;
Пой, пляши, люби, рѣзвися!
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

И. Дмитріевъ.

368.

Что съ тобою, ангелъ, стало?
Не слыхать твоихъ рѣчей;
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь, какъ соловей.

«Съ милымъ пѣла, говорила,
А безъ милаго грущу;
По неволѣ пріуныла:
Гдѣ я милаго сыщу?»

Развѣ милаго другова
Не найдешь изъ пастушковъ?
Выбирай себѣ любова,
Всякъ тебя любить готовъ.

«Хоть царевичь мной прельстится,
Все я буду горевать!
Сердце съ сердцемъ подружится:
Ужъ не властно выбирать....»

И. Дмитріевъ.

369.

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая!
Ужъ полно по улицѣ ходити,
Ужъ полно по миленькомъ тужити!
Ахъ, какъ мнѣ по миломъ не тужити?
Такова другова не нажити:
Хорошъ, пригожъ, милый уродился,
Что ростомъ, дородствомъ, красотою,
И своей молодецкою поступкой,
Вечоръ я съ милымъ побранилась;
Побранка была да небольшая:
Не знаю, какъ со милымъ помириться?
Самой покориться — не годится;
Людей посылати — мнѣ не кстати.
Дождуся я млада поры — время,
Что поры-ли, время, темной ночи,
Что темныя ноченьки, осенней,
Сама я къ милому побываю,
Въ глаза дорогому попеняю:
Ахъ, любчикъ, мой миленькой голубчикъ!
Не слушай ты разума чужаго;
Чужихъ, моя радость, наговоровъ,
Люди-то смущаютъ, разлучаютъ:
Людямъ-то завидно, что совѣтно живемъ!

370.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти:
Нѣтъ у молодца заботушки
Въ ретивомъ сердце зазнобушки!
Зазнобилъ меня сердечный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
Безъ краснова солнца высушилъ,
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу!
Не зельями, не кореньями;
Безъ морозу сердце вызноблю,
Безъ краснова солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленькій,
Въ зеленомъ саду подъ грушею;
Я сама сяду послушаю:
Не стонетъ-ли мать сыра земля?
Не вскрываетоя-ль гробова доска?
Не встаетъ-ли мой сердечный другъ? —
Зарости моя могилушка
Ты травушкой, муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,

Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ полюбовницѣ!
Ты достанься, мой любезный другъ,
Сырой землѣ, гробовой доскѣ!

371.

Не одна во полѣ дороженька,
Въ полѣ пролегала. 2.
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ
Бѣлымъ заростала. 2.
Какъ нельзя-то мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать: 2.
Хоть задумалъ-бы къ сударушкѣ
Къ своей въ гости ѣхать; 2.
Хоть поѣду я къ сударушкѣ,
Къ милой не доѣду; 2.
Хоть доѣду я къ сударушкѣ,
Всю ночь протоскую. 2.
Я спрошу свою сударушку,
Спрошу про здоровье: 2.
«Ты здорова-ли, сударушка,
«Какъ живешь, ты можешь?» 2.

372.

Мимо рощицы дороженька торна,
Какъ торнымъ торна, пробита до песка.
Еще кто-жъ эту дорожку проторилъ:
Добрый молодецъ ко дѣвушкѣ ходилъ.
Дорогіе къ ней подарочки носилъ;
Шаль персидскую на бѣлыя плеча:
А на ручку съ бриллiантами кольцо.
«Ты любитель мой, любитель дорогой!
«Ты не чувствуешь любови никакой,
«Кякова любовь на свѣтѣ горяча;
«Горяча любовь слезами облита.»

373.

Ахъ, ты, молодость,
Моя молодость!
Ахъ, ты буйная,
Ты разгульная!

Ты когда прошла,
Прокатилася? —
И пришла старость, —
Не спросилася. —

Какъ женилъ меня
Родной батюшка,
Говорила мнѣ
Родна матушка:

«Ты женись, женись,
«Безталантный сынъ,
«Ты женись, женись,
«Мое дитятко!» —

Какъ женился я,
Добрый молодецъ,
Молода жена
Не въ любовь пришла;

Не по нраву мнѣ
Молодецкому:
На рукѣ лежитъ, —
Что колодинка;

Во глаза глядитъ, —
Что змѣя шипитъ! —
— А какъ душечка
Красна дѣвица,

Моя прежняя
Полюбовница:
На рукѣ лежитъ —
Легко перушко,

Во глаза глядитъ —
Красно солнышко;
Во глаза глядитъ —
Цѣловать велитъ.

374.

Я слыхалъ: въ Москвѣ пространной
Много злата и сребра;
Градъ престольный, градъ избранный,
Много всякаго добра.

На кляченкѣ я собрался
На Москву хоть посмотрѣть;
Тамъ Лизетѣ обѣщался
На красавицъ не глядеть.

Ахъ, мой ангелъ, успокойся!
Съ кѣмъ могу тебя сравнить?
Будь увѣрена, не бойся:
Буду ввѣкъ тебя любить!

Какъ-то щеки ихъ краснѣе
Щечекъ кругленькихъ твоихъ;
Но ты ихъ сто разъ милѣе;
Что-то все не такъ у нихъ!

Тамъ огромныя палаты,
Много, много тамъ всего!
Люди всѣмъ въ Москвѣ богаты:
Нѣтъ лишь счастья одного!

Ворочусь-ка въ деревушку
На кляченкѣ я своей!
Тамъ оставилъ я подружку;
Привезу гостинца ей:

Ленточку я голубую
Въ знакъ любви Лизетѣ дамъ;
За подарокъ поцѣлую,
И найду я счастье тамъ.

К. Г. Хованскій.

375.

Мѣста, тобою украшенны,
Гдѣ дни я радостью считалъ,
Гдѣ взоръ, тобою восхищенный,
Мои всѣ чувства услаждалъ;

Въ пустыню скоро обратятся,
Веселья потерявъ свои;
Веселья вслѣдъ тебѣ стремятся,
Онѣ всѣ спутницы твои.

Природа оживясь тобою,
Гдѣ ты, въ пріятной той странѣ,
Твоей любуясь красотою,
Велитъ всегдашней быть веснѣ.

Мое спокойство удалится,
Съ тобой сокроется оно,
Чѣмъ буду, чѣмъ я въ жизни льститься?
Ты счастье дней моихъ одно!

Ни что, душѣ тобою плѣнной,
Ни что тебя не замѣнитъ;
Она не можетъ быть невѣрной,
Когда тебѣ принадлежитъ.

Ты права лишь надъ ней имѣешь,
Тебѣ любовь ихъ отдала,
Моею жизнію владѣешь,
Меня твоимъ быть нарекла.

Ужъ близокъ день моей разлуки,
Назначенъ часъ моимъ бѣдамъ,
Тобой я вверженъ въ злыя муки,
Тобой я осужденъ къ слезамъ.

375.

Цари! вы свѣтомъ обладайте,
Мнѣ не завидна ваша часть;
Стократъ лестнѣе мнѣ, вы знайте,
Имѣть надъ нѣжнымъ сердцемъ власть.
Деритесь, славьтесь, устрашайте!
А я, подъ тѣнью миртъ стою —
И милую свою пою.

Герои! жизнь пренебрегая,
Старайтесь лавры заслужить;
Я миртою себя вѣнчая —
Хочу жить мирно и любить;
Но вашей славы не желая,
Я честь вамъ должну отдаю —
И милую свою пою.

Богатство въ потѣ собирая
И не живя, кончай свой вѣкъ;
Дрожи, лишь злато сохраняя,
Богачь! — ты бѣдной человѣкъ!...
А я сей страстью не страдая,
Моихъ сокровищъ не таю —
И милую свою пою!

377.

Если-бъ ты понять хотѣла
Чувства сердца моего,
Дружба-бъ чувства тѣ имѣла —
А безъ нихъ любовь ничто.

Предъ тобой когда бываю,
Я не чувствую того,
Что тебѣ сказать дерзаю —
Но не много-ли сего?

Провождаю время въ скукѣ
Безъ тебя я въ сихъ мѣстахъ,
И хотя съ тобой въ разлукѣ,
Но ты все въ моихъ глазахъ!

Мнѣ лице твое прекрасно,
Здѣсь покоя не даетъ:
Вспоминаю ежечасно,
Духъ въ мученіи живетъ.

Чѣмъ могу тебя увѣрить
Въ нѣжной страсти я своей?
Чѣмъ любовь мою измѣрить?
Развѣ жизнію моей....

Слыша милой разговоры,
Мысль и духъ метется мой:
Обрати, о другъ мой, взоры
На плѣненнаго тобой.

378.

Ты грустишь, твой взоръ тоскливой
Тихой свѣтится слезой,
Ищешь въ думѣ молчаливой,
Сердцу прежній дать покой.

Сердце въ горѣ и не знаетъ,
Что есть смертный, можетъ быть,
Кто, все горе примѣчаетъ,
Но не смѣетъ раздѣлить.

Если-бъ взоръ сей хоть случайно
Обратился на него,
Ты-бъ узнала, что онъ тайно
Грустенъ больше твоего.

Ты-бъ узнала, что страдаетъ
Скромный другъ, и къ небесамъ:
«Дайте съ ней дѣлить, взываетъ,
Грусть и радость пополамъ.»

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

379.

Денечикъ проходитъ, ночка наступаетъ,
Ко мнѣ молоденькѣ милый присылаетъ,
Милой присылаетъ и самъ пріѣзжаетъ,
Дома-ли милая, радость дорогая?
А я молоденька, а я зелененька
На ножку легонька, съ постели вставала,
На дворъ поспѣшала, дружечка встрѣчала,
Про его здоровье дружка распросила,
Про свое несчастье дружку разсказала.
Тогда мой дружечикъ отошелъ подалѣ,
Сплеснулся руками, залился слезами.
А я молоденька дружку говорила:
Соколъ ты мой ясной, молодецъ прекрасной,
Дружечикъ мой милый, орелъ златокрылый!
Куда отъѣзжаешь, меня покидаешь
На чужой сторонкѣ меня молоденьку,
Меня молоденьку, меня зелененьку?
А я отъѣзжаю въ нижній городочикъ,
Въ нижній городочикъ — на одинъ годочикъ;
Пиши ко мнѣ письма, я буду читати,
Къ сердцу прижимати, слезно возрыдати,
Тебя молоденьку въ слезахъ вспоминати.

380.

Бьется птичка, сидя въ клѣткѣ;
Жаль ей воли дорогой!
На зеленой лучше вѣткѣ,
Чѣмъ въ темницѣ золотой.

Все въ природѣ торжествуетъ
Возвращенье красныхъ дней;
Птичка стонетъ и тоскуетъ:
Нѣтъ весны одной лишь ей!

Но свободы-ли единой
Ей несчастной столько жаль?
Нѣтъ!... гонима злой судьбиной,
Ей двойная вдругъ печаль:

Тотъ, кого она любила,
Для кого хотѣла жить,
Съ тѣмъ неволя разлучила:
Рокъ судилъ всего лишить.

381.

Вдоль по ярмаркѣ купчикъ идетъ,
По Макарьевской удаленькой!
Ай жги, говори, говори....
По Макарьевской удаленькой!
Какъ на купчикѣ модное пальто,
Шапка, съ кисточкою, хвацкая!
Ай жги, говори, говори...
И прочее.
Онъ идетъ, платкомъ помахиваетъ,
Толстой палкой подпирается....
Ай жги, говори и проч.
Куда-жъ купчикъ нашъ, голубчикъ такъ спѣшитъ?
Куда хватикъ пробирается?
Ай жги, говори и проч.
Пробирается, купчина нашъ, идетъ
Въ развеселое Кунавино!
Ай жги, говори и проч.
Въ развеселое Кунавино,
Къ раскрасавицамъ — цыганочкамъ!
Ай жги, говори и проч.
Хорошо пѣсни цыганочки поютъ,
Еще лучше съ купцовъ денежки берутъ.
Ай жги, говори и проч.

Молодая только глазомъ поведетъ,
Онъ тотчасъ ей депозитную даетъ, —
Ай жги, говори и проч.
А старуха ему хочетъ ворожить,
Проситъ денежку на ручку положить...
Ай жги, говори и проч.
Пока денежки звѣнятъ у молодца,
Для него въ присядку пляшутъ голубца, —
Ай жги, говори, и проч.
Когда-жъ станетъ весь кошель его пустой,
Тогда купчикъ просимъ милости домой!
Ай жги, говори, говори.....
Тогда купчикъ просимъ милости домой!

382.

По Владимірской по дороженькѣ
Со бубенчикомъ, съ колокольчикомъ 2....
Ѣдутъ купчики въ Нижній-Новгородъ; 2.
Ѣдутъ купчики все богатые, 2.
Все богатые, тороватые, 2.
Все со разными со товарами.....
Какъ пріѣдутъ-ли въ Нижній-Новгородъ, 2.
Торговать начнутъ — брать въ три — дорога, 2.
Набивать мошну сребромъ, золотомъ. 2.
Понабивъ карманъ — всѣ гулять пойдутъ, 2.
По веселому, по Кунавину. 2.
Бросать денежки — краснымъ дѣвушкамъ; 2.

Какъ одинъ изъ нихъ всѣхъ богаче былъ, 2.
За умильной взглядъ — давалъ дѣвицѣ, 2.
Онъ рублевичикъ, да серебряной; 2.
За улыбочку дарилъ каждую, 2.
Не жалѣючи — вдругъ по синенькой, 2.
Иль по цѣлому, по червончику; 2.
А какъ красная подаритъ его 2.
Словомъ ласковымъ, поцѣлуйчикомъ, 2.
Онъ отдать готовъ — весь бумажничекъ! 2.

383.

У воротъ дѣвка стоитъ,
Бѣло личико горитъ.
Калина моя,
Малина моя.
Бѣло личико горитъ
Сама плачетъ говоритъ. 2.
За что миленькой сердитъ! 2.
У кроватушки стоитъ, 2.
Стлать постелю не велитъ! 2.
Во зеленый садъ манитъ!
Пойдемъ милая въ садокъ,
Сорвемъ съ травушки цвѣтокъ;
Мы завяжемъ въ узелокъ,
Во батистовый платокъ.
Ахъ! ванетъ-ли, не ванетъ
Мой аленькой цвѣтокъ.
Ужъ какъ любитъ-ли, не любитъ

Меня миленькой дружокъ.
Ахъ! можно-ль тому статься?
Чтобы съ миленькимъ разстаться?
Кого вѣкъ клялась любить
И по гробъ не позабыть!
Какъ поѣдешь мой милой
Въ чужи дальнія страны,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не засматривайся.
У хорошихъ, у пригожихъ
Не засиживайся,
Хорошія, пригожія
Часовыя другъ твои!
Какова я небыла,
Но все вѣрная твоя.
Калина моя,
Малина моя.

(*Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.*)

384.

Веселая голова,
Не ходи мимо сада;
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади,

Отцу, матери безчестье,
Роду племени покоръ;
Мнѣ головушка далой,
Мнѣ нельзя придти домой:
Сказать матушки родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу этакъ, и вотъ такъ;
Скажу въ садикѣ была,
Во зеленомъ гуляла,
Сладки яблочки рвала,
Все наливчатые
И разсыпчатые;
Я на блюдечко ихъ клала,
На серебряное;
Ко милому относила
Во высокой во теремъ.
Милой яблокъ не принимаетъ,
Ничего не говоритъ,
Не отказываетъ,
Не приказываетъ.
И я топнула ногой,
Сама съ терема долой;
Оставайся, чортъ съ тобой!
Не ломайся надо мной,
Надъ моей русой косой,
Надъ дѣвичьей красотой.
На ступенечку ступила —
Призадумалася;
На другую я ступила —

Образумилася;
А на третью я ступила, —
Ворочусь млада назадъ,
Дружку выговорю,
Въ глаза выругаю:
Ты послушай-ка, каналья,
Погадай, негодяй!
Я за что тебя люблю,
За что жаловать хочу?
Я за то тебя люблю,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ,
Во полночь гулять готовъ. —

385.

Я вчера съ тоски въ лѣса пошла,
Въ зеленыхъ лугахъ горе мыкала;
Я рвала цвѣты назабудочки.
Во слезахъ я слово молвила:
Не забудь меня, милъ сердечный другъ!
Не забудь меня ты, душа моя!
Заплати, другъ мой, за любовь мою,
Заплати ты мнѣ не подарками:
Мнѣ не надобно твое золото;
Что въ алмазахъ мнѣ, что въ яхонтахъ!
Заплати однимъ словомъ ласковымъ,
Скажи — милая я люблю тебя!

386.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Ахъ! люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому кудрявой заломати.
Ахъ! люли, люли, заломати!
Я пойду, погуляю,
Ахъ! люли, люли, погуляю!
Бѣлую березу заломаю,
Ахъ! люли, люли, заломаю!
Срѣжу съ березы три пруточка,
Ахъ! люли, люли, три пруточка!
Сдѣлаю я три гудочка,
Ахъ! люди, люли, три гудочка!
Четвертую балалайку,
Ахъ! люли, люли, балалайку!
Вы гулки, не гудите!
Ахъ! люли, люли, не гудите!
Стараго мужа не будите,
Ахъ! люли, люли, не будите!
Старый мужъ спитъ съ похмѣлья,
Ахъ! люли, люли, спитъ съ похмѣлья!
Съ великаго перепою,
Ахъ! люли, люли, перепою!

Выду я на новыя сѣни,
Ахъ! люли, люли, на новыя сѣни!
Стану я стараго будити,
Ахъ! люли, люли, будити!
Встань, мой старый, пробудися,
Ахъ! люли, люли, пробудися!
Вотъ тебѣ помои, умойся,
Ахъ! люли, люли, умойся!
Вотъ тебѣ онуча, утрися!
Ахъ! люли, люли, утрися!
Вотъ тебѣ лопата, поклонися!
Ахъ! люли, люли, поклонися!
Вотъ тебѣ камень — подавися!
Ахъ! люли, люли, подавися! —

387.

Какъ у нашихъ у воротъ, 2.
Люли, люли, у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ, 2.
Люли, люли, хороводъ!
Молодушекъ табунокъ, 2.
Люли, люли, табунокъ!
Меня дѣвки кликали, 2.
Люли, люли, кликали!
На улицу поиграть, 2.
Люди, люли, поиграть!

Въ хороводѣ поплясать, 2.
Люли, люли, поплясать!
Меня свекоръ не пустилъ, 2.
Люли, люли, не пустилъ!
Хотя пустиль — пригрозилъ, 2.
люли, люли, пригрозилъ!
Гуляй сноха, да не долго!
Люли, люли, да не долго!
А я млада загуляла, 2.
Люли, люли, загуляла!
До самыхъ пѣтушковъ, 2.
Люли, люли, пѣтушковъ!
Какъ зорюшка занялась, 2.
Люли, люли, занялась!
А я млада поднялась, 2.
Люли, люли, поднялась!
На встрѣчу мнѣ деверёкъ, 2.
Люли, люли, деверёкъ!
Деверьюшка, батюшка, 2.
Люли, люли, батюшка!
Проводи меня домой, 2.
Люли, люли, домой!
До моего до двора, 2.
Люли, люли, до двора!
До высока терема, 2.
Люли, люли, терема!
Подхожу я ко двору, 2.
Люли, люли, ко двору!

Свекоръ ходитъ по двору, 2.
Люли, люли, по двору!
Повѣсивши голову, 2.
Люли, люли, голову!
Станетъ свекоръ младу бить, 2.
Люли, люли, младу бить!
А ты меня отними, 2.
Люли, люли, отними!
Не отнимешь прочь поди, 2.
Люли, люли, прочь поди!

388.

Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ,
Ай, вдоль по широнькой, удаленькой.
Ой жги, ой жги! говори!
Вдоль по широнькой удаленькой,
Какъ на молодцѣ смуръ кафтанъ;
Опоясочка шелковая;
Ой жги, ой жги! говори!
Опоясочка шелковая,
Рукавички барановыя;
А сапожки сафьяновые,
Ой жги, ой жги! говори!
А сапожки сафьяновые.
На немъ шапочка бархатная,
А околышъ черна соболя.
Ой жги, ой жги! говори!
А околышъ черна соболя.

Подъ полой несетъ дуду,
Подъ другой несетъ онъ гусельцы.
Ой, жги, ой жги! говори!
Подъ другой несетъ онъ гусельцы.

Какъ струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала:
Ой, жги, ой жги! говори!
А дуда-то выговаривала,

Пора молодцу женитьбу давать,
Холостому время свататься.
Ой, жги, ой жги! говори!
Холостому время свататься.

Стару бабу за себя-бъ ему взять,
Стару бабу на печи-бы держать;
Ой, жги, ой жги! говори!
Стару бабу на печи-бы держать.

Стару бабу киселемъ-бы кормить,
Сытой бабу припаивати.
Ой жги, ой жги! говори!
Сытой бабу припаивати.

Кабы бабѣ калача, калача:
Стала-бъ баба горяча, горяча,
Ой жги, ой жги! говори!
Стала-бъ баба горяча, горяча.

Кабы бабѣ киселя, киселя:
Стала-бъ баба весела, весела.
Ой жги, ой жги! говори!
Стала-бъ баба весела, весела.

Кабы бабѣ молока, молока:
Стала-бъ баба молода, молода.
Ой жги, ой жги! говори!
Стала-бъ баба молода, молода.
Кабы бабѣ сапоги, сапоги:
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги,
Ой жги, ой жги, говори!
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги.
Затянула-бъ баба пѣсенку,
Тонкимъ, звонкимъ своимъ голосомъ.
Ой жги, ой жги! говори!
Тонкимъ, звонкимъ своимъ голосомъ.
Ты любимая-ль пѣсня моя,
Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣть;
Ой жги, ой жги! говори!
Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣть.
Я люблю тебя и за мужемъ,
У дружка милова въ очахъ живучи.
Ой жги, ой жги! говори!
У дружка милова въ очахъ живучи.
Ахъ, бѣда-ль моя, бѣда-ль моя,
Ахъ, бѣда моя не маленькая!
Ой жги, ой жги! говори!
Ахъ, бѣда моя немаленькая!
Что зовутъ меня не дѣвушкою,
Не дѣвушкою, не молодушкою.
Ой жги, ой жги! говори!
Не дѣвушкою, не молодушкою,

Я со вечера-то дѣвушка,
Со полуночи молодушка.
Ой жги, ой жги! говори!
Со полуночи молодушка.
Ко бѣлу свѣту хозяюшка,
Черезъ сорокъ недѣль матушка
Ой жги, ой жги! говори!
Черезъ сорокъ недѣль матушка.

389.

ПЧЕЛКА.

Пчелка легкая порхаетъ
По цвѣточкамъ, безъ хлопотъ,
И для улья съ нихъ сбираетъ
Бѣлый воскъ и сладкій медъ —
И не чудо-ль? розы алой
Отъ того не блекнетъ листъ.
И все также, какъ бывало,
Цвѣтъ ея багрянъ, душистъ!....
Тотъ, кто трудника лелѣетъ,
Пищу алчущимъ даритъ,
Длань того не оскудѣетъ,
Вѣчно самъ тотъ будетъ сытъ,
За радушныхъ — Провидѣнье;
Милосердый не убогъ:
Съ нимъ небесъ благословенье;
Казначей его Самъ Богъ!

390.

За горами, за долами
Банапарте съ плясунами
Вздумалъ въ ровень стать. 2.
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда-жъ съ клешней тащится,
И давай плясать. 2.
Не въ подладъ пошелъ англезу,
Вздумалъ бросить экосезу,
Польскую пройтить. 2.
Не видавши пыли русской,
Вздернулъ къ верху нос французской
И давай кружить. 2.
А сарматы пустословы,
Подъиграть ему готовы,
Гостикъ дорогой! 2.
Скрипки, басы заревѣли,
Звонки трубы загремѣли,
То-то пиръ горой! 2.
Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ,
«Семъ на Русь пойду! 2.
«Тамъ я барыню пройдуся,
«Фертомъ въ боки подопруся,
«Пляску заведу!» 2,

Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку Москву! 2.

« Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтиться,
« А чтобы повеселиться,
« Барынь позову! » 2.

Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося:
Не съ кѣмъ поплясать. 2.

Проложилъ только дорожку,
Занозилъ скоренько ножку,
Пришлось отдыхать. 2.

Князь Кутузовъ помнилъ слово:
Хоть не скоро, да здорово,
Старый воробей! 2.

Знавши вывертки французски,
Заиграть велѣлъ по-Русски
Музыкѣ своей 2.

Наши грянули по-свойски,
Мы не знаемъ по-заморски,
Нутко казачка!

Чуть послышалъ Корсиканецъ:
« Провались проклятый танецъ,
« Дастъ онъ мнѣ толчка! 2.

« То-ли дѣло по-нѣмецки,
« Танцовать по-молодецки,
« Старый Алемандъ! 2.

«Эта пляска мнѣ сходнѣе
«И для ногъ моихъ сноснѣе,
Ну! назадъ, назадъ!» 2.

Видно хватъ ты изъ французовъ,
Говоритъ ему Кутузовъ:
Нѣтъ, братъ, погоди! 2.

Шаркать мастеръ ты ногою,
Семъ попляшемъ мы съ тобою,
Нутко выходи! 2.

Захотѣлъ плясать по-русски,
Присѣдай-ко по французски,
Ты Наполеонъ. 2.

Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать: пардонъ! 2.

Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога. 2.

Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански, безъ оглядки,
Шаркнулъ онъ назадъ. 2.

Его музыки не стало,
Скрыпокъ будто не бывало —
Пляска дорога! 2.

Моргнулъ онъ коленкуру:
«Семъ-ка выкинемъ фигуру
«На цыганскій ладъ!» 2.

Не соваться было въ воду,
Не спрося прежде броду,
Хвать — богатырю. 2.
Мать Россiйская держава!
Силы много! — Слава, слава
Бѣлому Царю! 2.

391.

Фуй, на сфетѣ какъ мнѣ крусна,
Мой Крестинъ талёкъ пошоль,
Мой Крестинъ буль ошень вкусна,
Всѣхъ мамзель була король.

Пальшой ростъ она имѣла
И въ щекахъ румянъ икралъ,
Супа черна, профи бѣла,
Соферщенна була краль.

Фолосъ ей совсимъ буль рижа
И какъ солнишко плисталъ,
Нѣтъ я шай и на Парижа
Сколь карошъ и прямо таль.

Я съ атной съ ней кушаль миска
Кушаль слатко, клала въ фротъ,
Силерей, салатъ, сасиска,
И калбасъ и бутеръ-бротъ.

Вермочели, макарони,
Съ мой Крестинъ я все телилъ,
Я ходилъ съ ней на всѣ строни
Въ шустеръ — клюпъ я ей фасилъ.

На исфошникъ съ ней катался,
На театръ, на маскарадъ,
А теперь я весь пропался
И она пошоль на адъ.

Шорви шерти ее станитъ
Шарить въ сковоротъ и на каструль,
Медномъ феникъ въ пане паритъ
И сажать въ шелезна стуль.

Разна, разна, съ ней манера
Пудитъ тамо потреблять,
Шалка мнѣ моя фенера
Шемьше ей мнѣ посаплять.

Съ мой Крестинъ я спознавался
И ей мнока палафалъ,
Съ мой Крестинъ теперь разстался,
И карманъ мой кранкенъ сталь.

Нѣтъ на сфетѣ мнѣ феселья
И не снай што кафорить,
Расфе только отъ пестелья
Стану фейфъ — табакъ курить.

Или къ снатна касподина
Я на козлъ пашоль сѣдитъ,
И на ней съ плетомъ на спина
Пальшой сфетъ будитъ глядитъ.

Моя многа сада мчался
И на лафкъ и на трахтиръ,
Моя всяка ни скушался
Переcталъ я выпить биръ.

392.

Какъ за рѣчинькой слободушка стоитъ,
Въ ту слободку добрый молодецъ идетъ,
Чтобъ увидиться съ любезною своей.
Онъ летитъ, летитъ на быстрыхъ крыльяхъ къ ней.
Красна дѣвица ждала, ждала дружка,
И примѣтила его издалека,
Для любовниковъ не надо много глазъ,
Гдѣ нашъ милый, сердце скажетъ намъ тотчасъ.
Вдругъ дѣвицу съ молодцомъ подстерегли,
И хотѣли разлучить, да не могли.
Поздно, поздно брать сердца назадъ тогда,
Какъ успѣютъ промѣнять ихъ на всегда.
Всякой знаетъ, что любовь. любовь сильна,
Что и въ хижинѣ счастливитъ насъ она.
Такъ скажите-жъ, какъ отъ милаго отстать,
Что полюбишь, какъ любить-то перестать.

393.

Гремитъ звонокъ и тройка мчится,
За нею пыль взвилась столбомъ.
Вечерній свѣтъ по малу тмится,
Безмолвье мертвое кругомъ.

Вотъ на пути село большое,
Туда ямщикъ мой поглядѣлъ.
Его забилось ретивое
И потихоньку онъ запѣлъ.

Краса твоя меня сгубила
И бѣлый свѣтъ мнѣ опостылъ,
Зачѣмъ, зачѣмъ приворожила,
Коль я душѣ твоей не милъ.

Кажись мнѣ пѣснью удалою
Недолго тѣшить сѣдока,
Кажись ужъ скоро подъ землею
Зароютъ тѣло ямщика.

По мнѣ лошадушки сгрустятся,
Разставшись рѣзвыя со мной,
Онѣ ужъ больше не помчатся
Вдоль по дорожкѣ столбовой.

Красавица ты молодая
Быть можетъ тяжко воздохнешь,
Кладбище наше посѣщая
Къ моей могилѣ подойдешь.

Въ тоскѣ кручинушкѣ сердечной
Къ сырой землѣ лицо склоня,
Промолвишь мнѣ въ разлукѣ вѣчной:
Съ тобой красавица твоя.

Въ глазахъ тутъ слезы показались,
Но ихъ ямщикъ не утиралъ,
Пока до мѣста не домчались,
Онъ волю полную имъ далъ.

И звукъ сей пѣсни сердцу милой
Не такъ давно былъ слышенъ мнѣ,
Ее пропѣлъ ямщикъ унылый
Въ своей родимой сторонѣ.

И говорятъ его не стало,
Дѣвица красная въ тоскѣ,
Она безвременно увяла,
Грустя по бѣдномъ ямщикѣ.

394.

Ты прости нашъ соловей —
Голосистый соловей!
Тебя больше не слыхать,
Насъ тебѣ ужъ не плѣнять.

Не отъ лютыя зимы —
Соловей несешься ты.
Не веселый край сманилъ,
Но злой рокъ тебя сгубилъ.

Твоя воля отнята,
Клѣтка крѣпко заперта!
Ахъ, прости мой соловей,
Голосистый соловей.

Пѣсню намъ прощальну спой, —
Пусть волшебный голосъ твой
Перелетомъ вѣтерка!
Насъ плѣнитъ издалека.

395.

ТЫ ПОМНИШЪ-ЛИ ЧАСЪ ТОТЪ? (Романсъ.)

Ты помнишь-ли часъ тотъ, мой другъ прихотливый
Когда мы сидѣли — а вѣтеръ шумѣлъ.
И грустно качалъ онъ плакучія ивы,
Но демонъ печали насъ тронуть не смѣлъ...
Ты помнишъ-ли часъ тотъ?
Ты помнишь-ли часъ тотъ, какъ небо темнѣло
И жители Рейна насъ звали подъ кровъ,
Но мы отвѣчали: « *а намъ что задѣло!*
Пусть небо темнѣетъ... намъ свѣтитъ любовь! »
Ты помнишь-ли часъ тотъ?
Ты помнишь-ли часъ тотъ, когда, упоенный,
Къ тебѣ припадалъ я съ восторгомъ на грудь...
А ты мнѣ шептала: о другъ мой безцѣнный!
Какъ сладко намъ вмѣстѣ!... помедли!.. побудь!..
Ты помнишь-ли часъ тотъ?

И. Голубинъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

И.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ѣ.

Э.

Ю.

Я.

Антикварная
книжная
торговля
В.И. КЛОЧКОВА.
С.П.Б.